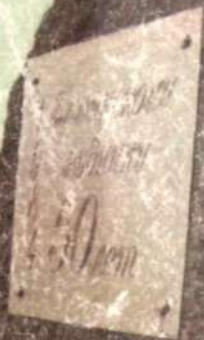

УФД

В. АЛЬТОВ

Медногорск

В. АЛЬТОВ

Медногорск

Библиотеке
Медногорской
городской библиотеки
с книжкой
пожеланиями
В.Альтов
05.04.90

ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕЛЯБИНСК
1989

Странное чувство испытываешь, подъезжая к Медногорску по автомагистрали Оренбург — Орск. Развилка. Отсюда до города, как говорится, рукой подать. Но не видны его каменные строения. Всюду, куда ни глянь — относительно ровная спокойная степь. Лишь кое-где ее разрезают долины пробивающихся к Уралу речек, да крохотные лесочки и озерца. На десятки километров раскинулось Саринское плато. И только вдаль, к северу, синеют зубцы Губерлинских гор, видна старая вышка телевизионного ретранслятора, словно уходящие в землю стальные мачты линий электропередач, да чуть выступающая из-за крутой вершины макушка массивной трубы, из которой до горизонта тянется густой шлейф дыма. В Медногорск спускаешься сверху — с приподнятой равнины.

Город тесновато разместился в седловине между горами, на их склонах, полукружьем-амфитеатром спускающихся к речке Бляве.

Медногорск — один из самых зеленых городов в Оренбуржье. Чуть ли не с первых дней тут завели такой порядок — жизнь в новом доме люди начинают с посадки деревьев, а затем бережно растят их.

И возраст первых, а теперь могучих посадок, как и у города, приближается к половине века. И тот большой лесопарк, который отделяет центральную часть Медногорска от промышленной зоны, создавали жители. В окрестностях города, по дороге в пионерский лагерь «Лесная сказка» поднялись березовые рощицы. Их тоже вырастили медногорцы. Несколько лет назад тут перегородили плотиной речушку Херсонку. Образовался просторный водоем — любимое место отдыха горожан в летние месяцы. И те, кто не равнодушен к рыбалке, любят посидеть здесь с удочками. Вот только зелени вокруг искусственного озера маловато, но и эта проблема будет решена, как говорится, всем миром.

У города, можно сказать, нет окраин. Многоквартирные дома поднимаются почти к верхним точкам окружающих гор. Выше только многочисленные ряды гаражей, в которых стоят личные автомобили горняков, металлургов, химиков, электромашиностроителей. Дома идут уступами в гору, к старой мачте ретранслятора, почти от берега Блявы — тихой, даже невзрачной речушки. Но эта скромная речка, берущая начало неподалеку от Сары, не раз приносила первостроителям и сегодняшним жителям немало бед в пору буйного таяния снегов.

Город небольшой, компактный. Его центр украсило современное здание Дома Советов, которое стоит на холме, в самом торце улицы Советской. Чуть ниже приметное с шестиколонным портиком здание Дома культуры металлургов, за ним видна глав-

ная площадь Медногорска, где установлен памятник Владимиру Ильичу Ленину. Дальше на холме выросло новое здание индустриального техникума. В самой верхней части Медногорска — школа № 1 и знаменитая пятиэтажка. Этот первый пятиэтажный дом, окруженный деревьями, словно парит над городом. Очень жаль, что не удалось тогда достроить вторую пятиэтажку, фундамент которой был уже заложен перед самой войной. Можно только представить себе, насколько красивее выглядела бы выдержанная в едином стиле центральная часть города. Сейчас тут смешение построек — тридцатых, сороковых и семидесятых годов.

По Советской улице — жилые, административные, культурно-бытовые здания и маленькая площадь перед одним из первых в области широкоэкранным кинотеатром «Урал». На площади памятник Сергею Орджоникидзе. Ему Медногорск во многом обязан своим рождением.

В местном краеведческом музее, созданном стараниями и настойчивостью замечательного краеведа, начальника планового отдела медно-серного комбината, настоящего летописца города Александра Михайловича Мозгунова, можно прочитать постановление коллегии Наркомтяжпрома, которое Григорий Константинович Орджоникидзе подписал 1 мая 1933 года. В постановлении восемь пунктов. Вот наиболее важные из них:

«1. В системе Главзолото создать ударное строительство комбината «Блява».

2. На подготовительные работы и строительство ассигновать в 1933 году 2,5 миллиона рублей...

4. Предложить начальнику строительства Кудишу Б. Ю. всемерно форсировать разведочные, исследовательские и проектные работы с тем, чтобы строительство комбината могло быть начато в 1934 году...

7. Возложить на начальника Главзолото тов. Серебровского личное наблюдение за этой стройкой».

В мае 1933 года на станцию Блява прибыл заместитель начальника новой ударной стройки Горбунов. Он арендовал крестьянскую хату, поставил письменный стол, повесил у входа написанное от руки объявление «Ударное строительство Блява. Бюро по найму рабочих».

Сюда пошли люди, уже наслышанные о богатствах Блявы. Один из первых строителей, ставший потом бригадиром газодочиков химического цеха, Иван Константинович Галяминский, рассказывал:

— Узнав, что в Бляву приехал начальник, который нанимает рабочих на стройку, я уволился (был чабаном в совхозе «Овцевод», срок трудового договора уже закончился) и пошел за семь верст на станцию искать этого начальника. Накануне прошел сильный дождь, грязь была непролазная. Сапоги становились пудовыми, идти было трудно. Но дошел. Я был четвертым, поступившим на стройку. На другой день вышел на работу. Возил на своей лошади продовольствие с железнодорожного склада в столовые. Поселили меня в палат-

ке, а к зиме построил себе полуземлянку.

А вот что рассказывает Екатерина Васильевна Конихина:

— Отец пришел с работы и сказал, что на станции Блява, где-то недалеко от Орска, затевается большое строительство. Решили отправиться туда. Денег на поезд не было. Взяв харчей на дорогу, пошли пешком со станции Донгузская. На девятый день — 12 июня 1935 года — пришли на десятый разъезд. Утром на другой день вышли на работу. Отец — землекопом, я — рабочей на стройучасток. Потом вместе с другими строила кирпичный завод и осталась там до ухода на пенсию в 1970 году.

У уральского поэта Бориса Ручьева есть такие стихи:

До чего ж это здорово было!
Той же самой осенней порой
Как пошла вдруг, да как повалила
Вся Россия на Магнитострой...

Эти строки будто написаны и о Бляве. Спустя несколько лет точно так же «пошла вдруг да как повалила вся Россия» сюда, на новую ударную стройку. Ехали на неведомую станцию люди из Пермской, Пензенской, Вятской, Ульяновской и других областей, из Средне-Волжского и Красноярского краев, из окрестных оренбургских и башкирских деревень, из зауральских казахских аулов.

Это было начало очень крупной и важной стройки — одной из многих, которые разворачивала страна, взявшая единственно

правильный курс на индустриализацию. Это было начало нового города, рожденного Октябрем, славной эпохой первых пятилеток. Он родился в те же легендарные годы, что и Магнитогорск, Кузнецк, Комсомольск-на-Амуре.

Истоки

Самые первые поселения появились в здешних местах еще в середине прошлого столетия. Устав от кочевой жизни, башкиры оседали на земле, благо была она еще никем не мерянной. В поисках мест, удобных для основания деревень, посылали гонцов в окрестные горы и степи.

Теперь трудно сказать — это была или легенда, но старожилы рассказывают такую передающуюся от поколения к поколению историю. Суть ее я слышал и от Александра Михайловича Мозгунова, от сельского учителя и поэта Михаила Ивановича Лапыгина, и от кувандыкских краеведов, но передаю по-своему. Вот она.

Молодой джигит ехал по берегам речки, которая, извиваясь между горами, текла куда-то вдаль. Буйные травы росли по берегам, деревья подступали к самой воде. Напоил коня, напился сам. Оставив коня на лужайке с сочной шелковистой травой, стал бродить по увалам. И вдруг увидел камень, который давно искал. Им можно наточить меч, наконечник стрелы, косы, ножи, другой нехитрый инструмент скотоводов.

— Бейляу (оселок)! — восторженно крикнул Рамазан. Камней таких тут оказа-

лось много, целая россыпь. Джигит стал выбирать лучшие из них, складывать в суму. Заметив место, чтобы вернуться еще, он пошел к речке. Коня не было. Кинулся Рамазан влево, вправо, звал и голосом, и свистом — не пришел скакун.

Загоревал Рамазан: конь — все богатство бедного пастуха. То находил след, то снова терял его. Выбываясь из сил, карабкался на крутые скалистые вершины, откуда было видно далеко окрест, снова спускался к воде. Ночь застала его в горах. Уснул Рамазан, устроившись в затишке за огромным камнем. Сон был тревожным, беспокойным. Не раз вскакивал пастух, услышав во сне знакомый перестук копыт. А чуть рассвело, пошел дальше с горы на гору. По распадкам клубились сизые клочья тумана. Но вот из-за гор выглянуло солнце, и туман словно растаял, лег искрящейся росой на травы. Огляделся Рамазан — забрел он в совершенно незнакомые, но благодатные места. Заросшая лесом долина, которую рассекала речушка с прозрачной, как слеза, водой. Там, вдали, она впадала в другую речку. Вокруг просторные поляны с богатым разнотравьем. Травы мягкие, сочные. Только щебетанье птиц да журчащая песня речки нарушали тишину. Очень понравилось ему это место. И на душе вроде бы полегчало, а тут и конь тревожно заржал. Из тысячи лошадиных голосов узнал бы он его голос.

Рассказал своим сородичам о случившемся с ним приключении, о речке, на берегах которой нашел оселки, раздарил всем

камни. А речку так и стали звать Бейляу. Потом, постепенно, за долгие десятилетия трансформировалось название в Бляу (именно так она называлась в документах и на картах в начале тридцатых годов), а потом и в Бляву. Там, где сливали свои воды две реки, поселились башкиры — соплеменники Рамазана и назвали свою деревню Блявтамак — «Устье Блявы». А дальше появились и села Рамазаново, Алчимбаево, Ибрагимово, Усерган, Идельбаево и другие.

Позднее, уже в конце прошлого столетия, тут обосновались украинцы. В поисках лучшей доли переселились они сюда из Киевской, Полтавской и других губерний, привезли с собой и названия тех мест, откуда приехали, — Новокиевка, Херсонка, Полтавка, Ракитянка.

Заметно оживились эти края с началом прокладки железной дороги Оренбург—Орск. Первые метры новой линии были уложены в мае 1913 года. На строительство «чугунки» хлынул поток безземельных крестьян, рабочего люда. Этим пользовались подрядчики.

«На Оренбургско-Орской железной дороге, — писала в 1913 году столичная газета «День», — забастовало около трех тысяч рабочих, труд которых превратился в каторжный. Одной из главных причин забастовки (кроме каторжных работ на ломке камня) послужило отсутствие крытых помещений для рабочих. Наступили обильные дожди, ночи стали холодные, а рабочие живут под открытым небом. Создалась такая тревожная атмосфера среди рабочих,

что на место работ выехал вице-губернатор». Не сумев договориться с рабочими, ретивый начальник вызвал для острастки казачью полусотню. Ее расквартировали там на постоянное пребывание.

Осенью 1914 года в долине Блявы огородили колючей проволокой обширную площадь. На углах поднялись сторожевые вышки. Вскоре на разъезд Желтый привезли эшелон военнопленных — немцев, австрийцев, мадьяр, чехов. Дальше их пригнали этапным порядком во временный лагерь неподалеку от станции Блява. Военнопленные стали работать на строительстве железнодорожной линии Оренбург — Орск, на пробивке туннеля сквозь гору, ставшую на пути за разъездом Рысаево.

Строительство туннеля велось по проекту и под руководством инженеров-путейцев Э. Ф. Родзевского и С. П. Колесникова. Сквозь крепчайшие скальные породы пробивались вручную, с помощью кирок, ломов, кувалд, металлических клиньев. Отбитую породу вывозили ручными тачками. Это был тяжелый, изнурительный труд, не все его выдерживали. Вдоль дороги и у западного и восточного порталов туннеля осталось много русских и нерусских могил.

1 января 1915 года из восточного портала туннеля с победным гудком, в клубах дыма, вышел паровоз с несколькими платформами, нагруженными рельсами и шпалами. Он прошел чуть дальше того места, где сейчас станция Медногорск, и остановился. Дальше пути еще не было. Строители вели укладку земляного полотна до станции,

которой дали не очень понятное для русско-го слуха название Блява. Никто и предполагать тогда не мог, что не пройдет и двадцати лет, и это слово узнает вся страна.

Еще долгие годы тут, недалеко от выхода из туннеля, стояли железнодорожная будка путевого обходчика и так называемая казарма 224-го километра, в которой жили ремонтные рабочие. Позднее, уже после начала строительства, здесь будут проложены дополнительные пути и открыт десятый разъезд.

Ввод новой железной дороги намечался на 1 декабря 1916 года. Но первая мировая война надолго отодвинула этот срок. В предреволюционные годы стальные пути успели довести только до станции Сара, она долго еще была тупиковой. Строительство дороги до Орска было продолжено лишь после окончания гражданской войны, которая огненным смерчем прошла по этим местам.

В феврале сурового девятнадцатого года по невысоким горным кряжам, степной ровности Саринского плато пронесли свои боевые знамена прославленные полки 24-й Симбирской Железной дивизии, которой командовал герой гражданской войны Гая Дмитриевич Гай, а после его назначения командующим Первой армией — Василий Игнатьевич Павловский. Бойцы Железной взяли Кувандык, Бляву, Орск, изгнали дутовцев в полупустынные тургайские степи, но спустя несколько недель под натиском Южной армии Колчака вынуждены были отойти к Оренбургу. В августе 1919 года эти края теперь уже навсегда освобо-

дила от белогвардейцев 20-я Пензенская дивизия под командованием героя гражданской войны, героя обороны Оренбурга Михаила Дмитриевича Великанова.

Но еще не один год белые банды совершали набеги на железнодорожные станции, грабили поезда, громили артели строителей. Сохранилась секретная телеграмма из Оренбурга начальнику Ташкентской железной дороги о событиях, происходивших в конце ноября 1920 года: «По имеющимся НКПС сведениям с 20 часов 26 ноября до 18 часов 30 ноября перегон Кувандык — Круторожино был закрыт вследствие оперирующих там банд, для ликвидации коих из Оренбурга экстренными поездами были отправлены роты солдат Оренбургского гарнизона...» В 1921 году тут были разгромлены банды Логинова и Кужахмета, в 1922-м уничтожена кулацкая банда в районе Губерли.

В те годы, оценивая природные богатства районов, прилегающих к строящейся железной дороге Оренбург — Орск, геолог Н. Н. Тихонович писал: «Резюмируя, таким образом, наши сведения по полезным ископаемым этого края, можно сказать, что до сих пор только золото представляет реальную ценность» (имелись в виду небольшие и небогатые месторождения, на которых велась добыча драгоценного металла на приисках Кумак, Синий Шихан, Блак, Трансвааль, Солончанка, расположенных на территории нынешних Адамовского, Светлинского, Кваркенского районов).

Позднее, уже в советские годы, крупнейший ученый, академик Иван Михайлович Губкин, анализируя геологическую карту Урала, высказал предположение, что к западу от Халилова возможны богатые залежи медного колчедана — продолжение свиты уральских медно-рудных месторождений от Ревды, через Баймак до Мугоджарских гор.

В 1929 году в Орске обосновалась крупная геологическая база. Ее разведочные партии вели работу на огромной территории — в ближних и дальних окрестностях Орска и Халилова. На берегах Блявы и Херсонки в то время действовала поисковая партия инженера Еремина. Именно ему показал выходы на поверхность бурого железняка в районе Ракитянки местный крестьянин Федор Степанович Антипин. Она первой вскрыла так называемую «железную шляпу» — верхнюю окисленную часть колчеданных месторождений, состоящую из бурого железняка, а потом наткнулась на серный колчедан, но содержание меди в руде оказалось настолько незначительным, что на открытие даже не обратили внимания. Месторождение разведывали как железное. Но 17 июля 1930 года в окружной газете «Оренбургская коммуна» была опубликована статья горного инженера К. В. Полякова. В ней рассказывалось, в основном, о халиловских железняках. Но есть там и такие строки: «В районе станции Блява нами были обнаружены медные руды в форме сульфатных и углекислых соединений в кварцевых жилах, разведка на которые

начата нами в июне текущего года».

Потом поиски возглавил горный инженер азербайджанец Мамед Осад-оглы Мамедов, которого на русский манер соратники называли Мамедом Осадовичем. Это был интересный человек — участник гражданской войны, бывший военный атташе советского посольства в Турции, выпускник горной и промышленной академий. Мамедов работал заместителем начальника Орской геологической базы по производственной части. Побывав на Бляве, он так увлекся поисками, что настоял, чтобы разведку месторождения поручили ему. С ним согласились, и с мая 1932 года началось более детальное исследование.

Поисковые работы велись тогда, в основном, вручную. Буровых станков было очень мало. Рылись шурфы, канавы или шахты, так называемые «дудки». С помощью обыкновенного ворота рабочий в бадье опускался в колодец, брал пробы грунта, потом шурф углубляли для очередной пробы, и так далее. Сотни таких «дудок» глубиной до тридцати метров и до полутора метров в поперечнике были заложены в тридцатые годы в тех местах, на безлесном плато Куян, что в переводе на русский язык означало «заяц».

В шурфах, которые закладывались в угрюмых безлюдных местах, на холмах и в распадках между ними, все чаще попадался красный железняк. Но мощностъ пласта была небольшой, содержание железа незначительное. Из Самары, где находился Средне-Волжский геолого-гидрогеодезиче-

ский трест, пришел приказ: «С 10 ноября 1932 года Блявскую геолого-разведочную группу ликвидировать. Геологов. Мамедову имущество, числящееся за ним, сдать».

Мамедов отказался выполнять этот приказ, настаивал на продолжении поисков. Его горячо поддержал главный инженер Орско-Халиловской геологической базы Иосиф Леонтьевич Рудницкий — будущий первооткрыватель нескольких крупных месторождений никелевой, железной и медной руд, лауреат Государственной и Ленинской премий.

В неполноценности этого железяка Рудницкий почувствовал еще неведомое таинство каких-то сложных процессов — и физических, и химических. А что если в ходе этих процессов медь выделилась из верхних слоев в более глубокие? После разговора с Рудницким Мамедов поделился этими соображениями с известным геологом профессором Николаем Константиновичем Разумовским. Тот сразу же отозвался вполне определенной телеграммой: «Если копнете глубже, то под железной шляпой наткнетесь на медную руду».

Группа Мамедова продолжает поиски. Но финансирование прекращено, а людям нужно платить зарплату, покупать продукты. Тогда Мамедов седлает коня и скачет в Орск. Там в гострудсберкассе берет все свои сбережения, обращается за содействием к Рудницкому. Иосиф Леонтьевич отдает Мамедову свои деньги и пишет обоснованное письмо в трест. Зарплата ра-

бочим выплачена, продукты есть, можно продержаться еще две недели.

Рудницкий и Мамедов отправляют телеграмму в Москву Орджоникидзе с просьбой о помощи. В горах за Блявой продолжается бурение, роются все новые и новые «дудки». Неизвестно, как отреагировал нарком на просьбу геологов, но не прошло и недели, как трест отменил приказ и открыл финансирование. А еще через несколько дней, пройдя через слой красных железяков, разведчики наткнулись на многометровый пласт серного колчедана.

11 ноября 1932 года по открывшемуся санному пути Мамедов повез образцы блявинской руды на Баймакский медеплавильный завод. Там, в заводской лаборатории, после тщательных исследований пришли в восторг. Анализы дали до двух процентов меди, а также небольшое количество благородных металлов.

Старейшина оренбургских геологов Иосиф Леонтьевич Рудницкий, которому Мамедов первому показал образцы медной руды и данные анализов, писал в те дни: «Мощность блявинской железной шляпы доходит до 35 метров. Ниже идет основная порода, которая содержит медь, золото и другие ценные металлы».

Мамед Осадович Мамедов поехал в Самару с небольшим, но довольно тяжелым чемоданчиком, набитым образцами медистых пиритов. Стране так нужна была медь, что были забыты все неприятности. Встречали его теперь в геологическом тресте как героя. Лаборатория дала заключение: среднее

содержание меди в руде от 1,9 до 2,5 процента. Но в отдающих синевой образцах так называемой ураганной пробы было до 21 процента чистой меди. Заметим, что промышленными у нас считались месторождения, содержащие от 1 до 1,2 процента. Кроме того, в руде обнаружены сера (почти половина) и в небольших размерах золото и серебро.

По настоянию И. Л. Рудницкого образцы блявинской руды вместе с результатами исследований отправили в Москву, в Наркомтяжпром Григорию Константиновичу Орджоникидзе.

Позднее главный инженер строительства «Ормедьзолото» талантливый специалист Павел Павлович Евангулов скажет: «В качестве пионеров и открывателей этого месторождения необходимо прежде всего упомянуть имена инженеров Рудницкого, Мамедова, профессора Разумовского» (именем Н. К. Разумовского потом назовут одно из открытых в окрестностях Блявы медных месторождений).

29 июня 1933 года Средне-Волжский крайисполком принял решение: «За исключительную настойчивость, проявленную инженером Средне-Волжского геологотреста тов. Мамедовым М. О. в сохранении разведок на Блявинском месторождении медистых пиритов, за стойкость в проведении самих работ в условиях плохого снабжения и систематических перебоев в финансировании разведок, за хорошее руководство работой, имевшее своей целью выявление значительных запасов цветных металлов

(медь, золото, серебро), премировать тов. Мамедова М. О. денежной премией в размере 1000 рублей».¹ Были премированы все работники геологической партии, причастные к Блявинской находке. Разведчики недр получили также бесплатные путевки на южные курорты, 10 велосипедов, 2 радиоприемника.

В те годы объем геолого-разведочных работ увеличивался с каждым месяцем. В октябре 1933 года на плато Куян работало уже десять буровых станков. Бурить было очень трудно. Оборудование, насосы страдали от кислых вод, обсадные трубы часто выходили из строя, что нередко приводило к тяжелым авариям.

Буровые вышки тогда не имели корпусов. Особенно тяжело приходилось зимой. Вышки обкладывали пластами дерна, снегом, обливали водой, размораживали, чтобы хоть немного защититься от свирепых ветров, неистовавших на возвышенном плато.

На особо прочных породах применяется алмазное бурение. Буровой цех в то время возглавлял инженер Иван Александрович Крыгин. Под его руководством осваивали эту новую тогда технологию. Среди первых буровых мастеров, разведывавших богатства Блявы, были Михаил Андреевич Письменный, Сергей Петрович Сагарда, Степан Евдокимович Шустов, Николай Степанович Левчук, Яков Георгиевич Симонов, Алек-

¹ Позже М. О. Мамедов занимался поисками кобальта, цветных металлов в разных районах страны. Он был награжден орденом Ленина, стал лауреатом Ленинской премии. Умер в 1957 году.

сандр Иванович Швырков и другие. Сначала на буровых работали с фонарями «летучая мышь». Только позднее, осенью, к двигателю в мастерской подключили динамо и дали освещение.

Геологи надолго обосновались в Херсонке, построили тут свой поселок. В старой, заброшенной херсонской церкви создали клуб. Это было первое и еще долго единственное учреждение культуры на стройке.

Блеснувшие в руде искринки золота ввели в заблуждение многих специалистов. Именно поэтому будущий комбинат получил название «Ормедьзолото». Однако содержание этого металла оказалось значительно ниже, чем предполагалось вначале, и не имело большого промышленного значения. И тогда острословы шутили, что комбинат точнее было бы назвать «Ойнетзолота».

Но подлинным золотом высшей пробы для молодого города стали медь и полученная из сернистых газов первая отечественная сера, основным поставщиком которой в нашей стране Медногорский комбинат был в течение двадцати с лишним лет.

В конце 1933 года на глухой станции Блява, где орский поезд стоял всего лишь две минуты, высадился первый отряд квалифицированных строителей — 38 рабочих, помощник начальника строительства Шмуклер, инженер-строитель Решетников и техник Бакулин. Это были добровольцы, вернее, наиболее подготовленная часть добровольцев, отобранных партийными комитетами Самары и Оренбурга. Вышли они к одиноко стоящему на склоне горы каменному

зданию станции, неподалеку от которого виднелось несколько полузанесенных снегом хибарок. Из труб густо тянулся белый дым — топили печи — зима была очень морозной.

Приехавших встретил представитель стройки, разместил в переполненных домах. А утром их на санях отвезли на отведенную для поселка временную площадку. Тут к ним присоединились местные рабочие, расчистили снег и стали строить первый барак. Привезенный из Блявы хлеб замерзал так, что его приходилось рубить топором. На костре грели превратившийся в ледышку суп, кипятили в закопченном дочерна огромном чайнике обжигающе горячий чай, перекусывали на ветру и снова за дело — в работе не так чувствовался холод, да и строить жилье надо было скорее. Короткий зимний день удлиняли, освещая площадку кострами.

Оренбургский поэт Александр Возняк, не раз бывавший на блявинской стройке, так писал о тех трудных днях:

У края поселка, где нынче рудник,
Где штольня проложена в рудной породе,
Ты выдержал первую схватку, старик,
С невероятным упорством природы.

Хлеб приходилось рубить топором
И греть у костра застывавшие руки,
И слушать, как дико поет за окном
Метель ветровая несчетные сутки.

Кто мог бы поверить, что в этом краю
Слепящих метелей, багряных закатов
На синих горах рудники запоют,
А в дымной долине — цеха комбината.

Ты думал о завтра, товарищ прораб,
В котором твое отразилось участие.
Гудит колчедан в каменных горах
И плавится медь, отыскивая счастье...

Но это будет потом, через годы — и рудники запоют, и медь будет плавиться, и сера потечет тугой струей, и город поднимется в распадке между горами. А тогда, срубив первый барак, рабочие соорудили трехъярусные топчаны, затопили печи и обосновали здесь временное пристанище. Огонь поддерживали круглосуточно, всю ночь, только так можно было существовать.

Вторым строительным объектом стала пекарня, третьим — столовая. Потом стали возводить новые бараки. Прослышав об ударной стройке, сюда ехали и ехали люди из разных мест, и потребность в жилье росла и росла.

И днем, и ночью, не переставая ни на один час, на плато работали буровые станки «Крелиус», гулко тарахтели движки «Червоная Русь», неумолчно лязгали цепи, со свистом опускались в скважину стальные канаты. Геологи пробивались к рудным кладам. Все выше поднимались копры шахт.

Села Херсонка и Ракитянка, станция Блява с небольшим поселком были заселены так плотно, что люди жили не только в хатах, но и в амбарах, банях и даже в кошарах совхоза «Овцевод». Один из первых экскаваторщиков стройки Василий Всеволодович Тимашев рассказывал: «Приехал я на десятый разъезд в 1936 году. Жили в кошаре, там, где сейчас посе-

лок Никитине. Кошара была построена добротно. Привели ее в божеский вид, разделили перегородками на маленькие комнатки, пробили окошки, побелили, сделали шесть «подъездов». Тут жили около ста семей».

Были спешно отрыты большие землянки-общежития, установлены утепленные армейские палатки. Вслед за бараками начали возводить первые рубленые двухэтажные дома.

В Бляву приехали руководители строительства Бронислав Юльевич Кудиш и Павел Павлович Евангулов и сразу включились в дело. Это были люди с очень интересными биографиями, решительные, энергичные, взаимно дополнявшие друг друга.

Б. Ю. Кудиш — старый большевик, как тогда говорили, европейски образованный человек. До перехода в систему Наркомтяжпрома он был одним из первых советских дипломатов, работал вместе с Георгием Васильевичем Чичериным. «Теперь, — как писала тогда краевая газета, — партия послала его полпредом в этот затерявшийся в холмистой, сонной, нетронутой степи край меди и золота».

Выпускник Петроградского горного института П. П. Евангулов был удивительно многосторонним человеком. Много читал, много знал, но постоянно занимался самообразованием. Любил беседовать с рабочими о литературе, искусстве, о технике и науке. Зарекомендовал себя хорошим организатором, умел увлечь, сплотить людей. До приезда на Бляву имел уже двадца-

тилетний опыт работы в цветной металлургии, в рудничном деле. В 1925 году, когда проблемы электрификации овладели всей страной, было зарегистрировано изобретение П. П. Евангулова — «лампа накаливания с двумя нитями». В нечастые минуты отдыха с удовольствием играл на скрипке, на фортепиано, увлекался спортом, играл в шахматы, теннис, футбол. Его знали как человека жизнерадостного, обладающего чувством юмора.

Еще в 1913 году Павел Павлович проходил производственную практику на золотых приисках Якутии, потом руководил проходкой шахты в Кузбассе, работал в Высшем совете народного хозяйства, был инженером Риддерского полиметаллического комбината на Алтае. Когда надо было укрепить центральный научно-исследовательский институт цветной металлургии, его направили туда начальником горного сектора. Именно там, в Гинцветмете, увидел он образцы блявинской руды, познакомился с ее характеристиками. Он пошел на прием к Г. К. Орджоникидзе и попросил направить его на практическую работу. Разговор зашел о блявинской руде, о возможности организации впервые в нашей стране производства газовой серы. Через неделю Евангулов был назначен главным инженером проекта и главным инженером строительства в Бляве.

Еще в Москве в наркомате он познакомился со своим непосредственным руководителем — уполномоченным Наркомтяжпрома по Орско-Халиловским стройкам

Сергеем Мироновичем Франкфуртом. Этот человек легендарной биографии, член партии с 1904 года, встречавшийся с Лениным, больше похожий на университетского профессора, чем на руководителя крупнейших строек (под его руководством был построен Кузнецкий металлургический комбинат), увлек их неслыханным размахом южно-уральского строительства, огромным масштабом работ.

— Для того, чтобы вы лучше представили себе, какое строительство нам надо провести, — говорил он своим собеседникам, — приведу такой пример. Днепрострой стоил примерно 600 миллионов. На такие гиганты, как Магнитострой и Кузнецкстрой, затрачено по миллиарду рублей. Если взять весь комплекс предприятий, которые нам предстоит построить в Орско-Халиловском районе, включая сюда и Бляву, — черную металлургию, цветную, крекингзавод, локомотивострой, энергетическую базу и прочее, то все строительство исчисляется примерно в пять миллиардов. Это значит пять Магнитостроев, но гораздо более сложных, потому что это будет не пять одинаковых заводов, а совершенно разные заводы. Это комбинат комбинатов.

— А что вы скажете о Бляве? — спросил Кудиш. — На карте мы ее не нашли и знакомы с ней только по бумагам, по статьям в журналах, да по образцам руды...

— Руды необычной, очень интересной, — подхватил Евангулов. — Меня она зачаровала.

— Думаю, что вы будете гордиться тем,

что приложили руки к Бляве, — сказал, улыбаясь, Франкфурт. — Блява — это редчайший случай, где в полном объеме возможно комплексное планирование. Вам поручено построить медеплавильный завод. Но особый, такого в стране еще не было. Такой один, первый... Мы там станем переплавлять медную руду. Будем получать медь, серу, да и золото с серебром тоже... Часть руды бедная, она пойдет для изготовления серной кислоты. Со временем, видимо, организуем тут и туковое производство — фосфориты нашли рядом, да и актюбинские недалеко... Вот такой, товарищи, комплекс складывается...

— А что касается карты, то мы теперь изменяем их своими руками. Строим заводы, города. Будет и ваша точка на карте, — улыбаясь, добавил Франкфурт. — Пока знакомьтесь, влезайте в дело, продумайте варианты размещения завода и города и тогда встретимся в Бляве или в Орске. Недели вам хватит?

Кудиш и Евангулов переглянулись и в один голос ответили:

— Вполне.

Они расстались единомышленниками и остались ими до конца.

...В Орск Кудиш и Евангулов приехали утром, а вернулись в Бляву только к ночи. Франкфурт усадил их в оливкового цвета «форд», который лихо водила девушка с ярко-рыжими волосами.

— Тося — мой верный шофер и помощник, — представил Сергей Миронович.

И началась поездка по городу, по

строительным площадкам. Начали с огромного пустыря за Кумакскими высотами.

— Это у нас резервная площадка, тут можно посадить крупный завод, — сказал Франкфурт.

Заехали на строительство мясохладобината, потом покатали по старым улицам. Блявинцев поразило, что Франкфурт, сравнительно недавно ставший орчанином, так прекрасно знал город, его историю. В кирпичном доме на склоне горы Преображенской, где жил и работал Франкфурт, пили чай. Потом оливковый «форд» еще долго колесил по городу, вздымая клубы пыли.

Огромная площадка Локомотивстроя, строительство крекингзавода, теплоцентрали, будущего никелькомбината. Всюду Франкфурта окружали люди, тут же решались вопросы большой и малой важности... Машина легко взбежала на горную гряду. Тося знала, куда ехать. Скоро «форд» остановился на крутой вершине над Уралом, стиснутым с двух сторон скалистыми горами.

— Это Орские ворота, — показал Франкфурт, — а вон там, вдали, на азиатской стороне, прикрытая с севера горным кряжем, отличная равнина. Это Алимбетовская площадка. Когда-нибудь мы и до нее доберемся.

Мимо «чертова пальца» — причудливой скалы, действительно напоминающей огромный перст, нацеленный в небо, поехали в казачью станицу Хабарную.

— Еще одно заветное местечко, — ска-

зал Сергей Миронович, знакомя с просторной, раскинувшейся на несколько километров площадкой, словно самой природой приготовленной для строительства крупного предприятия, — я не навязываю вам эти площадки, у них есть и свои достоинства, и свои неудобства. Но подумайте. Еще не поздно подумать о других вариантах, такие, думаю, непременно найдутся.

Они все время работали, вели деловой разговор, взаимно выясняли самые разнообразные вопросы.

Когда расставались, обратили внимание, как за стеклами очков у Франкфурта молодого загорелись зоркие, пронизательные глаза.

— Что касается вашей задумки, — произнес Франкфурт, — готовьте обоснованное, подкрепленное экономическими выкладками письмо наркому. Мы с Рудницким готовы взять долю риска на себя.

...Есть традиционный, десятилетиями проверенный способ освоения крупных и важных рудных месторождений. Обстоятельная разведка, утверждение запасов, маркшейдерская съемка, проектирование, подготовительные работы и, наконец, строительство, освоение мощностей. Такой путь гарантирует от случайностей, обеспечивает точность проектирования и строительства.

На Бляве были уверены, как говорится, на 99 процентов в том, что запасы руды позволяют обеспечить сырьем будущий комбинат на многие пятилетки. И вот тогда, в сентябре 1933 года, было написано письмо Григорию Константиновичу Орджо-

никидзе, в котором инициаторы из Блявы и Орска предложили свой план развития комбината, заявили о своей готовности не ждать завершения разведок и окончания проектирования, а вести все работы по медеплавильному комбинату параллельно. В этом был технический риск — и немалый. Но такой нетипичный вариант давал значительный выигрыш во времени, а это сулило экономию в десятки миллионов рублей золотом.

Григорий Константинович Орджоникидзе понял и горячо поддержал предложение. Страна так остро нуждалась в меди и сере, что он дал согласие на нестандартный, как сейчас бы сказали, нестандартный вариант. Но отныне — и это скоро почувствовали и в Орске, и в Бляве — нарком взял стройку под особый контроль.

Опыта строительства медеплавильного производства с одновременным получением серы в стране не было. Она добывалась только самородная, в очень незначительных количествах. С развитием промышленности острая нехватка ее все больше и больше давала о себе знать. Блявинское месторождение, в руде которого была почти половина (42—44 процента) серы, давало возможность извлечения этого ценного, очень нужного стране минерала и позволяло полностью удовлетворить потребности страны, отказаться от импорта.

Но, как выяснилось в ходе исследований блявинской руды, которые вели четыре всесоюзных института, запроектированный общепринятый метод обогащения ока-

зался непригодным для Блявы. Нужна была рациональная, экономичная технология комплексной переработки руды. Получение элементарной серы из отходящих газов медеплавильного производства было освоено шведско-норвежской фирмой «Индустри-Методен» и практиковалось в Норвегии на заводах и рудниках «Оркла». Но метод норвежских инженеров был запатентован американцами, которые запросили за патент непомерно высокую цену.

Тогда, опираясь на консультации, помощь крупных ученых и практиков — металлургов и химиков, инженеры московского бюро проекта «Ормедьзолото» вместе со специалистами Блявы энергично взялись за поиски лучших методов переработки руды, за самостоятельное решение сложной технической проблемы. Для ознакомления с опытом работы норвежских специалистов на завод «Оркла» в небольшое местечко Темсховен выехали из Блявы инженеры* Георгий Константинович Маковский, Федор Емельянович Якубович, Галина Михайловна Кухранова, Василий Михайлович Марчук, Николай Федорович Юшкевич и другие. Работалось им там трудно. Фирма под разными предложениями уклонялась от ознакомления наших представителей с секретными технологиями, со многими производственными данными. Целый ряд важных вопросов остался без ответа, хотя по договору его должны были получить. Пришлось до всех тонкостей доходить самим, как говорится, методом проб и ошибок.

И все же спустя несколько месяцев ра-

бота над проектом Блявинского комбината «Ормедьзолото» была в основном завершена. Трудной оказалась задача выбора площадок для строительства комбината и нового города. Было тринадцать вариантов. Каждый по-своему интересен, у каждого свои плюсы и минусы, сторонники и противники. Почти два месяца с 19 октября по 10 декабря 1933 года в районе будущего строительства работала представительная комиссия Наркомтяжпрома. В окнах вагончика, в котором жили и работали ее члены, допоздна светились огоньки — тщательно обсуждались все варианты. Споров было много. Окончательное решение вынесла Орско-Халиловская промышленная конференция, проведенная в мае 1934 года. Разместить комбинат предстояло вблизи рудной базы.

После детального изучения город на 40 тысяч жителей наметили расположить у десятого разъезда, у села Усерган — центральной усадьбы совхоза «Овцевод», а поселок горняков на 17 тысяч человек — в долине реки Ракитянки, поближе к руднику.

Всесторонне решался вопрос о водоснабжении обширного промышленного района. Оно могло опираться на две речные системы — Урала и Сакмары. Однако результаты исследований Гипровода показали, что хотя эти реки и несут довольно крупные массы воды, сток у них далеко не равномерный: 75—80 процентов его скатывается в Каспий в течение апреля и мая, для остального времени года харак-

терны крайние минимумы. Если средний годовой расход воды составляет 20 кубометров в секунду, то минимальный летний в маловодные годы — всего 1,1 кубометра. Поэтому для надежного водоснабжения предстояло создать крупные водохранилища. Именно тогда и было принято решение о строительстве Ириклинского гидроузла и водохранилища для обеспечения водой новых предприятий Орского промышленного района. Для снабжения будущего комбината «Ормедьзолото» намечалось проложить водовод от реки Сакмары.

Под строительство комбината, рудника и города были отведены, в основном, пастбищные земли совхоза «Овцевод» и колхозов «Красная долина» и «Украинка». На огромной территории — около тысячи квадратных километров — от Блявы до Кувандыка стала разворачиваться стройка. Возводились бараки, потом начали подниматься первые одноэтажные дома на улице Комсомольской, положившей начало будущему городу, росли бараки. Прокладывались железнодорожные пути, создавались вспомогательные предприятия.

На десятом разъезде стали останавливаться пассажирские поезда. Это было важное событие для коллектива строителей, в котором к началу 1935 года было уже более четырех тысяч человек.

В Бляву приехали бригады проходчиков из Донбасса, московские метростроевцы. Они приступили к горноподготовительным работам, а затем, в первые дни 1934 года, и к прокладке штольни.

11 февраля 1934 года Бронислав Юльевич Кудиш подписал приказ № 121. Это был первый документ о начале строительства медно-серного завода. А в праздничный день 1 Мая 1934 года в Ракитянке было создано Блявинское горно-рудное управление.

Путь к руде

Стройка начиналась трудно. Почти все земляные, да и другие работы на первых порах выполнялись вручную. Именно этим можно объяснить, что коллектив строителей был огромный и заметно возрастал с каждым годом. Использовался преимущественно гужевой транспорт. Со своими верблюдами работали на стройке строители-казахи. На всю промышленную площадку был только один паровой экскаватор небольшой мощности.

Особенно тяжело было с жильем. Бараки не успевали строить... В этих временных жилищах пришлось устанавливать двух-, а кое-где и трехэтажные топчаны. Скученность была невероятной. В среднем на одного жильца приходилось лишь по полтора-два квадратных метра жилой площади.

— Ни о каких удобствах как-то тогда и не мечталось,— вспоминает штейгер Григорий Иванович Бабичев, приехавший в Бляву еще летом 1933 года.— О них просто никто не думал — была бы крыша над головой. Стремилась скорее добраться до руды, достать ее. Верили, что трудности

эти переживем, что вырастет среди гор прекрасный город, задыхаясь над шиханами огромные заводские трубы. И забудем тогда, как ели промерзший хлеб, как видели волчьи следы у самых шахтных копров, как мерзли на пронизывающем ветру, как грелись у дымных костров...

И как бы там ни было, а на десятом разъезде и в распадках между горами, на всей огромной территории, подвластной «Ормедьзолото», стучали топоры, повизгивали пилы, вгрызались в землю тысячи лопат, грабари отвозили на низкие места грунт, выгружали, равняли, уплотняли землю тяжеленными ручными трамбовками. Люди ударного строительства верили в свой город, в свой завод. Они знали, что это будет, бурно рукоплескали, когда в одном из выступлений руководитель орских новостроек Сергей Миронович Франкфурт сказал, что вместе с освоением производственных мощностей необходимо очень серьезно готовиться к строительству Соцгорода, чтобы дома были красивыми, непохожими на серые казармы, чтобы там хорошо жилось людям, создающим гигант на Бляве...

О том, как будут выглядеть комбинат и город, рассказали областная газета «Оренбургская коммуна» и многотиражная «За советскую медь». К сожалению, далеко не все намеченное тогда архитекторами удалось осуществить. Война помешала выполнить генеральный план в полном объеме, пришлось упрощать многие заманчивые решения, а от кое-чего и

вообще отказаться. Строительство города растянулось на долгие годы.

А тогда планы проектировщиков были встречены с энтузиазмом, и строители Блявы верили, что именно так и будет, как интересно написано в статье автора проекта инженера Шнейдера.

И как ни трудно было тогда с жильем, уже в апреле 1935 года Кудиш подписал приказ, запрещающий строительство землянок. Только дома, только по плану. А застройщикам давались ссуды и строительные материалы. «Нахаловка» не успела разрастись.

Работали люди на молодой стройке с особым энтузиазмом. Не спешили уходить домой, если не успели закончить то или иное дело. Тогда была пятидневная рабочая неделя. Однажды в выходной день Евангулов увидел на строительстве бригаду плотников, устанавливавших стропила на очередном бараке.

— Почему не отдыхаете?— спросил Павел Павлович.

— Стыдно дурака валять, когда людям жить негде,— за всех ответил десятник,— вот построим дома, тогда и отдох-

Главный инженер тепло поблагодарил мастеров и, вернувшись в контору комбината, рассказал об этом Кудишу. Посоветовались. Кудиш распорядился за работу в выходные дни платить зарплату в двойном размере. Потом такие «выходные бригады» стали появляться все чаще. Отдыхали два-три раза в месяц.

Когда рабочие-коммунисты предложили безвозмездно отработать нерабочий день 22 января 1934 года в честь предстоящего XVII партийного съезда, на строительные площадки вышел весь коллектив, включая руководителей стройки. На другой день в крайком партии была отправлена такая телеграмма: «Коллектив рабочих, ИТР и служащих строительства «Ормедьзолото», включившись в производственный поход имени семнадцатого партийного съезда, проработав 22 января, весь свой дневной заработок — 14 600 рублей — отчисляет в фонд постройки самолетов имени новостроек Орского района в подарок XVII партийному съезду».

В те дни Блява была уже известна всей стране, и интерес к ней возрастал с каждым годом, с каждым новым сообщением о делах на ударной стройке, о богатых кладах, которые надо было как можно скорее поставить на службу стране.

В мае 1935 года на строительство «Ормедьзолото» приехала группа писателей — Лидия Сейфуллина, поэт Иван Доронин, критик Михаил Беккер. Для подавляющего большинства строителей это была первая в жизни встреча с литераторами. Приходили семьями, слушали, затаив Дыхание, задавали много вопросов. Интересовало все: и почему мало книг в продаже, и какова доля выдумки в литературе, и почему литература отстает от жизни, и будут ли книги о Бляве, и где встретила Лидия Николаевна Виринею. И оказалось, что жила Виринея совсем рядом, в мор-

довской деревушке Карайгер, неподалеку от Блявинской стройки, тоже в Кувандыкском районе. Здесь в юности, еще в до-революционные годы Сейфуллина учительствовала в земской школе. Тут познакомилась со школьной сторожихой Аришей, очень красивой девушкой с сильным характером. Ариша полюбила молоденькую учительницу, поведала ей о своей трудной сиротской судьбе, о ее великой любви и самопожертвовании. И когда сельская учительница покинула глухой, затерянный в степи полустанок за Кувандыком, занялась литературным трудом и написала лучшую из своих книг — повесть «Виринея», одним из прототипов главной героини стала Ариша — крестьянская девушка из живописной деревушки.

Вместе с Дорониным и Беккером Лидия Николаевна побывала здесь *спустя* почти двадцать лет, сходила в старую школу и словно на какое-то время вернулась в юность. Она очень хотела написать о людях Блявы, записывала наиболее важное из увиденного, беседовала с рабочими и инженерами. Но потом трагические события в семье надолго вывели ее из строя, и задуманное не осуществилось...

Стройка набирала силу, решалась главная задача того времени — скорее пробиться к руде. К ней шли с двух сторон. На возвышенности между поселками Херсонка и Ракитянка поднялись копры первой, второй и третьей шахт, сбоку, с севера, врубались в гору проходчики Блявинской штольни.

Первыми достигли рудного тела горняки второй шахты. Именно тут в феврале 1934 года смена мастера Дорофея Григорьевича Мантулы добыла первые тонны блявинской руды. В апреле 1935 года началась отгрузка медного колчедана на станцию Пирит Челябинской области. Тут на старинном, основанном еще в начале восемнадцатого века Карабашском заводе в середине мая 1935 года проведены первые опытные плавки в ватержакетной печи. Они были нужны для определения физических свойств блявинских руд.

В Карабаш с группой специалистов выехал Кудиш. 5 июня он привез в Бляву несколько слитков меди, полученной из здешней руды. Бронислав Юльевич рассказывал:

— Наш колчедан может плавиться по методу пиритной и полупиритной плавки. Вся черновая медь отправлена из Карабаша на соседний Кыштымский завод. После электролиза она поступит в медный фонд Советского Союза. Плавки в Карабаше полностью подтвердили предварительные технологические расчеты, сделанные главным инженером нашего строительства Павлом Павловичем Евангуловым и специалистами Наркомата тяжелой промышленности.

Так задолго до пуска Блявинского комбината страна стала получать медь Оренбуржья.

В первые Дни июня 1935 года на берегу Блявы строители начали закладывать фундаменты собственного опытного пиро-

металлургического завода. На нем предстояло в полузаводском масштабе вести испытания нового способа пиритной плавки, в совершенстве отработать технологию переработки местных руд и готовить кадры металлургов и химиков. Тогда же в башкирский поселок Баймак, на старый медеплавильный завод, поехали на стажировку те, кому предстояло давать продукцию первого предприятия Блявы и вместе с рабочими и инженерами Баймакского завода участвовать в монтаже, наладке и пуске оборудования опытного предприятия. Уже в 1935 году на его сооружение выделили около двух миллионов рублей. До конца года надо было возвести здания ватержакетного цеха, складов руды и флюсов, чтобы в ноябре приступить к монтажу оборудования. По расчетам специалистов завод должен был дать весной 1936 года первую черновую медь собственной плавки.

По предложению наркома тяжелой промышленности Григория Константиновича Орджоникидзе была создана правительственная комиссия для выяснения возможности форсирования строительства Блявинского медно-серного комбината. Возглавил ее заместитель наркома старый большевик Александр Павлович Серебровский, которого Владимир Ильич Ленин назвал в свое время «ценнейшим работником».

— Комиссия решила вдвое увеличить мощность опытного завода,— сказал Серебровский в беседе с корреспондентом

«Оренбургской коммуны». — В проект опытного завода внесены изменения, которые позволяют значительно улучшить процесс производства. Принято решение форсировать проходку шахт, ускорить сроки регулярной добычи руды, усилить энергетическую базу, в два раза увеличив мощность электростанции.

Должен отметить, что на стройке отстает культурно-бытовое обслуживание рабочих, неудовлетворительно организовано общественное питание, мало магазинов, ларьков, недостаточно мест в учреждениях культурного отдыха, развлечений. Плохо с прачечными. Намечены меры по устранению этих недостатков. Строительство Блявинского комбината взято под особый контроль, ему выделяются дополнительные средства, фонды на различные материалы.

По распоряжению А. П. Серебровского снабжение горняков и строителей Блявы было переведено на более высокие нормы золотодобывающей промышленности. Чаще стали приходиться составы со строительными материалами.

Первостроители

Тех, кто приехал сюда на строительство комбината и города из разных районов страны, насчитывались тысячи. Они возводили свои предприятия, свой город, добывали первые тонны руды, стояли на огненной вахте у печей и аппаратов. Теперь о них го-

ворят с благодарностью, называют гордым именем — первостроители.

Рассказать обо всех, кто достоин этого, просто невозможно. Вспомним лишь о некоторых. Теперь они уже старожилы города Медногорска. А тогда, в тридцатых, для них все только начиналось.

...Почта, Дом культуры горняков, баня, пятиэтажка, многие жилые дома по улицам Орджоникидзе, Чернышевского и другим, заводские цеха — это объекты, которые отделивал Андрей Иванович Демцов. В течение сорока двух лет, до ухода на пенсию, он работал штукатуром. Вспоминает, как особенно тяжело приходилось в военные годы. "Помню дни, когда не было сил подняться с постели, но вставали и шли на работу», — рассказывал он.

...Федор Антонович Шнуров, участник гражданской войны, приехал на стройку с семьей. Был монтажником, кузнецом, вместе с другими собирал и устанавливал оборудование на всех важнейших участках. Два сына — Василий и Геннадий, дочь Валентина тоже работали на предприятиях города.

...Надежда Васильевна Константинова начинала свой трудовой путь на стройке, как тогда говорили, «чернорабочей», то есть делала все, что придется. Подносила кирпич, раствор, саманные блоки. Потом работала на кирпичном заводе. Из продукции, сделанной ее руками, построены дома города, цеха комбината.

...Ахметьян Гилазетдинович Урузбаев на стройке с 1936 года, приехал из Башкирии. Как уже отслужившему в армии, ему дове-

рили охранять шахту, потом склад взрывчатки, первую электростанцию в Херсонке, ангар, в котором стояли самолеты начальника стройки, и другие важные объекты. Вспоминает, что в довоенные годы было в городе всего лишь два автобуса, и ходили они по длинному кольцевому маршруту: Ракитника — Второй участок — Херсонка — Альчимбаево — Усерган — Десятый разъезд — Центральная электростанция — Никитине — Ракитянка. Дождаться транспорта было непросто, поэтому на стройку и предприятия, в основном, ходили пешком, хотя путь с работы домой составлял порой многие километры.

...Андрей Никифрович Гордеев приехал на Бляву из Пермской области. Работал столяром. Участвовал в строительстве ЦЭС, шихтарника, брикетной фабрики, заводских цехов, больничного городка, кинотеатра «Урал», школы № 12, домов по улицам Советской и Максима Горького. С гордостью говорил: «В то время люди уважали свой труд». Жил с семьей в бараке на Комсомольской. Одна комната на четыре семьи — углы делили на «квартиры» простынями. Тепло вспоминал товарищей по работе: Т. И. Куваева, А. И. Децова, В. И. Зотова, В. Г. Беженара. В свободное время любили семьями ходить на рыбалку вверх по Бляве, где «были очень рыбные места».

...Как несовершеннолетнюю, Любу Мужикову, приехавшую из Бугурусланского района, на работу не брали. Узжать не хотелось — стройка понравилась. Пошла в уборщицы, потом носила рейку у топогра-

фов. А когда получила паспорт, стала на шахте зарядчицей, а позже до самого ухода на пенсию Любовь Егоровна была мотористкой.

...Первая запись в трудовой книжке Федора Ивановича Попова сделана 10 февраля 1934 года: «Принят на Блявинский рудник в должности ученика электромонтера». С тех пор и до 1969 года, когда электрик Попов ушел на заслуженный отдых, в его трудовой биографии был только один перерыв — служба в Советской Армии — с 1939 по 1946 год.

...Более тридцати лет проработала штукатуром на стройке Ксения Степановна Старостина. «Почти во всех домах, которые были построены с 1935 по 1965 год, есть доля моего труда», — с законной гордостью говорит Ксения Степановна.

...Свой первый рабочий день на стройке — 1 июля 1935 года — Григорий Андреевич Чекашкин запомнил на всю жизнь. Начинал слесарем, потом освоил профессию токаря. С комбината в 1968 году его проводили на пенсию.

...Петр Николаевич Зайцев приехал на Бляву из Бузулука в октябре 1933 года. Работал слесарем в геолого-разведочной партии, затем на проходке штольни, мастером-механиком в главном корпусе медно-серного завода. С 1941 года участвовал в Великой Отечественной войне, дошел с боями до Берлина. Вернулся в Медногорск, стал начальником смены химического цеха. Отсюда ушел на заслуженный отдых.

...Ефим Иванович Логинов прибыл на стройку из Пономаревского района. Работал на сооружении бараков в поселке, который был назван потом Никитино. Учился на курсах, стал мотористом бетонного узла. Когда пришла пора большого монтажа, пошел на сборку оборудования, позже возглавил бригаду монтажников.

...Яшины — в Медногорске фамилия известная. Илья Петрович приехал на десятый разъезд из Ульяновской области, стал работать каменщиком. Радовался, когда начинали закладывать фундаменты школы № 1 и пятиэтажки, появилась уверенность, что жизнь в бараках — не вечная. В 1939 году к нему приехали два брата Степан и Федор и два дяди Ефим и Степан. Все Яшины работали по-стахановски. «Наша профессия самая интересная, — говорит Илья Петрович, — видишь, что ты построил, и вспоминаешь, как это было».

Воспоминания, конечно, всякие — и радостные, и грустные.

...У Николая Еремеевича Панкратова — местного жителя из Блявы — первая профессия в 1933 году была простой, хотя и называлась мудро — пробирер в химической лаборатории. Потом стал лаборантом. После службы в армии вернулся в Медногорск, ему доверили руководить коллективом цементационной установки.

...Пелагея Ивановна Потешкина работала на строительстве железнодорожной ветки от станции Кувандык до лесопильного завода. Носила с подругами на носилках и землю, и гравий под шпалы. Потом сеяла и гру-

зила песок. За день вдвоем надо было нагрузить железнодорожную платформу. В конце тридцатых годов работала на строительстве учреждений культуры, здравоохранения, многих жилых домов. «Когда вижу свою первую пятиэтажку, всегда вспоминаю, как рыли там подвал — все вручную, землю на носилках и тачках поднимали. Тяжело было таскать кирпичи и раствор на носилках на третий, четвертый и особенно на пятый этаж», — рассказывала Пелагея Ивановна.

...В июле 1933 года начал работать на стройке Михаил Павлович Бедных. Плотничал в бригаде Григория Титова, которая стала первой стахановской бригадой. Вспоминал, как чутко, внимательно относились руководители строительства к стахановцам. Когда была создана школа фабрично-заводского обучения (ФЗО) № 22, М. П. Бедных, И. П. Яшин и Н. И. Селиверстов были направлены туда мастерами производственного обучения.

...Многие ветераны с каким-то подчеркнuto особым уважением вспоминают о строителе дорог Григории Ивановиче Салтовском. Из воспоминаний и документов сложился образ настоящего труженика, беззаветно преданного своему делу. О таких говорят: прошел огонь, воду и медные трубы — и это без тени иронии. На фотографии седой, как лунь, старик с пышной бородой, широким лбом и умными глазами.

Биография его оказалась необычной.

Родился он в Саратовской губернии в деревне Бородачи Камышинского уезда в

1877 году. Окончил двухклассную, то есть четырехгодичную церковно-приходскую школу, а в ней, в отличие от одноклассной, кроме закона божьего, церковного пения, чтения духовных книг, письма и арифметики, давали еще чтение гражданской печати и в небольшом объеме российской истории. Но на этом учение закончилось. Гриша стал работать с отцом в своем хозяйстве.

Четырнадцатилетним подростком устроился он на строительство Рязано-Уральской железной дороги и проработал здесь девятнадцать лет. Старательного, смысленного парня заметили, послали на курсы. Так в 1900 году стал он дорожным мастером.

А спустя десять лет судьба Григория Салтовского делает крутой поворот. Он и двое односельчан собрались, как он сам писал, «на побочные заработки в Америку». Поехали не куда-нибудь, а в Чикаго — крупнейший индустриальный центр Соединенных Штатов. Работали на заводах знаменитой вагоностроительной кампании «Пульман». Салтовский был дорожным мастером, а потом маляром на основном производстве — красил известные всему миру «пульмановские вагоны». Ощутил на себе жестокую силу потогонной системы, много увидел всякого, много испытал, не раз слышал рассказы старых рабочих о потрясшей всю страну пульмановской забастовке, когда Чикаго объявили на военном положении, а против рабочих были брошены войска и полиция. Многие забастовщики попали тогда за решетку.

Началась и отшумела над планетой

мировая война. В России победила революция, о которой в Америку доходили самые противоречивые сведения. Неудержимо потянуло в родные края, где к власти пришли рабочие и крестьяне, где ждали его жена и две дочки — Катя и Даша. Вернулся к семье в девятнадцатом, когда еще всю бушевало пламя гражданской войны, и все вместе уехали на Каспий, в Петровск-Порт (так тогда называлась нынешняя Махачкала). Стал работать на рыбном промысле по своей профессии — прокладывал узкоколейку.

Но морской климат не подошел дочерям, девочки стали часто болеть. По совету врачей Салтовские уехали в Сталинград. Там Григорий Иванович работал на химкомбинате тоже по дорожной части. Услышав о Бляве, уволился и уехал со всем семейством — с женой и тремя детьми — в оренбургские степи. Приехал на станцию Блява 17 июня 1933 года. Было ему тогда уже 56 лет и 42 года — трудового стажа...

— Нам такие мастера очень нужны, — обрадованно встретили его в бюро по найму. — Будем создавать специальный участок по строительству дорог. Но пока придется подыскать что-нибудь другое...

Так стал Салтовский кучером. «Все равно на транспорте!» — шутил он. Пока еще не было легковых машин, и он возил на пролетке то начальника стройки, то главного инженера, то главного строителя. Эти поездки тоже емугодились — профессионально присматривался к трассам будущих дорог.

Но уже спустя три месяца на «Ормедзолото» был создан так называемый пятый дорожный район, и Григорий Иванович стал там десятником. Как работал — об этом говорят документы. В городском архиве хранится «Ударная грамота»: «Товарищу Салтовскому сего 20 сентября 1934 года на конференции строителей присуждена премия — патефон с пластинками, как показавшему себя лучшим десятником по конкурсу социалистического соревнования, проведенному в период времени с 10 августа по 10 сентября сего 1934 года. При сем прилагается патефон с пластинками». Подписали этот документ главный строитель управления Кузьмин-Караваев и секретарь парткома Никитин.

Бригада, которую возглавлял десятник, а затем дорожный мастер Салтовский, строила железные и шоссейные дороги, разветвленную путевую сеть комбината — словом, все дороги в огромном треугольнике Блява — Ракитянка — 10-й разъезд.

Когда 20 октября 1936 года от разъезда до самой штольни прошел первый поезд, на одной из платформ под красным флагом с почетом проехала ударная бригада Салтовского. Теперь она стала одной из самых крупных на стройке, состояла из шестидесяти трех человек. Все имели по две-три, а кое-кто и больше профессий. На этом настоял мастер, который терпеливо и настойчиво учил своих подчиненных. Работали дружно. Все годы участок Салтовского перевыполнял план. Но самое главное, мастер никогда не допускал ни малейшего отклонения от

проекта, никаких нарушений строгих правил укладки железнодорожных путей. Работала бригада с особой тщательностью, сдавала придиричливой комиссии каждый метр пути с самой высокой оценкой. «Делать надо так, чтобы твоя рабочая совесть и честь была людям видна, чтобы все и ты сам любовались тем, к чему причастны твои руки», — говорил Салтовский рабочим.

Еще один документ: «Грамота. Треугольник строительного управления комбината «Ормедзолото» награждает тов. Салтовского Г. И. за проявленную преданность делу строительства социализма и энтузиазм в работе почетным званием ударника. Начальник строительного управления Кузьмин-Караваев. Секретарь парткома Никитин». И дата: 7 ноября 1935 года.

Десять премий получил Г. И. Салтовский только в предвоенные годы.

Вот такие люди, сотни, тысячи строителей возводили на голом месте, в поросших чилижником горах, комбинат, поднимали город и сами поднимались вместе с ним. К великому сожалению, рассказать можно лишь о немногих...

С первых дней блявинской стройки все активнее вторгалась в жизнь партийная организация. Она росла и крепла вместе со стройкой. Первая партиячейка была создана на организационном собрании 1 июля 1933 года. В ее состав входили всего лишь шесть членов и кандидатов в члены ВКП(б). В сентябре их было уже шестнадцать. В 1934 году стала выходить многотиражная газета «За советскую медь».

Весной 1934 года секретарем парткома был избран направленный в Бляву крайкомом ВКП(б) Николай Маркович Никитин. Это был настоящий большевик. Он родился в 1898 году в Петербурге, в рабочей семье. Мальчишкой пошел на завод, где работал отец, стал слесарем. В октябре семнадцатого года участвовал в штурме Зимнего. Потом воевал за Советскую власть на фронтах гражданской войны. С 1927 года работал в Самарском губкоме, а затем — в Средне-Волжском крайкоме партии.

Никитина трудно было застать в небольшой комнатке парткома. Он всегда находился среди людей. «Наш Коля», «Наш Маркович» — так называли его рабочие. «Он был душой всех работ, — писала о Никитине геолог Вера Александровна Бечина, — со всеми находил общий язык. Его приземистая фигура в неизменной кожаной куртке появлялась и на строительной площадке, и на буровой, и в квартире рабочего. Его искренне любил весь коллектив стройки».

Первостроители рассказывали о таком эпизоде. Весной, перед майскими праздниками, через дол пошла талая вода. Рабочие шахты и штольни остались без хлеба. Возчики привезли муку в мешках к долу, дальше ехать отказались.

— Долго собираетесь стоять? — спросил подъехавший на лошади Никитин.

— Спадет вода, тогда поедем, — ответил один из возчиков.

— Там люди на тяжелой горной работе без хлеба, — сказал Никитин. В ответ молчание. Тогда он взвалил на плечи мешок и

смело пошел в холодную воду. В самом глубоком месте оказалось по пояс. Думал только об одном — как бы не поскользнуться...

Вернулся, взял второй мешок, понес на другой берег. За ним, устыдившись, потянулись возчики. Горняки получили хлеб к празднику.

В начале 1934 года на стройке было уже 37 коммунистов и 13 кандидатов в члены ВКП(б). Большинство было сосредоточено в аппарате управления. Поэтому партийный комитет, изучив внимательно состав первичной организации, немало сделал для того, чтобы перебросить многих коммунистов из контор на производство, чтобы увеличить партийную прослойку, пополнить ряды членов ВКП(б) за счет передовых рабочих — горняков и строителей. К концу года на стройке было уже 88 членов и 30 кандидатов в члены ВКП(б). Партийная организация «Ормедьзолото» входила тогда в состав Кувандыкской районной партийной организации.

...Рано утром 7 ноября 1935 года Николай Маркович Никитин решил поехать на рудник, лично проверить, как горняки готовятся к демонстрации. Лихач-шофер попытался проскочить через переезд перед проходящим к станции Блява поездом. Не удалось... «На боевом посту партийного руководителя безвременно погиб стойкий большевик Николай Маркович Никитин, — писала "Оренбургская коммуна". По решению облисполкома «в честь погибшего товарища» рабочему поселку у речки Джераклы было присвоено имя Никитина.

...Одним из самых боевых участков огромной стройки стала штольня. Чем дальше врубалась она в скалистую гору, тем больше росло мастерство горняков, накапливался опыт. Тут выросли проходчики высокого класса, которые решительно пошли на штурм союзных, европейских и даже мировых рекордов.

В январе 1935 года в Оренбурге состоялся первый съезд Советов области. И не случайно учредительный съезд созданной всего месяц назад Оренбургской области обсудил как важнейший, вопрос об освоении Орско-Халиловского промышленного района. В работе съезда участвовали лучшие горняки комбината «Ормедьзолото» бурильщики Денис Татаренко, Семен Плахотин, Яков Гребенников, строитель Иван Тремясов. Каждый из них коротко рассказывал о себе.

Денис Татаренко приехал на Блявинский рудник из Донбасса, со знаменитой шахты «Кочегарка», где родилось «изотовское движение», был знаком с Никитой Изотовым. Приехав в Оренбуржье, он взял в бригаду новичков и стал учить их трудному искусству бурения. А теперь Илья Кобзев и Василий Тохтин догоняют учителя. За последний месяц при задании 53 метра бригада прошла 97.

Семен Плахотин работает в шахте около двух лет, освоил дело. Приходит на работу раньше всех — за 30—40 минут до начала смены. Осмотрит забой, оборудование, приведет все в порядок. И тогда работает спокойно. Полторы нормы дает его бригада в каждую смену.

Яков Гребенников — самый молодой бурильщик. Застенчиво улыбаясь, сказал, что рассказывать ему еще не о чем. Но бригада у него одна из лучших на Бляве.

Иван Тремясов — бригадир плотников. Бригада — самая лучшая в «Ормедьзолото», постоянно выполняет до двух норм.

На съезде они сидели рядом и договорились вместе обратиться ко всем передовым рабочим новостроек Орского района с призывом не только показывать личные образцы в труде, но и заботливо готовить первоклассных мастеров из молодежи. Они заверили, что через три-четыре месяца их ученики (у каждого по 2—5 человек) станут работать самостоятельно. Рабочие вызвали на соревнование известных на Бляве бригадиров Бондаренко, Лапка, Ломовцева, Михайловского.

В связи со значительным развертыванием горных работ приказом начальника строительства от 9 сентября 1935 года горно-рудное управление было преобразовано в Блявинский рудник комбината. Директором и главным инженером назначен горный инженер А. П. Параньян.

Осенью 1935 года на строительство комбината приехал главный инженер норвежской фирмы «Оркла» Фредерик Борхгревинк. Несколько дней он дотошно, даже придирчиво ознакомился со стройкой. Начал с горных работ, спускался в шахты, ходил по штрекам, побывал в забоях, где велась добыча руды, прошел всю штольню до последнего пройденного метра. Потом побывал на площадке опытного заво-

да, посмотрел, как ведутся земляные работы на месте главного корпуса, заглянул на кирпичный завод. Словом, ничто не ускользнуло от его проницательного взгляда.

— Должен со всей определенностью заявить, что я поражен тем положением, которое застал на вашем предприятии,— сказал Борхгревинк на встрече с руководителями и инженерно-техническими работниками.— Нужно сказать, что, выезжая сюда, я сильно сомневался, как в такой короткий срок вы сумеете много сделать. Я бывал на Урале еще до революции, видел примитивнейшие рудники, наблюдал, как вынимали руду бадьями. Поэтому, честно признаюсь, скептически относился к Бляве, пока не увидел своими глазами, что сделано все возможное. А ваша работа по проходке штольни может быть поставлена в образец европейской и американской практике.

— В чем секрет вашего успеха?— спросил сам себя норвежский инженер и тут же ответил: — Считаю, что он лежит, главным образом, в том, что у вас хорошо сложен как инженерно-технический, так и рабочий коллектив. Помимо горных меня поразила также разворот работ на всех основных объектах вашей стройки. В частности, понравился кирпичный завод, образцовый порядок на временной электростанции.

— Мистер Борхгревинк,— обратился к гостю Павел Павлович Евангулов,— вы наверняка увидели и наши недочеты. Знате, со стороны всегда виднее.

— Если говорить о тех недостатках, которые я здесь подметил, то у меня имеется пожелание,— сказал Борхгревинк,— чтобы каждый инженер и техник был бы учителем того рабочего коллектива, который находится под его руководством. Это достигается только непосредственным общением с рабочими. Необходимо, чтобы руководство как можно больше находилось в шахтах и забоях. Я работаю 21 год, и за это время не было ни одного дня, чтобы я не спустился в шахту. Хотел бы сказать, что враг всякого прогресса есть успокоение на достигнутом. Поэтому, хотя положение у вас несомненно хорошее, вы должны стремиться к тому, чтобы работать еще лучше и упорнее, с тем, чтобы построить в срок такой громадный комбинат... Если мне будет позволено, то хочу обратить внимание вашего горно-технического надзора на безусловную необходимость самой тщательной охраны рудника от возможного воспламенения. Мы — практики, знаем как опасны горные пожары, какой огромный урон они наносят.

Особенно часто можно было увидеть "северного гостя» в штольне. Ему нравилась организация работ, техническое совершенство штольни, высокая квалификация проходчиков, их стремление сделать больше и лучше. С удовольствием беседовал с инженером Борисом Андреевичем Шейкиным — сыном донецкого шахтера, бывшим метростроителем, прекрасно знающим свое дело руководителем проходки штольни.

Еще в первые месяцы 1934 года, когда начиналась прокладка штольни, в Бляву привезли погрузочную машину американской фирмы с мудреным названием «Финляйн Эймко». Ее быстро перекрестили в «Эмку». Она пришлась по душе горнякам. Забойщик пневматическим молотком откалывал куски породы, она оставалась за ним беспорядочными грудями камня. Сзади подходила «Эмка», врезалась ковшом в кучи породы и грузила в вагонетки. Самогрузящая машина освободила горняков от тяжелого изнурительного труда. Но чем больше присматривался к ней Шейкин, тем больше видел ее конструктивные недостатки. Если усовершенствовать машину, она станет маневреннее, а значит, и производительнее. Вечерами Борис Андреевич делал чертежи и расчеты. Закончив работу, он показал их Евангулову и, получив полную поддержку, послал материалы на консультацию в Москву.

Учитывая конструктивные поправки и переделки Шейкина, Кыштымский завод в очень короткий срок освоил выпуск отечественных погрузочных машин. Две первые «Кыштымки» доставили в Бляву. Они сразу показали свои преимущества.

— «Эмку» теперь отправим в музей как единственную завезенную из-за границы и купленную на золото, — сказал Шейкин.

Новая машина очень заинтересовала Борхгревинка. Увидев ее в деле, в общем-то сдержанный, норвежец пришел в восторг.

Удивили Борхгревинка темпы проходки

штольни. Когда суточная выработка у Михаила Лапко и Никифора Татаренко достигла трех метров, он сказал, что в Норвегии — это максимальный результат наиболее опытных горняков. Шейкин заметил, что, по его расчетам, в ближайшие дни лучшие забойщики доведут выработку до четырех.

— Не смогут! — категорически ответил представитель зарубежной фирмы.

Работа в штольне велась в три смены по шесть часов. Остальное время суток уходило на вывозку горной массы, проветривание штольни. Каждая смена начинала трудовой день с уборки породы после отпалки, проведенной предыдущей сменой. Потом проходчики колонковыми перфораторами бурили шпуры, запальщики закладывали динамит. Взрыв выбрасывал до 20 кубометров породы. Включались мощные вентиляторы, они освобождали штольню от газов и пыли. К сожалению, монтажники отставали от горняков, еще не успели смонтировать постоянную вентиляционную систему. Приходилось использовать дефицитный сжатый воздух, и вентиляция из-за этого продолжалась намного дольше.

Вслед за забойщиками все дальше в глубь медной горы прокладывались рельсы. Новенькие аккумуляторные электровазы водили составы вагонеток с породой из забоев в отвалы. К 25 марта 1935 года штольня протянулась до отметки 1080. До сбойки с шахтой № 2 оставалось менее 800 метров.

Ровно через неделю Шейкин показал Борхгревинку забой, который за сутки

углубился на четыре метра. Встретив Михаила Лапко, Борхгревинк крепко пожал ему руку и спросил, трудно ли им было в тот день, когда прошли столько.

— Было жарко, — ответил Лапко.

Технический консультант стал говорить о том, что это, видимо, предел человеческих возможностей и вряд ли они в своем рвении продвинулись еще хоть на полметра.

— Поживем, увидим, — сказал Михаил.

Вечерами Михаил часто засиживался с карандашом и бумагой в руках, делал какие-то наброски, что-то подсчитывал. Жена спросила, чем это он так увлекся.

— Соображаю. Понимаешь, по работе надо мне одно дело обмозговать...

Придя на смену, показывал свои расчеты Шейкину. Они обсуждали вместе. Потом Михаил представлял людей в бригаде несколько по-иному, с учетом индивидуальных особенностей, мастерства, физической силы. А к концу смены было заметно, что перестановка дала свои плоды. Понемногу, хоть по нескольку сантиметров, выработка стала расти. Но однажды произошел сбой. Наткнулись на альбитофиры — такую твердую породу, что стальные буры американских перфораторов «Чикаго» стали крошиться раньше срока. Завоеванные с таким трудом сантиметры стали терять.

— Зверь, а не порода, — сказал Лапко.

— Видать, в старину из такого камня ножи да копыя делали, — добавил Татаренко.

— Вот получим «победит», тогда посмотрим...

В контору вошел Шейкин.

— Что, ребята, приуныли? А я вас сейчас обрадую. — Он достал из кармана брезентовой куртки тоненькие стальные пластинки. Они тут же пошли по рукам. — Это тот самый «победит», о котором я вам говорил...

Вечером в третью смену Михаил Лапко и его товарищи начали бурить «победитом».

— Давай!

Стремительно хлынул по шлангу сжатый воздух. Оглушительно загрохотали перфораторы. Со скрежетом, разбрасывая синие искры, врезались буры в каменную толщу.

И пришел день, когда, встретив Борхгревинка, он, приветствуя норвежского специалиста, поднял руку с раздвинутыми пальцами:

— Есть пять метров!

Инженер был потрясен. Он теперь каждый день приходил туда, где пробивалась в глубь рудного тела бригада проходчиков, наблюдал за работой Лапко, Никифора и Дениса Татаренко, Николая Визерского и других забойщиков. Когда Борхгревинк вернулся в Норвегию, он написал книгу о строительстве в горах на Южном Урале комбината «Ормедьзолото» и, в частности, с восхищением отзывался о работе бригады Михаила Лапко. Не знал тогда норвежский инженер, что Лапко и его товарищи в то время довели суточную выработку уже до шести метров и что благодаря их самоотверженному труду сбойка штольни с вертикальным стволом произошла значительно раньше, чем намечалось.

Сохранилась запись выступления Михаила Лапко на слете молодых стахановцев Блявинской площадки. Вот строки из его речи:

— У меня в привычку вошло — быть всегда первым. Да что говорить о работе — вы и так все знаете. Сегодня хочу сказать о другом. Вот видите, как плохо я говорю. Я лучше не могу — на словах спотыкаюсь.

Инженер Шейкин: Учиться тебе надо, Миша!

Лапко: Это верно, Борис Андреевич... Надо учиться — ведь я — член комсомола.

Голос с места: На кого ты хочешь учиться, Михаил?

Лапко: На коммуниста хочу учиться. И на инженера...

Когда в школе, где учились дети горняков, писали сочинение на тему: «Кем я хочу быть?» — разные профессии назывались, чаще в духе того героического времени — летчиками, полярниками, пограничниками, моряками. Но знаменательно, что несколько ребят написали: «проходчиком, как Михаил Лапко».

Тогда всю страну всколыхнул рекорд доселе неведомого донецкого шахтера Алексея Стаханова с шахты «Центральная-Ирмино». Когда героя-шахтера спросили, что надо сделать, чтобы так резко поднять производительность труда, он ответил по-рабочему просто и точно:

— Собственно говоря, требовалось одно — порядок...

Порядок на рабочем месте, высокая квалификация, четкая организация труда,

строгая дисциплина, бережное отношение к каждой рабочей минуте — все это обеспечивало успех.

На предприятиях, стройках, транспорте, в колхозах и совхозах настойчиво взялись наводить порядок, искать резервы. Что это дало? Очень много. Во второй пятилетке по сравнению с первой производительность труда выросла в два раза!

Об этих днях, о времени первых пятилеток замечательно сказал известный советский писатель Борис Горбатов: «Вдруг почувствовали люди человечью силу свою, мощь своих рук и коллективных усилий... То были дни великих, мучительных и радостных потрясений и свершений».

Такие дни наступили и на Бляве. «Забойщики штольни, работающие под руководством инженера-метростроевца Шейкина, в два с лишним раза перекрыли всесоюзный рекорд, доведя проходку штольни до пяти погонных метров в сутки», — писала "Оренбургская коммуна».

— Верю, что мы дадим шесть метров, — сказал в те дни Борис Андреевич Шейкин.

И скоро жизнь подтвердила эти слова. В середине декабря проходчики Блявы одолели шестиметровый рубеж.

20 октября Б. Ю. Кудиш подписал приказ «О поддержке первых стахановцев забойщиков Ильи Дмитриевича Кобзева, Тимофея Петровича Чернова, Николая Григорьевича Садового, Михаила Герасимовича Сатикова». В нем говорилось: «Ответственной обязанностью помочь этим людям в их повседневной борьбе за новые вы-

сокие образцы работы лежит на командирах производства.

Директору Блявинского рудника т. Параньяну А. Н. под личную ответственность обеспечить закрепление и дальнейший разворот стахановского движения».

Патриотическое начинание захватило всю стройку. Узнав о рекорде Стаханова, решил по-новому организовать свой труд рабочий шестого участка Антон Нуждин. Вместе с товарищами он строил дома в Ракитнике. В то время пределом в штукатурном деле были 17—18 квадратных метров в смену при норме 16. Уже через месяц выработка Антона поднялась до 30—35 метров. В октябре 1935 года он выполнил свое месячное задание на 338 процентов.

По просьбе начальника Главстроя Наркомтяжпрома Семена Захаровича Гинзбурга на Бляву приехал инженер Павел Васильевич Рылов. Ему поручалось «изучить методы Нуждина — всесоюзного рекордсмена штукатурки и помочь ему овладеть новым совершенным инструментом», целый комплект которого привез на стройку Рылов, а затем распространить опыт Нуждина на других стройках. Познакомившись с Нуждиным и его приемами, Рылов решил провести турнир лучших штукатуров орских строек. Получив поддержку руководителей строительных организаций Орска и Блявы, Рылов, бывший штукатур, тоже принял участие в этих трудовых состязаниях.

В дни турнира шестнадцать лучших штукатуров выполнили такой объем работы, какой всем штукатурам Ракитянки не удава-

лось сделать раньше и за месяц. Это была, можно сказать, первая в области школа передового опыта.

Трудные годы

...Поздно вечером 12 августа 1935 года две автомашины — легковая и грузовая с надписями на бортах: «Академия наук СССР» после длительного перехода остановились неподалеку от станции Блява, на лугу, у берега речки. От ближайшего домика к ним направился работник планового отдела «Ормедьзолото» Корбут. В центре группы людей стоял невысокий коренастый человек в светлой куртке и такой же светлой запыленной кепке. Он шагнул навстречу, представился:

— Академик Ферсман Александр Евгеньевич.

Потом назвал своих соратников.

Это был выдающийся ученый, человек неутомимый энергичный, друзья в шутку называли его «шаровой молнией».

Павел Павлович Евангулов показал гостям планы рудника, завода, нового города, увлеченно рассказал о будущем комбината.

«Мы узнаем, — писал потом А. Е. Ферсман, — что блявинский комбинат начинает новую историю в смысле использования колчеданных месторождений. Как известно, все старые заводы, обжигающие колчедан на медь, а частью и на кислоту, отравляли воздух на большие пространства удрушливыми серными газами.

Теперь же, как рассказал Евангулов, наше правительство купило норвежский проект, по которому при изменениях и усовершенствованиях наших инженеров, помимо выплавки меди, улавливается вся сера, она выплавляется в виде «черенковой» серы в количествах приблизительно следующего порядка — 12—15 тонн серы на одну тонну меди. Этот новый способ вносит глубочайший переворот не только в экономику, но и во все серное дело. Его хозяйственное значение огромно».

Ферсман вспомнил, как в 1925—1926 годах он и геолог Д. И. Щербаков открыли в самом центре Каракумов месторождение самородной серы, как сюда за 225 километров от Ашхабада караваны верблюдов везли людей, оборудование для будущего серного завода, горючее, строительные материалы, продукты, воду. Это была героическая эпопея. Стояла страшная жара, часто налетали песчаные бури. Караваны шли каждый день, и все равно переброска продолжалась два с половиной месяца. Потом также караванным путем в Ашхабад доставляли первую советскую чистую серу. Позднее сюда пробили через пески автодорогу. Но месторождение было небольшим, оно не покрывало и четвертой части потребности страны в сере. Сравнительно скоро это пустынное месторождение истощилось. А теперь тут, на Южном Урале, чистую серу будут получать в огромных количествах практически из ничего, из отходов производства, из отходящих при плавке меди газов.

«Павел Павлович Евангулов, — говорит дальше Ферсман в своих записках, — развертывает перед нами грандиозный план нового строительства. Мы ясно видим здесь детище второй пятилетки: другие возможности, другой размах, другая постановка дела...

Мы едем осматривать работы по подготовке к эксплуатации замечательной штольни, или, как мы ее сразу же назвали, «метрополитена». Прямая, как стрела, высокая, электрифицированная, она проведена на 1700 метров и упирается в нижнюю часть рудного тела. По этой магистрали будут ходить электровозы, подвозить руду и целиком обслуживать рудничное хозяйство... Идем в верхнюю часть рудника осматривать отвалы разведочных шахт... Мы видим на руднике временное кустарное производство во улавливание меди из природных купоросных вод».

Потом Евангулов повез гостей к десятому разъезду показать начало строительства нового социалистического города. Он словно вел экскурсию по улицам будущего Медногорска — отлично представлял себе, где что будет.

Мы видим площадку города, очень удачно выбранную. Будущий парк, музыкальные эстрады, фундаменты домов, начало канализации и водопровода... Далее территория будущего завода и рабочий поселок. Рабочие помещения производят неизгладимое впечатление. Большие комнаты — скорее, дортуары, чем казармы. В спальне все кровати с пружинной сеткой,

чистые матрацы, на каждой постели две простыни, одеяло, наволочка на подушке и полотенце. Все чистое, белое. Такая же изысканная чистота в столовой. Все это имеет громадное воспитательное значение. Строительство города и завода еще только началось, а школы уже построены...

Очарованные всем увиденным, полные ощущения новой жизни, бодрые и радостные, мы покидаем Бляву», — так закончил академик свои воспоминания о поездке на строительство медеплавильного комбината в самом торце Южного Урала.

Теплые воспоминания остались у него о встречах с П. П. Евангуловым, с Б. А. Шейкиным, с геологами, со многими энергичными, напористыми людьми, «которые каждый по-своему понимают и строят новую жизнь в старом Южном Урале... Это сила крепких рабочих натур, новых директоров предприятий, рудников, разведочных партий, твердых волей и строящих общее дело... Это большие строители новых городов, грандиозных комбинатов, пришедшие на пустое место и в несколько месяцев покрывшие десятки квадратных километров сетью железнодорожных путей, шоссейных дорог и горами строительных материалов».

...В первые дни января 1936 года намного раньше срока завершились работы по проходке последних метров штольни. Стахановцу комсомольцу Михаилу Лапко, проходчиком Водопьянову и Краснову было доверено пробурить последние шпурсы в штольне. Навстречу им со стороны шахты пробивались Тонин, Алешкин и Безуменко.

К моменту сбойки на ударный участок пришли Борис Андреевич Шейкин и парторг штольни Иван Михайлович Шишкин. Динамит взорвал перемычку между шахтой и штольной. Сбойка с шахтой № 2 состоялась 5 января в 8 часов 55 минут вечера. Выход блявинской руде был открыт. Остались работы по отделке штольни, по установке оборудования. 6 января на площадке собрались на митинг строители Блявы. Руководители стройки тепло поздравили проходчиков с первой большой победой.

В апреле 1936 года был создан специальный участок по строительству главного корпуса медно-серного завода. Его начальником назначен опытный строитель Матвей Федорович Завьялов. 30 мая в торжественной обстановке был заложен фундамент главного корпуса.

Как у всякой большой стройки, были у строителей Блявы немалые трудности и всякого рода нехватки. Но с каждым месяцем она набирала силу. Ее ставили в пример Никельстрою, Крекингстрою и другим стройкам степного края.

Еще весной 1936 года приказом наркома начальник строительства Б. Ю. Кудиш, главный инженер П. П. Евангулов, штукатур А. В. Нуждин, начальник проходки штольни Б. А. Шейкин, забойщики Н. М. Ардашев и Г. Н. Садовой, плотник А. А. Маслов, монтажник С. В. Антонов, кузнец П. П. Синицын и другие, всего 15 человек, награждены нагрудным знаком «Стахановец золотой промышленности».

При прокладке шахт и штольни блявин-

ские горняки столкнулись со сложной задачей. То тут, то там просачивалась в забой вода. Растворив в себе серу и медь, она превращалась в далеко не безобидные зеленовато-голубоватые ручейки. Это текла медно-серная кислота довольно высокой концентрации. Она разъедала трубы, насосы, буквально сжигала спецодежду и обувь, обжигала людей. Работать в шахте и штольне стало небезопасно. Сливаясь, эти ручейки постепенно затапливали нижние горизонты шахт. Такой воды с повышенной кислотностью за сутки набиралось много — до 400 кубометров.

Выход был один: пробить штрек через диоритовую толщу, а это ни много ни мало почти сто пятьдесят метров — от второй до третьей шахты, и спустить кислые воды по штольне, по краю которой пробить канавку. Но это означало бы потерю меди, и весьма значительную.

По предложению инженера А. В. Вегнера перед сбросом воды стали отбирать у нее медь. Для этого соорудили простейшую цементационную установку и стали получать из кислых вод до 10 тонн чистой меди в месяц.

Добыча руды шла полным ходом. Для окончательной отработки технологии надо было провести опытную плавку в Норвегии, на заводе «Оркла». Туда были отправлены из Ракитянки несколько вагонов медного колчедана. Но фирма всячески старалась скрыть технологические тонкости. Поэтому норвежская пробная плавка не могла полностью служить основанием для

разработки технологического режима Блявинского комбината. Приходилось рассчитывать на опыт Карабашского завода и на собственную технологию, которую предстояло отработать самим на опытном заводе.

В октябре 1936-го дорога к руднику от разезда была построена. Стальная колея протянулась на одиннадцать километров. Путь блявинской руде от Ракитянки до главной железнодорожной ветки был открыт. Все население горняцкого поселка вышло встречать первый поезд, который с воебедным гудком пришел в Ракитянку.

Полным ходом шло строительство опытного завода, заложенного в июне 1935 года, поднимались мощные стальные колонки главного корпуса. Но стройка испытывала большие трудности из-за несвоевременной поставки строительных материалов и оборудования.

13 октября 1936 года бюро Оренбургского обкома партии обсудило вопрос «О ходе строительства Блявинского медно-серного комбината «Ормедьзолото». Бюро указало руководителям стройки на недостатки в организации монтажных и горных работ. С отставанием велось строительство главного корпуса и Сакмарского водопровода. Затягивалось изготовление оборудования для завода. В принятом постановлении бюро предложило начальнику стройки Б. Ю. Кудишу установить строгий контроль за выполнением графика работ, размещением заводов и изготовлением оборудования, улучшением жилищно-бытовых условий рабочих-строителей.

Бюро решило просить ЦК ВКП(б), Г. К. Орджоникидзе и А. П. Серебровского оказать строительству Блявинского комбината «Ормедьзолото» необходимую помощь и содействие.

В документах и материалах, рассказывающих о строительстве Блявинского медно-серного комбината, фамилия Орджоникидзе встречается часто. Народный комиссар тяжелой промышленности, в ведении которого были тысячи предприятий истроек, особое внимание уделял первоочередным и наиважнейшим. Среди них были Блявинский медно-серный и Орский никелевый комбинаты. Он знал не только руководителей, но и лучших стахановцев новостроек и как мог отмечал их и подерживал.

В первый день нового 1937 года Г. К. Орджоникидзе подписал приказ о награждении еще 15 лучших работников «Ормедьзолото» нагрудными знаками стахановца золотой промышленности. Среди них были бурильщики Михаил Михайлович Лапко, Иван Тимофеевич Водопьянов, Осип Харлампиевич Астафьев, Тимофей Павлович Чернов, слесари Петр Федорович Вохмин и Иван Михайлович Александров, плотник Михаил Малофеевич Мансуров, монтеры Василий Иванович Абраменко и Карл Сергеевич Сгибнев, инженер Николай Андреевич Кулешов и другие герои блявинской стройки.

Как сообщала газета «За индустриализацию», 16 февраля 1937 года Григорий Константинович Орджоникидзе принял в

своем кабинете в старом пятиэтажном доме на площади Ногина — в бывшем Деловом дворе руководителей строительства Блявинского медно-серного комбината и бригаду инженеров, возвращавшихся из Норвегии, со стажировки на заводах «Оркла».

Кудиш положил на стол наркома солидный, красочно оформленный альбом с фотографиями, сделанными на строительных площадках Блявы. Но Орджоникидзе сразу отодвинул его на край стола.

— Красивыми снимками обычно пытаются закрыть свои недостатки очковтиратели, — сказал, улыбаясь, Серго. — Картинки будем смотреть потом, а сейчас давайте разберемся с проектом.

Ему доложили об особенностях Блявинского комбината: отдельно по металлургии — инженер И. Д. Комков, по химическому производству — главный инженер проекта Я- М. Тимко, о ходе строительства комбината и города — Б. Ю. Кудиш. Особенно заинтересовал наркома совершенно новый для нашей страны технологический процесс. Орджоникидзе поинтересовался, смогут ли на Бляве пустить завод своими силами, без участия иностранных специалистов.

— Сможем! — уверенно ответил Евангулов.

— Так и договоримся, — сказал нарком.

Он тут же поручил своему первому заместителю Александру Павловичу Серебровскому всячески форсировать строительство, оказать стройке необходимую помощь.

Нарком обязал директоров заводов-поставщиков в кратчайший срок выполнить заказы Блявинского комбината по изготовлению оборудования. Орджоникидзе очень сожалел, что во время поездки по Южному Уралу он не смог побывать в Орске и на Бляве, просил передать привет стахановцам и инженерно-техническим работникам ударной стройки.

— Страна очень ждет блявинскую медь, блявинскую серу,— сказал на прощание Орджоникидзе.— Прошу вас сделать все возможное, чтобы уложиться в сроки, которые мы сегодня наметили.

А сроки были предельно жесткие: надо было уже в третьем квартале 1937 года пустить первую секцию медно-серного комбината, а в первом квартале 1938-го — вторую.

Тогда же Орджоникидзе поручил ученым и экспертам наркомата еще раз внимательно проанализировать технический проект комбината, рассмотреть вопрос о возможности применения на уральских заводах способа получения меди и серы по образцу комбината «Ормедьзолото».

Беседа затянулась до половины второго ночи. Городской транспорт уже не работал. Григорий Константинович вызвал своего неизменного помощника Анатолия Семушкина и поручил развезти всех на легковых машинах.

«Когда 17 февраля ему были доложены результаты проверки, — пишет в своих воспоминаниях заместитель наркома О. П. Осипов-Шмидт,— товарищ Серго с замеча-

тельной чуткостью подхватил технические новшества и предложил осуществить их на ряде других строящихся предприятий».

Среди этих новшеств были предложения инженеров Блявинского комбината и проектировщиков.

Окрыленные поддержкой наркома возвращались из Москвы начальник «Ормедьзолото» Б. Ю. Кудиш, главный инженер П. П. Евангулов, главный металлург Г. К. Маковский, инженеры Я. М. Тимко, Ф. Е. Якубович, Г. М. Кухранова, И. Д. Комков, Н. Д. Кужель и другие специалисты комбината. Возвращались на мало еще кому известный десятый разъезд Оренбургской железной дороги.

В вагоне Маковский рассказал Кудишу и Евангулову любопытную историю.

— Там, в Норвегии, дали мне на заводе посмотреть книгу «О мировых запасах меди». Издали ее в Англии совсем недавно, в 1933 году. Листаю ее и вдруг натываюсь на слово «Блява». Начинаю читать, спотыкаюсь, написано-то по-английски... И все-таки выясняю, что наша Блява, оказывается, была открыта еще до революции...

— Когда? Кем? — удивленно спросил Евангулов.

— Об Уркварте знаете?

— Кто же не знает этого медного ко-роля?

Оказалось, что богатейший английский капиталист Лесли Уркварт арендовал у царского правительства на довольно продолжительное время и на очень выгодных условиях медные рудники Алтая, Средней Азии,

Урала, построил несколько заводов, в том числе в Риддере, Атбассаре и недалеко от Блявы — в Баймаке. Баймак стоит на Таналыке — правом притоке Урала. И кампания, обносывавшаяся тут, называлась «Таналык Корпорейшн». Геологи Уркварта бесцеремонно хозяйничали по всему Южному Уралу. Они и наткнулись на блявинские колчеданы. Но надвигалась революция. Уркварт и его компаньоны убрались во свояси, скрыв материалы о находке...

— Так вот, — продолжал Маковский, — в книге черным по белому написано, что это «самое богатое в России и даже в мире» месторождение разведано и принадлежит Уркварту.

— А Мамедов, не зная об этом, открыл его заново и оставил Уркварта с носом, — рассмеялся Кудиш.

— А почему — «крупнейшее в мире»?

— Думаю, что он цену себе набивал...

— Так вот, оказывается, в чем дело, — сказал Евангулов. — Припоминаю, Рудницкий рассказывал, что Мамедов обнаружил на плато Куян остатки обвалившихся шурфов и говорил, что у него такое впечатление, что он идет по чьим-то старым-старым следам...

— Хотел я рассказать об этой находке Григорию Константиновичу, да побоялся отнимать у него время, тем более, что вид у него был очень усталый, — добавил Маковский, — и так заговорились до полуючи.

— Надо было... Вот посмеялся бы наш яраком...

В пути, уже под Оренбургом, их догнала трагическая весть — Орджоникидзе не стало. Ушел из жизни кристально чистый большевик, один из тех, кто составлял железную гвардию Ильича. Тогда они ничего не знали и знать не могли, как и почему ушел Орджоникидзе.

На Блявинской площадке, в Орске, — на Никельстрое, на других объектах на многотысячных митингах были приняты решения об увековечении памяти любимого наркома. Эти просьбы поддержал областной комитет партии. В Оренбургском партийном архиве хранится постановление бюро обкома партии, подписанное секретарем обкома П. Г. Гришаевым. Там есть такие строки: «Учитывая ходатайство рабочих орских новостроек и Блявинского медно-серного комбината, просить ЦК ВКП(б) переименовать город Орск в город Орджоникидзе, присвоить имя тов. Орджоникидзе Блявинскому медно-серному комбинату».

Переименование тогда не состоялось, но сам по себе факт этот знаменателен и говорит о многом. Григория Константиновича Орджоникидзе очень любили на заводах а стройках, в городах и селах Оренбуржья, как и повсюду в нашей стране.

«Богатыри и герои не умирают, — писал в те февральские дни Алексей Толстой. — Памятью о Серго остались гиганты нашей тяжелой промышленности, сотни тысяч тракторов, вспахивающих просторы нашей Родины, чтобы взойшли семена великого революционного гуманизма, которым горело его сердце».

Памятью о Серго Орджоникидзе остались Орск, Медногорск, Новотроицк — города, в которых бьется индустриальное сердце Оренбуржья...

В 1937 году в поселках десятого разъезда, Никитино и Ракитянка было уже более 25 тысяч жителей. Это был довольно крупный, хоть и разбросанный в разных местах населенный пункт. Президиум облисполкома принял решение перенести районный центр Кувандыкского района из Кувандыка на разъезд. Это делалось для приближения районных органов власти к массе рабочих «Ормедьзолото».

Более двух лет тут находился районный центр. Для главного поселка «Ормедьзолото» размещение на десятом разъезде центра большого района было делом престижным и во многом удобном — масса вопросов решалась на месте, не надо было ехать в Кувандык. Но, с другой стороны, создание здесь райцентра вызвало дополнительные трудности и для строителей, и для эксплуатационников. Тут была острейшая нехватка жилья, тысячи людей жили в переполненных бараках, землянках, во всякого рода временках. Районные организации заняли готовые дома с жилой площадью около трех тысяч квадратных метров. Потом были выделены ассигнования для развития райцентра, но они поступили с опозданием.

А в это время над страной нависла черная пелена неизбывного горя — террор стучался в двери квартир. Не обошел он и стройки Орско-Халиловского промышленного района, в том числе и Блявинский

комбинат. Еще в конце 1936 года был арестован, а спустя несколько дней исключен из партии «за причастность к контрреволюционной работе троцкистско-зиновьевского охвостья» уполномоченный Наркомтяжпрома по Орским стройкам старый большевик Сергей Миронович Франкфурт. Скоро такая же участь постигла первого секретаря Орского горкома партии участника гражданской войны Ивана Александровича Золотова. Теперь все недостатки, все просчеты на строительных площадках стали сваливать на «врагов народа». На собраниях и митингах обманутые ответственными докладчиками люди с прискорбным единодушным голосовали за «применение к врагам я вредителям высшей меры социальной защиты».

23—24 марта состоялось собрание актива Кувандыкской районной партийной организации. В своем выступлении Кудиш неосторожно пошутил, сказав, что везде вредительство, а на Бляве его нет. Строители работают спокойно, создают мощный медно-серный комбинат. Его речь тут же назвали антипартийной, обвинили в притуплении бдительности, в «создании текучести кадров», в том, что комбинату, разъезду и будущему городу было присвоено имя Пятакова, и других грехах. Горячие головы стали требовать немедленного освобождения Кудиша от работы, исключения из партии, предания суду.

Вернувшись с актива, Кудиш передал дела Кузьмину-Караваеву и на рассвете улетел в Москву, искать защиты в Нарком-

тяжпроме. Серебровский пытался поддержать опытного руководителя, начинавшего стройку, как говорят, с первого колышка, так много сделавшего для того, чтобы уже в ближайшие месяцы Блявинский завод начал выдавать продукцию. Но тут же из Оренбурга в Москву пошла «казенная бумага», в которой говорилось, что «Серебровский А. П. необоснованной поддержкой Кудиша затруднил его своевременное разоблачение».

Б. Ю. Кудиша арестовали. Затем были репрессированы П. П. Евангулов, Г. К. Маковский, Г. А. Кузьмин-Караваев, Б. А. Шейкин, М. Ф. Завьялов, А. П. Параньян и другие руководители, всего 20 человек, которых теперь называли не иначе как «банда Кудиша».

В самый разгар строительных и монтажных работ стройка осталась без административного и технического руководства. Коллектив лихорадило. Шло разоблачение новых «врагов» ниже рангом. Вновь назначенный начальником стройки К- И. Дук продержался всего несколько месяцев. Потом на этот пост был выдвинут начальник 405-го горизонта рудника Н. А. Кулешов.

Освобожденные от работы прямые виновники аварии в штольне — сменный инженер Огарева и помощник начальника взрывных работ Снегов написали злобное письмо, поливали грязью «еще не посаженных врагов». Среди тех, кого они оклеветали, были опытные, талантливые инженеры Н. А. Кулешов, А. В. Вегнер и другие. Я читал этот донос, каждая строка его пышет ненавистью.

Или вот «письмо» десятника Дряглина: «Как член правящей партии рабочего класса и колхозного крестьянства я четыре месяца уже работаю в ОМЗ, у меня все больше растет и укрепляется недоверие к инженерно-административному и хозяйственному руководству, в частности, Караваеву, Завьялову, Голубеву, Млаусу, Торошко и другим в том, что они проводят самую тонкую политику вредительства». По таким доносам освобождали от работы, исключали из партии, арестовывали честных, добросовестных людей, «последышей банды Кудиша», «охвостья Кудиша», как всюду писали тогда. Парторг участка Жмакин заявил комсомольцу Куватову, когда тот спросил у него анкеты для вступления в кандидаты партии: «Нам сейчас некогда принимать в партию, мы заняты разоблачением врагов народа». Это не злой анекдот. Так было. И об этом сообщала Кувандыкская районная газета 20 июля 1937 года.

Оставшаяся практически без квалифицированного руководства стройка сбилась с хорошего ударного ритма. План 1937 года был завален. Так и не смогли завершить сооружение опытного завода. Тяжело начинался и 1938-й, когда по приказу наркома предстояло 15 октября ввести в строй первую очередь комбината. Теперь недостатки, присущие, в общем-то, любой крупной стройке, объясняли одним — действиями вредителей, последствиями вражеской деятельности Кудиша и его ставленников. Забегая вперед, можно сказать, что и С. М. Франкфурт, и И. А. Золотов,

и Б. Ю. Кудиш, и П. П. Евангулов, и Б. А. Шейкин, и другие руководители и инженеры Блявинского комбината были после XX съезда партии полностью реабилитированы «за отсутствием состава преступления», к великому сожалению, посмертно. Думаю, что когда-нибудь их именами будут названы улицы Медногорска, у истоков которого стояли эти настоящие большевики, крупные инженеры, так много сделавшие для создания комбината и молодого города в отрогах Южного Урала.

Первая сера, первая медь

Весной 1937-го разъезд имени Пятакова снова преобразовали в десятый. А спустя год ликвидировали управление «Ормедьзолото». Вместо него создали подчиненное тресту «Южуралтяжстрой» управление «Ормедьстрой» и дирекцию комбината «Ормедь». Первым директором медно-серного комбината назначили Владимира Николаевича Осиева, главным инженером стройки — Евгения Федоровича Кожевникова. В судьбе последнего заметную роль сыграл Г. К. Орджоникидзе. Вообще, Григорий Константинович с особой заботой и вниманием относился и всегда поддерживал людей талантливых, работавших творчески, не только отлично знающих дело, но и умеющих хорошо организовать труд многих сотен и тысяч строителей. На Кузнецкстрое он познакомился с молодым инженером — тогда ему было 25 лет — Евгением Кожев-

никовым. Чувствовалось, что Серго понравился толковый, грамотный специалист. Он вспомнил о нем, когда надо было укрепить инженерными кадрами орские новостройки. Е. Ф. Кожевников был назначен главным инженером «Никельстроя» в Орске, затем «Ормедьстроя», управляющим самым крупным в этих местах трестом «Южуралтяжстрой». Потом, уже в послевоенную пору, он долгие годы был министром транспортного строительства СССР.

В конце июня 1937 года на опытном заводе в поселке Никитино начался монтаж оборудования на важнейших участках производства. Вместе с монтажниками в сборке агрегатов участвовали будущие рабочие, проходившие практику на Баймакском заводе. Чтобы ускорить пуск предприятия, на сборку оборудования было мобилизовано около 400 человек. Эти люди днем работали на своих местах на стройке, а вечерами осваивали профессии монтажников. Их приод заметно усилил темпы работ. К концу года монтаж оборудования, в основном, был аавершен. Начались его испытания.

В конце января 1938 года попытались задуть печь. Но ее заморозили, сказалась неопытность. Сколько сил и времени потребовалось, чтобы выломать так называемого «козла». Неудачей закончилась и вторая попытка. Но с третьей плавка пошла по заданному режиму. В марте опытный завод выдал первую продукцию.

Один из участников первой плавки, а это были в большинстве своем вчерашние сельские парни, которые, как говорится, отро-

дьясь ничего подобного не видели, Иван Тихонович Матвиенко потом вспоминал:

— Когда из летки ринулась огненная река, посыпались чуть ли не до потолка искры, в страхе кинулись бежать, один даже шапку потерял...

— Куда вас понесло? — крикнул вдогонку Федор Родионович Чекопасов, стоявший почти у самого огня.

— Стыдно стало, вернулись на свои места...

...На высоту нескольких этажей поднялась ватержетная печь. В ее глубине бушует, клоочет расплавленная шихта. Через определенные промежутки вверху под самой крышей раздается обвальный грохот. Это над колошником печи опрокидываются вагонетки. В определенных дозах в печь поступают очередные порции руды, кокса, известняка, кварца. При температуре 1250 градусов все это превращается в жидкую огненную массу. Через передний горн она вытекает в большой стальной отстойник. Тут шлак всплывает наверх и уходит по желобу. Полуфабрикат меди — штейн накапливается в горне. Когда он остынет, его разобьют на куски и отправят на склад.

А серный газ проходит через комплекс аппаратов и вытекает коричневой жидкостью. Застывая, она приобретает яркий желтый цвет. Это первая в стране газовая сера.

— Помню, как мы обрадовались», — вспоминает один из первостроителей, бывший мастер деревообделочного цеха Андрей Николаевич Гордеев, — когда получили

заказ: изготовить десять ящиков для отправки только что полученной серы. Потом еще пятьдесят. А дальше заказы вдруг прекратились. Оказалось, что теперь для отгрузки этой продукции нужны уже не ящики, а вагоны.

Опытный завод, который возглавил инженер-металлург Н. Д. Кужель, стал хорошей школой подготовки кадров для основного завода. Тут учили теории и практике горновых, загрузчиков, аппаратчиков, электриков, сменных инженеров. Одних только горновых к пуску завода тут подготовили 36 человек. Многие из них стали металлургами и химиками высокой квалификации. Федор Родионович Чекопасов долгие годы был старшим мастером. Петр Андреевич Шпильков — помощником мастера, Иван Поликарпович Лопин — бригадиром в шихтарнике. Хорошими горновыми стали Рыбаков, Максимов, Матвиенко, Худояров, Веденеев, Чекуров, Стеньшин и другие. На опытном заводе сложился дружный коллектив талантливых инженеров — профессор Н. Ф. Юшкевич, Г. М. Гордон, С. И. Белкин, Г. М. Кухранова, Ф. Е. Якубович, П. И. Шведов.

Это были годы, когда в жизнь прочно вошел лозунг «Кадры решают все», родившийся в середине тридцатых годов. Ведь поднимать индустрию страны пришли вчерашние крестьяне, привыкшие с детства пахать и сеять. К тому же в основной массе люди были неграмотными. С 1930 года ввелось обязательное четырехклассное обучение. Но даже в 1939 году каждый пятый

старше десяти лет не умел читать и писать. Кадры росли из гуши жизни. Но двойной смысл брошенного лозунга проявился именно в 1937-м. Сталинские репрессии обрушились прежде всего на работников индустрии. Начало гнусных злодеяний было положено еще в конце 20-х годов, вместе с Шахтинским делом. Но теперь массовое вредительство усматривалось на многих участках индустрии. К началу третьей пятилетки этот процесс несколько стих. Мужественные и героические люди продолжали промышленные преобразования. Рост производства стал возможен в связи с увеличением производительности труда. Рабочих, инженеров, специалистов не надо было упрашивать работать больше положенного] Если нужно, они не уходили со стройки и поспе 12—16-часовой смены.

Полным ходом развернулись работы на строительстве главного корпуса. В заводские сооружения уже были уложены многие тысячи кубометров бетона, смонтированы тысячи тонн стальных конструкций. На базе небольшой конторы в феврале 1931 года было образовано монтажное управление, а в апреле созданы четыре монтажных цеха.

На стройке был только один мощный кран «Деррик». Поэтому подавляющее большинство монтажных и такелажных работ выполняли с помощью ручных лебедов

— Ухитрялись передвигать и поднимал оборудование весом до 18 тонн, — рассказывал бригадир монтажников, первостроитель Николай Иванович Лапушкин. — Н*

чинали работать задолго до гудка. Шли по пятам строителей. Они не успевали снять опалубку, а мы уже приступали к такелажным работам. За день надо было успеть очень много, подготовить все для сварщиков, которые выходили в ночную смену.

Еще в конце октября 1936 года была заложена огромная стометровая труба главного корпуса. На ее кладке, на участке «Союзтеплостроя» работал каменщиком Александр Андреевич Рыбаков. К нему приехал погостить из Кировской области сын Андрей. Ему тут очень понравилось, хотел поступить на работу, но ему не хватало трех месяцев до 16 лет. Домой не поехал, стал помогать отцу — подносил кирпичи, раствор. А потом Андрей Рыбаков стал одним из лучших каменщиков стройки, освоил огнеупорную кладку, стал футеровщиком самого высокого седьмого разряда.

По-стахановски трудились тогда на лю-ом участке огромной стройки. По графику монтаж бункеров рудной и кварцевой мелочи надо было выполнить за одиннадцать дней. Монтажники бригад Петра Ивановича Букаева, Григория Нефедовича Чертанова и Василия Васильевича Прокофьева сдали бункера на опробование на восьмой день.

— Мне было пятнадцать лет, когда я пришла на строительство. Но по виду мне можно было дать больше, и я прибавила себе три года, чтобы взяли, — вспоминает Надежда Федоровна Черкасова. — Работала на строительстве центральной электростанции. По шатким трапам все выше и выше носила кирпичи на спине, на так на-

зывается «козе», а раствор и воду — в ведрах. Чем больше росли стены, тем было труднее. Последние кирпичи я укладывала вместе с напарником Михаилом. Помню, когда он уложил на два дня раньше срока последний кирпич, то радостно закричал «Ура!» А мы все подхватили.

Прошли еще месяцы, и 8 апреля 1938 года центральная электростанция дала промышленный ток, вступила в строй первая турбина. А спустя немногим более шести месяцев — 30 октября — была пущена вторая турбина. Инженер Ленинградского завода «Электросила» имени С. М. Кирова М. И. Шукин дал высокую оценку качеству монтажа.

По приказу наркома тяжелой промышленности первая секция медно-серного завода должна была вступить в строй 15 октября 1938 года. Но отставание прошлые месяцы было так велико, что, несмотря на царивший на всех площадках энтузиазм, уложиться в установленные сроки не смогли.

Зима в этом году началась рано. С первых дней ноября ударили сильные морозы. А в главном корпусе не действовало отопление (по проекту горячая вода в систему должна была поступать от работающих холодильников, но они еще бездействовали). Нашли такой выход: подогнали и поставили рядом с корпусом паровоз. Топили его круглосуточно. Пар подавался в один из резервуаров. В тоннеле, где были уложены подводящие воду трубы, устроили подогреватели. Почти две недели паровоз обеспе-

чивал непрерывную циркуляцию воды с паром. К дню пуска удалось хоть как-то обогреть помещения.

В те дни строители, монтажники, эксплуатационники сутками не покидали своих рабочих мест. Горняки старались выдать как можно больше руды, железнодорожники готовили шлакоотвалы, подводили составы к бункерам.

Только 15 ноября после завершения монтажных работ на всех участках директор комбината В. Н. Осиев подписал приказ, которым предлагалось «16 ноября приступить к организованному опробованию механизмов по объектам...»

Началась кропотливая, скрупулезная работа по проверке надежности каждого узла. Остро встал вопрос о строительстве брикетной фабрики, так как в первые годы рудник обещал давать в основном мелкую руду, так называемую сыпучку, а все агрегаты рассчитаны на переработку крупнокомковой руды.

Почти месяц продолжалась прокрутка оборудования в огромном, высотой с восьмиэтажный дом, корпусе дробильно-бункерного цеха. Устранялись малейшие шероховатости. И вот комиссия дает положительную оценку.

Приняли решение: задуть три ватержакета 17 января 1939 года. Но оказалось, что полученный еще прошлым летом коксик в количестве 1500 тонн был слишком мелким, почти пылевидным. К плавке не пригоден — такое заключение дали специалисты. Пришлось срочно решать вопрос о завозке

на комбинат коксика нужных фракций.

Но вот, наконец, завершено комплексное опробование оборудования. В его надежности сомнений не было. Риск был, и немалый, только в одном — от Рамазана до завода, до города сумели проложить лишь одну нитку водовода. Сделана она была добротно, но мало ли что могло случиться. Ждать, когда будет построена резервная — значит еще на долгие месяцы отложить и без того затянувшийся пуск.

29 января 1939 года в кабинете Осиева собрались на последнее заседание члены главной и объектовых комиссий, руководители цехов и отделов.

— Военный совет в Филях, — пошутил главный инженер комбината В. Г. Беляев.

— Разница только в том, что нам отступать больше некуда, — в тон ему ответил Осиев.

Еще раз взвесили все «за» и «против», выслушали мнение каждого, кому было что сказать.

— Итак, все за пуск. Других мнений нет, — подытожил Осиев.

Он достал из папки и подписал подготовленный им проект приказа. В городском музее хранится этот интересный документ, положивший начало рабочей истории комбината:

«ПРИКАЗ № 32

по Блявинскому медно-серному комбинату «Ормедь» от 29 января 1939 года. 10-й разъезд.

1. Задувку трех ватержакетных печей №№ 2, 4, 6 начать в 00 часов 31 января 1939 года.

2. Главному инженеру комбината тов. Беляеву В. Г. обеспечить полностью руководство и контроль

всем режимом задувки и работы завода. Распоряжения главного инженера безусловно обязательны.

3. На начальника медно-серного завода тов. Кужель Н. Д. возлагаю ответственность за подготовку всех агрегатов и объектов завода, практическое осуществление всех операций и мероприятий по задувке и работе, расстановку инженерно-технических и рабочих кадров, их инструктаж и мероприятия по бесперебойности и безопасности работ.

4. Доступ лиц, не участвующих непосредственно в работе по медно-серному заводу, с 20 часов 30 января прекратить.

Директор комбината «Ормедь» Осиев».

В конце января над Губерлинскими горами и Саринским плато бушевали бураны. Ртутный столбик термометра опускался до отметки 40. Поземка перемела пути. Рабочий поезд прошел половину дороги и остановился. Дальше люди на смены шли пешком, под ледяным ветром, многие обморозились.

Только утром 1 февраля в 10 часов удалось задуть печь № 2 (ее разжигал старый уральский мастер Торопов), спустя два часа — печь № 4 и лишь 3 февраля — печь № 6.

Через несколько часов после загрузки второго ватержакета шлаковой шихтой лучшие горновые Александр Семенович Рыбаков и Борис Спиридонович Жаринов из смены старшего мастера Федора Родионовича Чекопасова открыли шпуровое отверстие для выпуска расплавленного шлака. Через горн шлак пошел в отстойник, а оттуда — в шлакоразливочную машину.

3 февраля в 18 часов на первую производственную вахту вступила смена молодого

го инженера Соломона Зиновьевича Малкина.

Утром 4 февраля в 6 часов была загружена руда в печи №2 и №4. Через два часа в смене Марии Михайловны Морозовой из отходящих газов были получены первые полтонны серы. В этот же день в 18 часов настал долгожданный час выпуска металла. В металлургическом цехе, несмотря на строгий запрет, собрались и металлурги, и химики, и многие строители, и монтажники. Пробито шпуровое отверстие, и, озарив цех ослепительным пламенем, полилась тугая струя металла. Встретили ее могучим рабочим «ура!» Первый штейн получила смена, которой руководила инженер, Галина Михайловна Кухранова. Всего в тот день выдали 15 тонн штейна и 22 тонны серы.

С тех пор вот уже пятьдесят лет, днем и ночью, в будни и праздники, в любое время года гудят, не переставая, плавильные печи, продолжается таинство рождения ценного металла.

Кто стоял на вахте в те первые дни февраля 1939 года, когда мели поземку студеные ветры, а тут, у пышущих огнем печей, было по-африкански жарко, пот заливал лица металлургов?

Труд металлургов — коллективный. И участников первых плавок было много. Тем более что процесс от задувки печей до выдачи продукции продолжался трое с лишним суток. За это время тут работало несколько рабочих смен. Это были горновые Борис Спиридонович Жаринов, Александр

Семенович Рыбаков, братья Федор Григорьевич и Иван Григорьевич Григорьевы, Насибулла Галиуллоевич Максютов, Степан Семенович Замай, Иван Тихонович Матвенко, Гавриил Федорович Карагодин, Григорий Александрович Крыгин, загрузчики Михаил Макарович Кнышев, Василий Никитович Буйный, Григорий Яковлевич Доленко, Арсений Сергеевич Сиваш, бригадир шихтовщиков Иван Поликарпович Лопин, старшие аппаратчики Мария Петровна Сафонова и Алексей Емельянович Пильгуй, дозировщица Пелагея Васильевна Кондратьева, старший мастер Федор Родионович Чекопасов, мастер Иван Федорович Сметанников, сменные инженеры Тамара Павловна Кузьмина, Соломон Зиновьевич Малкин, Галина Михайловна Кухранова, Семен Михайлович Маруня, Федор Емельянович Якубович, Яков Наумович Шварцман, Мария Михайловна Морозова, совсем юная лаборантка Катя Перепелкина (она брала на исследование пробы металла из первых плавок) и многие, многие другие. Всех, к сожалению, не перечислишь...

В конце февраля состоялась четвертая областная партийная конференция. Когда слово дали первому секретарю Кувандыкского райкома партии Александру Матвеевичу Пуговкину, он сказал:

— В настоящее время ежедневный выпуск серы достиг 100 тонн. Со дня пуска завода наши металлурги и химики уже дали стране 1500 тонн серы и около тысячи тонн полуфабриката меди. Сейчас в поселках медно-серного комбината 26 700 жителей.

Это уже большой город. Но у него нет единого руководства. Это создает немалые трудности. Настало время решить вопрос о создании тут городского Совета и горкома партии.

К началу 1939 года в строительство медно-серного комбината было вложено уже более двухсот миллионов рублей. В 1939 году предстояло освоить еще 30 миллионов на промышленной площадке и 8 миллионов — на строительстве жилья и культурно-бытовых объектов.

10 марта в день открытия XVIII партийного съезда коллектив комбината отгрузил потребителям 15 вагонов своей готовой продукции — технической серы. Тогда же ушли вагоны со штейном на Карабашский медеплавильный завод, там из него получали черновую медь.

Медно-серный комбинат строился с учетом новейших достижений науки и техники тех лет. Это было предприятие с довольно высоким уровнем механизации. Многие тут было сделано для того, чтобы легче стал труд горновых, аппаратчиков, рабочих других профессий, уменьшилась загазованность.

Важное событие произошло в металлургическом цехе комбината 3 апреля: в 11 часов 50 минут вступила в эксплуатацию ватержетная печь № 1. В задувке печи принимала участие смена молодого инженера, выпускника Московского института цветных металлов и золота Федора Емельяновича Якубовича. Под его руководством молодые крестьянские парни на опытном

заводе учились плавить медь, получать из газа серу, а потом стали работать со знанием дела в цехах основного производства.

Пуска печи № 1 ждали с нетерпением. Она имела особое значение для комбината, так как производила так называемую концентративную или сократительную плавку. Печь переплавляла штейн, полученный в вечах рудной плавки, «концентрировала», делала его богаче. Загружали штейн с содержанием 8—10 процентов, а из нее выходил он обогащенным медью до 20—25.

Вместе с комбинатом росли все три поселка: у разъезда Медный, Никитино и Ракитянка, подчиненные Кувандыкскому райисполкому. Управлять ими становилось все труднее. Поэтому с радостью встретили тут Указ Президиума Верховного Совета Российской Федерации от 8 апреля 1939 года: «Поселки разъезда Медный Кувандыкского района... преобразовать в город Медногорск». Так полвека назад на жарте Оренбуржья появился первый город, выросший в области в годы Советской власти, город, названный именем металла, давшего ему жизнь.

26 апреля 1939 года облисполком принял решение: «Перенести центр Кувандыкского района в селение Кувандык».

17 апреля бюро обкома ВКП(б) утвердило состав оргбюро по созданию Медногорской городской партийной организации: Баринаева Елена Георгиевна (секретарь оргбюро), Пуговкин Александр Матвеевич (парторг ЦК ВКП(б) на медно-серном заводе), Шишкин Иван Михайлович (секре-

тарь парторганизации рудника), Влазнев Павел Леонтьевич (парторг ЦК ВКП(б) на комбинате «Ормедь») и Артемьев Даниил Фирсович (председатель оргбюро по созданию горисполкома).

С глубоким интересом знакомились медногорцы с короткой, но боевой биографией первого секретаря горкома партии Елены Георгиевны Бариновой. В тяжелые дни 1920 года она боролась против белых в Крыму, в партизанском отряде. Была схвачена врангелевской контрразведкой, приговорена к расстрелу. В тот день, когда должны были казнить большевиков, на рассвете в город ворвались передовые отряды Красной Армии. Елена Георгиевна налаживает Советскую власть в Евпатории как председатель райисполкома. Потом работает в Москве, в аппарате ВЦИК. В 1936 году направлена в Оренбургскую область на должность заведующей облздравотделом...

Невелика еще была в то время Медногорская партийная организация. На 1 сентября 1939 года в ее составе было 418 человек, в том числе 274 члена и 144 кандидата в члены ВКП(б). Наиболее крупными были первичные организации медно-серного завода имени Чкалова — 139 человек, «Ормедьстроя» — 88, Блявинского рудника — 63, редакции газеты «Медногорский рабочий» — 8. Кроме того, были небольшие партийные организации на разъезде Медный, на кирпичном заводе, в геолого-разведочной конторе, в аэроклубе, в артелях «Швейник» и «Большевик».

1 сентября 1939 года в молодом городе

вышел первый номер газеты «Медногорский рабочий». Кроме многотиражек «Горняк», «Комбинат», «За советскую медь», город обрел теперь свою газету, которая стала надежной помощницей городской партийной организации.

3 января 1940 года состоялась первая сессия Медногорского городского Совета депутатов трудящихся. Ее открыл старейший депутат, один из первых строителей Иван Павлович Некеров. На сессии председателем горисполкома был избран Даниил Фирсович Артемьев, заместителем председателя — комсомола, молодой инженер Блявинского комбината Мария Георгиевна Тутунджян, секретарем исполкома — Тимофей Андреевич Жихарев.

Среди первых депутатов городского Совета были начальник смены химцеха Мария Михайловна Морозова, штукатур Анна Андреевна Чаплыгина, директор медно-серного завода Иван Григорьевич Багреев, десятник Блявинского рудника Гордей Николаевич Дужик, геолог Михаил Николаевич Хетагуров, врач Екатерина Федоровна Гусева, инженер Фабзия Габдулловна Султанова, учительница Анна Андреевна Григорьева, старший аппаратчик химцеха Сергей Павлович Сухачев, бригадир брикетной фабрики Анна Степановна Земцова, бригадир плотников Степан Иванович Колесников, первые женщины-бурильщицы Татьяна Михайловна Чуманова и Анна Андреевна Скорнякова, начальник «Ормедьстроя» Кирилл Иванович Ежов и многие другие.

Каким был Медногорск — самый молодой город области, город, рожденный Октябрем, тогда, полвека назад? Об этом рассказывают страницы «Медногорского рабочего» и областных газет.

В городе было уже более тридцати тысяч жителей. «Построена памятная «пятиэтажка» — образ будущего Медногорска. Окруженный горами, не имеющий возможности разрастаться вширь, город будет расти вверх». Еще выше построена средняя школа № 1. Как вспоминают первостроители, ее возвели стахановскими методами всего лишь за 72 дня. А первым капитальным школьным зданием была семилетка, построенная в 1935 году на десятом разъезде на улице Советской (теперь это жилой дом против городского узла связи). Одним из ее создателей и первых учителей был Михаил Васильевич Дубровин. Его учительский стаж начинался еще в 1912 году в сельской школе и продолжался около полувека. Много лет Михаил Васильевич заведовал учебной частью в школе № 1, был награжден орденом Ленина.

Говорят, все познается в сравнении. И хотя с начала строительства прошло совсем немного времени, перемены были заметны: «Если в 1935 году в поселках было две начальных школы, 550 учащихся, то теперь 5 начальных, 3 неполных средних и 3 средних школы. В них учатся 5775 школьников и работают 158 учителей».

Первыми медицинскими работниками на строительстве «Ормедьзолото» были фельдшер Никон Селиверстович Мухин и моло-

денькая медсестра Татьяна Сергеева (Ковалева). Они были и терапевтами, и хирургами, они же принимали первых младенцев, первых коренных жителей Медногорска. В конце 1935 года уже было три медпункта с шестью работниками. А в 1939 году в городе девять лечебных учреждений и 42 медицинских работника. «В Медногорске — лучшая в области поликлиника на 500 посещений в день, — с гордостью вполне законной писали местные журналисты. — Ей позавидует любой город. Она имеет лечебные кабинеты по всем врачебным специальностям. Оборудованы они с учетом последних требований науки».

В городе была построена первая гостиница, действовал Дом связи, клуб имени Никитина, строился клуб горняков. На 20 гектарах стали создавать городской парк, тут же образовалась и первая спортивная база.

На 1940 год намечалось строительство нового вокзала (до сих пор он размещался в железнодорожном вагоне). А к нему от центральной площади прокладывалась улица-бульвар шириной 50 метров (теперь улица Ленина).

Газеты тех лет сообщали, что генеральным планом предусмотрено строительство еще двух средних школ на 880 учащихся, здания горно-металлургического техникума, заводов хлебного, молочного и фруктовых вод. В 1940 году на строительство молодого города было отпущено 27 миллионов рублей.

Вслед за первой улицей Комсомольской,

застроенной в основном бараками, стали подниматься дома на улицах Горького, Чернышевского, Советской, Орджоникидзе, Бульварной.

Так начинался город. Все, что было сделано, что построено в ту пору, это в основном на средства и силами комбината и крупной подрядной строительной организации (ее название да долгие годы не раз менялось — «Ормедьстрой», затем УНР-716, СУ-16 и, наконец, СУ-4).

В предвоенные годы в Медногорске появились первые орденосцы. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1939 года вместе с другими работниками цветной металлургии орденом Ленина награжден директор комбината Иван Григорьевич Багреев (он сменил Осиева в 1939 году), орденом «Знак Почета» — бурильщик Алексей Владимирович Вильдиманов, медалью «За трудовую доблесть» — бурильщик Яков Матвеевич Орлов, медалью «За трудовое отличие» бурильщик Петр Карпович Прокофьев, забойщик Дмитрий Кузьмич Денисов. Государственными наградами были также отмечены начальник центральной электростанции Борис Сергеевич Антонов, главный инженер стройки Евгений Федорович Кожевников, геолог Михаил Николаевич Хетагуров, штукатур Анна Андреевна Чаплыгина, бригадир плотников Степан Иванович Колесников, стальмонтажник Дмитрий Иосифович Матлахов, учительница Анна Андреевна Григорьева и другие, всего 15 человек.

Металлурги успешно осваивали техноло-

гический процесс на ватержетных печах. Уже летом 1939 года проектная мощность всех четырех печей была перекрыта. Монтажники совместно с эксплуатационниками подготовили к пуску третью и пятую печи, но их нельзя было сдать в эксплуатацию из-за большой нехватки полноценной руды. Поэтому форсировали строительство временной брикетной фабрики, чтобы прессовать мелкую руду. Наконец, подготовили один пресс производительностью 150 тонн брикетов в сутки. Первыми начинали осваивать брикетное дело инженер Кира Вадимовна Клепнева, старший прессовщик И. Н. Валявин, мастер Е. Е. Кравцов, прессовщик М. Ф. Росяев. Но долго еще не удавалось обеспечить прочность брикетов.

Было немало и других трудностей, не раз приходилось останавливать печи из-за иеребоев с доставкой кокса и коксика. По этому поводу первый секретарь обкома партии Александр Афанасьевич Дубровский не раз обращался к руководству Наркомата путей сообщения. Случались поломки оборудования. Но несмотря ни на что годовой план выплавки меди в штейне металлургии комбината выполнили досрочно. Хуже обстояло с серой. Из-за примесей, загрязненности мышьяком и селеном, качество ее было низким. В целом план выпуска элементарной серы был выполнен только на 67,2 процента.

В феврале 1940 года коллектив металлургического цеха медно-серного завода имени Чкалова вызвал на социалистическое соревнование орских никельщиков, которые

допустили значительное отставание.

«План 1940 года увеличен на 80 процентов, — писали металлургам Орска стахановцы медно-серного, — но мы справляемся с ним успешно. План первого квартала выполним к 10 марта.

Медно-серный и никелевый заводы — детища второй пятилетки. Оба завода пускались в одно и то же время. Почему же ваш завод в прошлом году работал неудовлетворительно?..

Предлагаем соревноваться за то, чтобы и Южуралникелькомбинат, и медно-серный завод имени Чкалова стали передовыми предприятиями Советского Союза».

Орчане приняли вызов.

По третьему пятилетнему плану (1938—1942 гг.) намечалось полностью закончить строительство Медногорского медно-серного комбината и города. В комплекс второй очереди входил конверторный цех, который должен был превращать полуфабрикат-штейн в готовую продукцию — черновую медь. Ввод этого цеха планировался на 1942 год. А пока, чтобы осваивать технологический процесс, готовить кадры, решили создать сравнительно небольшой конверторный передел. Он был введен в строй 12 октября 1940 года. Завод стал давать черновую медь. Возглавил конверторный передел энергичный инженер Павел Михайлович Саблин. Особенно проявили себя смены мастеров Власова, Рябкова, Васильева, Зеркина. По предложению Саблина в мастера был выдвинут горновой, стахановец Иван Тихонович Матвиенко.

20 декабря на комбинат пришла правительственная телеграмма. Наркомат цветной металлургии поздравил медногорских металлургов и химиков с досрочным выполнением плана по выплавке меди в штейне, с улучшением работы химического цеха по добыче серы, объявил благодарность всему коллективу.

В ходе соревнования заметно улучшил свою работу отстававший до сих пор Блявинский рудник. Тут отличались своим мастерством лучшие стахановцы — бурильщики Гордей Николаевич Дужик, Кирилл Филиппович Тараненко, Михаил Петрович Ивочкин, Георгий Артемьевич Смирнов, братья Алексей Владимирович и два Степана — старший и младший Вильдимановы, Григорий Петрович Пугачев, Петр Николаевич Короткое и другие мастера. Работая по примеру первого стахановца в цветной металлургии Алексея Семиволоса, который применил метод скоростного многозабойного бурения, они добивались неслыханных прежде результатов.

В один из ноябрьских дней Гордей Дужик довел выработку до семи норм в смену. Спустя месяц Михаил Ивочкин дал почти девять норм, а 26 декабря — десять с половиной. Рекорд продержался две недели. Выдающегося результата добился Георгий Смирнов. За смену он выполнил суточное задание всего участка. За мастерами тянулись другие рабочие рудника. И в результате коллектив блявинских горняков досрочно справился с годовым планом.

Когда подвели итоги Всесоюзного со-

ревнования, оказалось, что Медногорский медно-серный комбинат завоевал второе место в стране, второе место и у Блявинского рудника, а металлургический цех — первое место, и ему присуждено переходящее Красное знамя газеты «Правда».

Значительно лучше стали работать и орские никельщики. Они совсем немного не дотянули до годового плана.

И пришел сорок первый...

...Шла весна сорок первого года, хорошая, трудовая весна. В городе поднимались новые жилые дома, строился больничный городок. На промплощадке возводились здания первой и второй брикетных фабрик. В конце апреля металлургическому цеху было вручено переходящее Красное знамя газеты «Правда». А 28 мая, за месяц с лишним раньше срока, медно-серный завод выполнил полугодовую программу по выплавке черновой меди. Набирали темпы стахановцы Блявинского рудника. По две нормы в смену изо дня в день выполняли бурильщики Орлов, Дужик, Барабаш, Ивочкин, до двух — Смирнов, Васильев, Кузнецов, Марков и другие.

На медно-серном заводе с гордостью называли имена победителей соревнования — старшего горнового Бориса Спиридоновича Жаринова, горновых Сергея Григорьевича Шербатова, Фрола Андреевича Астафьева, загрузчиков Василия Никитовича Буйного, Григория Яковлевича Доленко,

мастера конверторного передела Григория Александровича Крыгина, старшей рабочей брикетного цеха Анны Степановны Земсковой, старшей лаборантки Екатерины Григорьевны Перепелкиной, дозирующей Пелагеи Васильевны Кондратьевой, машиниста желдорцеха Николая Ильича Пастухова, старшей аппаратчицы Марии Петровны Сафоновой, аппаратчицы Клавдии Яковлевны Чересовой, шихтовщика Ивана Владимировича Маркина, старшего машиниста Екатерины Андреевны Матявиной и других стахановцев.

В цветной металлургии производство непрерывное, круглосуточное, не знающее выходных и праздничных дней. Отдыхают тут люди по скользящему графику. В воскресенье 22 июня 1941 года был обычный рабочий день, шла нормальная трудовая смена на медно-серном заводе, на Блявинском руднике, на всех участках огромного комбината. И вдруг в полдень до самых дальних забоев рудника с необычайной быстротой донеслось короткое, трагическое слово: «Война!» Дрогнули сердца, но никто не оставил свой пост, пока не позвали на митинг.

Со всех концов Ракитянки люди спешили в клуб горняков. Зал был заполнен в несколько минут. А люди подходили и подходили. Вот их уже собралось вокруг клуба вдвое больше, чем в здании, всего более тысячи человек. Они слушали передававшееся раз за разом после тревожных позывных Заявление Советского правительства, которое читал известный уже тогда

диктор Юрий Левитан, читал так, что каждое произнесенное им слово проникало до глубины души, от первой фразы: «Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза!..» — до завершающих уверенных, коротких, четких, словно отлитых из металла строк: «Наше дело правое! Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

Людей собралось столько, что митинг пришлось проводить на площади у здания клуба.

— Вы все слышали, товарищи, Заявление Советского правительства, — сказал выступивший первым директор рудника Даниил Федорович Вальков. — На нашу Родину напала свора бешеных фашистских собак. Борьба будет трудной. Это война двух миров — мира социализма и капитализма, его самой гнусной формы — фашизма. Мы не сомневаемся в том, что фашисты будут разгромлены. Наш долг ударным трудом крепить мощь Советского Союза. Этим мы поможем Красной Армии уничтожить врагов. Коллектив рудника готов и к ударному труду, и к защите Родины.

Слово предоставляется бурильщику-станхановцу Гордею Николаевичу Дужику.

— Товарищи горняки, товарищи жители Ракитянки, — говорит он, — в эти трудные для нашей страны дни мы готовы по первому зову партии и правительства сменить бурильные молотки, скреперы, лебедки на винтовки, пулеметы, пушки, чтобы нанести сокрушительный удар по обнаглевшему фашизму. Призываю всех горняков работать только по-семиволосовски, чтобы

давать стране столько руды, сколько она потребует. Я лично обязуюсь выполнять норму выработки не менее чем на 250 процентов ежедневно.

Выступают инженер Иванченко, секретарь комитета ВЛКСМ рудника Тросиненко, машинист электровоза Чередников.

— Когда понадобилось защищать город Ленинград, — сказал Чередников, — многие наши горняки, и я в том числе, пошли добровольцами на финский фронт. Я готов и сейчас пойти в ряды нашей доблестной Красной Армии, чтобы проучить немецких захватчиков, посягнувших на священные рубежи нашей Родины. К этому готовы сотни блявинских горняков.

«Мы, трудящиеся Блявинского рудника, — говорилось в принятой единодушно резолюции, — заверяем большевистскую партию, что мы все готовы не только выступить на защиту любимой Родины, но и умереть смертью храбрых в борьбе с кровавым, зарвавшимся врагом.

Мы будем неустанно крепить трудовую дисциплину и дадим стране столько руды, сколько потребуется».

Вечером и ночью посыльные сбились с ног, доставляя первые сотни повесток о мобилизации. А утром 23 июня медногорцы призывных возрастов с наспех сшитыми вещмешками-«сидорками» спешили к горвоенкомату. Многие, особенно молодые, верили, что война скоро кончится полным разгромом Германии, глядишь, и до фронта из уральской дали не успеют доехать. Кто постарше, поопытней, думали по-друго-

му. Собрались матери, жены, ребятишки, плач и стон стояли вокруг военкомата. Но вот сформированы, построены команды. Короткий митинг перед отправкой.

— Сегодня я ухожу на защиту нашей любимой Родины, — сказал механик химического цеха медно-серного завода Баранов, — буду бить врага до последнего дыхания. Пусть знают фашисты, что советский народ, когда на него нападают, шутить не любит. Уходя на защиту Родины, я призываю коллектив медно-серного завода упорно повышать производительность труда, добиваться новых производственных побед. Товарищи металлурги и химики! Давайте больше меди и серы, чтобы мы могли крепче бить врага!

23 июня состоялся пленум Медногорского горкома партии. «В этот ответственный для страны момент, — говорилось в резолюции, — пленум требует от каждого члена и кандидата ВКП(б), от каждого комсомольца исключительной примерности, дисциплины, отваги, бдительности на любом участке его работы и своим личным примером вести за собой трудящиеся массы, разъясняя причины возникновения войны и задачи нашего народа».

В городе был создан штаб противовоздушной обороны, началось формирование полка народного ополчения. Позднее, в июле, была сформирована боевая дружина для уничтожения парашютных десантов и диверсионных групп противника.

Уходили на запад воинские эшелоны. Передели рабочие ряды на медно-серном,

на руднике. Тем, кто остался, приходилось работать за двоих, а то и за троих. «Досыта накормим фашистов горячим металлом!» — призывал лозунг у проходной медно-серного завода, «Каждая тонна руды — снаряд в лагерь фашистов!» — напоминал призыв у конторы Блявинского рудника.

И металлурги, и горняки, и химики в военные годы трудились, постоянно перевыполняя задания по добыче руды, по выпуску меди и серы. Работа по-фронтовому позволила в два раза увеличить выплавку меди по сравнению с довоенным уровнем.

«Боевые листки», выпускавшиеся ежедневно, сообщали о трудовых успехах, о фронтовых вахтах героев тыла.

«8 июля бурильщик седьмого участка Михаил Ивочкин выполнил годовую программу. По 300—400 процентов нормы дают стахановцы-семиволосовцы Гордей Дужик и Кирилл Тараненко».

«В конверторном переделе ценнейшее предложение молодого инженера Павла Саблина дало возможность проводить скоростные плавки меди».

«Первое место в конверторном переделе занимает смена мастера, коммуниста Власова, выполняющая нормы до 200 процентов. Смена Сулейманова выполняет задания до 160 процентов».

«70 процентов рабочих ремонтно-механического цеха — ученики старого мастера Петра Ивановича Шелкова. Большинство из них — двухсотники».

«Комсомолка, станочница Нюся Лосева

самостоятельно обрабатывает сложные детали — переводные стрелки для железнодорожных путей и подъемные механизмы для газохранилищ ватерджетов».

«По нескольким нормам в смену выполняют монтажники из бригады Гавриила Иосифовича Матлахова. Бригада завоевала переходящее Красное знамя обкома партии и облисполкома».

На смену ушедшим на фронт пришли тысячи женщин и подростков. Мария Ивановна Севастьянова стала машинистом воздуходувной станции, Екатерина Андреевна Матявина — машинистом турбины на ЦЭС, сестры Елена и Анна Бажитовы, Мария Штоколова и Лидия Колыхалова освоили профессии шихтовщиц, Антонина Титова — стерженщицы, Евгения Юдинцева — токаря. Первыми овладели тяжелой мужской профессией бурильщика Татьяна Михайловна Чуманова, Анна Андреевна Скорнякова, Екатерина Пушкарева.

В конце августа и в первые дни сентября в Медногорск стали прибывать первые группы эвакуированных из прифронтовых районов Украины, Белоруссии, центральных областей РСФСР.

5 сентября пришел эшелон с оборудованием трех Днепропетровских предприятий легкой промышленности — фабрики головных уборов, швейной фабрики горпромкомбината и швейной мастерской. Прибыли сорок рабочих с семьями. На станции выгрузили три агрегата для изготовления головных уборов, 200 швейных машин и почти на миллион рублей сырья и заготовок.

Швейную мастерскую объединили с имеющейся в городе мастерской обллегпрома, а на базе фабрик головных уборов и швейной была организована Медногорская швейная фабрика, которую разместили в помещениях «Медьпродснаба».

В октябре 1941 года, когда гитлеровские полчища остервенело рвались к Москве, когда в полуокружении сражалась рабочая Тула, на подъездных путях Медногорского медно-серного комбината стали выгружаться эшелоны с оборудованием эвакуированного на Южный Урал Тульского оружейного завода. Этому старейшему ордена Трудового Красного Знамени предприятию, основанному еще при Петре Первом в 1712 году, суждено было обосноваться в поселке Никитине

Каменная коробка строившейся брикетной фабрики медно-серного комбината стала главным корпусом нового завода. Под один из его цехов использовали комбинатский гараж. Станки стаскивали с платформ и передвигали на отведенные места на стальных листах. Рукавицы, варежки, перчатки — все это быстро превращалось в лохмотья, и чтобы не отморозить руки, их обматывали тряпками. Часть станков устанавливалась под легкими навесами или вообще под открытым небом. Инженерные службы (в то время главным инженером эвакуированного в Медногорск завода был К. Н. Руднев) разместились в клетушках, сараях, в старых железнодорожных вагонах.

Зима 1941—1942 годов была необычай-

но суровой. Во многие помещения еще не успели провести паровое отопление. Холод стоял такой, что руки примерзали к металлу. И для того, чтобы дать тепло в цеха, особенно в огромный корпус брикетной фабрики, применили уже испытанный метод — подогнали и поставили рядом паровоз, потом другой, подключили их к наспех проложенной тепловой сети. Пар пошел по трубам. И установилась плюсовая температура, хотя до нормы было далеко.

В распадке между горами на очень сжатой площадке днем и ночью шло строительство — возводили новые цеха, перетаскивали в них из временок заиндевелые станки, прокладывали инженерные коммуникации.

Огромные трудности люди испытывали с жильем. Приехавших размещали везде, где *только можно было*, — в *Никитина*, *Раки-тнике*, в самом городе, на станции Блява и даже в Рысаево и в Кувандыке. Население Медногорска за счет эвакуированных выросло тогда на пятнадцать тысяч человек.

К сменам рабочих доставляли поезда, но из-за сильных заносов они иногда не могли пробиться к Медногорску. Поэтому многие стали ночевать на заводе — под батареями парового отопления, на столах, даже на лестничных клетках, всюду, где было теплее.

19 ноября 1941 года в Медногорске специально для Тульского оружейного завода организовали ремесленное училище № 7 с неслыханным для области контингентом учащихся — 1200 человек. Училище раз-

местили в нескольких бараках. Первые группы составили ребята, эвакуированные из Тулы, Ленинграда, Мариуполя, Одессы, Полтавы, Смоленска, Ворошиловграда, Ортогожска. Часть молодежи была из Оренбургской области. Учились по ускоренной программе. Возглавлял училище Виктор Алексеевич Костромин. Тяжелобольной, он все свои силы отдавал делу, и позднее по заслугам был награжден боевым орденом Красной Звезды.

Однажды в училище приехали директор завода Алексей Алексеевич Томилин и парторг ЦК ВКП(б) Александр Степанович Кузьмичев. Они посмотрели, как старательно занимаются будущие станочники и как малы еще многие из них. На заводе Томилин приказал деревообделочному цеху срочно изготовить несколько сотен подставок разной высоты к станкам, чтобы ребята могли нормально работать.

В декабре 1941 года после уроков на завод пришла большая группа семиклассников школы № 6. В те дни, когда шла ожесточенная битва под Москвой, они решили бросить учебу и пойти на работу в цеха оборонного предприятия.

— Старшеклассники уже работали на заводе, — рассказывает один из тогдашних юных рабочих, ныне персональный пенсионер Василий Федорович Шнуров, — мы тоже решили не оставаться в стороне. И вот тогда в моей трудовой книжке появилась первая запись. Работал на заводе до призыва в армию — до февраля 1945 года. Вместе со мной у станков заняли места

Алеша Абрамов, Дуся Горлова, Маша Ильина, Саша Ежов, Валентин Козлов, Вася Ефанов, Миша Бабий, Саша Николаев, Коля Галаминский, Саша Уразаев, Толя Васильев, Саша Кашицын и другие одноклассники. Все мы получили рабочие хлебные карточки и табельные марки. За нами пошли другие. За несколько дней из четырех седьмых классов в школе остался один, да и тот не полный.

Познавали профессию, как говорится, на ходу. В цехе было очень тесно, из-за нехватки места станки стояли «елочкой». Сравнительно скоро освоили токарное дело, а затем и очень сложную работу — глубокое сверление винтовочных стволов. С глубокой благодарностью вспоминаем своего первого наставника, начальника отделения, удивительно доброго, отзывчивого человека Абрама Вольфовича Перчикова. Он был всегда очень занят, но никогда не терял из виду нас — малолетних рабочих, всегда приходил на помощь при первой необходимости...

В страшном сорок первом на Урале
Из детей рабочих набирали.
Бросив деревянные наганы,
Делали снаряды мальчуганы...

Только вот не вышли ростом внуки —
До станков не доставали руки.
Может, по звонку Верховной Ставки
У станков им ставили подставки.

Как на деревянном пьедестале,
Дети на подставках вырастали...

Эти строки Евгения Евтушенко и о них — медногорских мальчишках и девчон-

ках, которые в трудный для Родины час стали в рабочий строй, делали для фронта винтовки и пушки, своими еще детскими руками приближали великий час Победы.

В один из зимних дней медногорцы ушли в сторону оружейного завода выстрелы. Они все учащались. «Что за перестрелка? Уж не десант ли?» — тревожно думали горожане. А для рабочих завода эта стрельба звучала как самая красивая музыка, как боевые марши. Это значило, что пошла продукция, которую так ждали на фронте, началось испытание первых сделанных в Медногорске винтовок. Правда, они были собраны из заготовок, привезенных из Тулы, но скоро пошли и свои, здешние, полностью медногорские.

Приходилось очень трудно, но несмотря ни на что уже в декабре сорок первого года завод стал давать фронту пехотные и снайперские самозарядные автоматические винтовки Токарева (СВТ-40), а в марте сорок второго вышел на рубеж запланированного объема их производства. Спустя год на авиационные заводы пошли из Медногорска для установки на истребителях, штурмовиках, бомбардировщиках созданные известными конструкторами-оружейниками Борисом Григорьевичем Шпитальным и Семеном Владимировичем Владимировым скорострельные, крупнокалиберные — 20-миллиметровые крыльевые и моторные пушки (ШВАК). Их поточное производство осваивалось под руководством Константина Николаевича Руднева.

5 августа 1943 года Руднева назначили директором завода. К тому времени это было очень крупное предприятие — всего персонала, как тогда говорили, насчитывалось 10 887 человек, из них — 1200 коммунистов и полторы тысячи комсомольцев. Действовало 32 цеха и 11 отделов.

Из соображений секретности в открытой печати предприятие называли так: «Завод, где секретарем партийной организации тов. Леонов». А телеграфный адрес у завода был знаменательный — «Медногорск—Победа».

— Очень тяжелой для туляков оказалась первая зима, — рассказывает бывший парторг ЦК ВКП(б) на заводе Алексей Ананьевич Леонов. — Она леденила даже привыкших к ней местных жителей, а туляков и людей, приехавших из других мест, тем более. Стояли сильные морозы, часто налетали бураны. Продуктов, полученных по карточкам, не хватало. Буханка хлеба на рынке стоила тогда 200 рублей, килограмм меда — 500, спичечный коробок махорки — 25. Женщины ходили в села менять вещи на хлеб, на продукты. Иногда попадали в буран, и, случалось, такие походы заканчивались печально.

Недостаточное, неполноценное питание, нехватка витаминов привели многих к истощению. А работа была тяжелой, смена продолжалась 12—14 часов. Нередко люди падали в обморок, а иногда и умирали у станков. Не знали, что за болезнь, как с ней бороться. Оказалось — дистрофия. Тяжелая зима многому научила. Весной почти у каж-

дого появился хоть небольшой огород. Сажали картошку глазками, а кое-кто и прося сеял. Собирали в горах дикий чеснок, щавель, сдавали в медсанчасть для лечения больных авитаминозом. Летом организовали поездки в Башкирию за черемухой, вишней, стали закупать в селах скот для заводской столовой.

8 апреля 1942 года в «Правде» была опубликована корреспонденция «Тульские оружейники на новом месте»:

«Когда-нибудь, — говорилось в ней, — будет написана история гигантского перемещения производительных сил — орудий производства и людских масс с запада, юга и центра в восточные районы нашей страны, и мы узнаем, каких невероятных усилий стоила эвакуация предприятий. Будет рассказано и о том, как многотысячный коллектив тульских оружейников, преодолевая колоссальные трудности, перебрасывал старейшую кузницу русского оружия в один из районов Урала.

Много трудов приложили туляки для того, чтобы в кратчайший срок заново смонтировать родной завод на новом месте.

...Теперь завод пущен. Построена столовая, которая одновременно пропускает тысячу человек, да ее филиал на двести пятьдесят человек. 1200 человек будут заниматься индивидуальным огородничеством. 500 рабочих будут строить себе в индивидуальном порядке жилища. Правительство отпускает для этого лес и деньги. Скоро будет и клуб. Сейчас у туляков одна главная задача: с каждым днем ускорять тем-

пы выпуска оружия для Красной Армии.

...В заводской коллектив влилось значительное количество новых рабочих из местного населения — домохозяйки, учащиеся средних школ, школ ФЗО и ремесленных училищ. Все они впервые столкнулись на заводе со сложными станками. Туляки взялись за обучение пришедших товарищей, и результаты уже сказываются. Молодые работницы-фрезеровщицы, которым помогли старые кадровые рабочие, сейчас выполняют дневную норму на 180—200 процентов».

Завод работал стабильно, ежегодно увеличивал выпуск очень нужной Красной Армии продукции. Только за 1943 год медногорцы выпустили 213 886 самозарядных автоматических винтовок и 3950 пушек ШВАК. А в 1944 году — уже 12 тысяч пушек. Коллективу предприятия трижды присуждалось переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны, многократно — Красные знамена ЦК ВКП(б), Наркомата вооружения, обкома и горкома партии. В знак признания особых заслуг Красное знамя Наркомата вооружения было передано коллективу завода на вечное хранение.

Наградное знамя хранили не в кабинете, не прятали в сейф. По указанию директора была сделана остекленная пирамида, ее установили на виду у всех. Сейчас это угол механического цеха пылесосного производства. Люди шли на работу и с работы мимо завоеванного их руками знамени, словно равнялись на него, это прибав-

ляло им сил. У знамени стоял почетный караул из комсомольцев и стрелков заводской охраны.

Однажды в Медногорск приехали с фронта с поручением вручить передовому коллективу переходящее Красное знамя Центрального Комитета партии и ВЦСПС летчики — Герои Советского Союза.

Собрание проходило на территории завода, на площадке, где сейчас чугунолитейный цех. Для президиума срочно сколотили трибуну, украсили кумачом.

Выступая на собрании, один из летчиков (к сожалению, имя его не сохранилось в памяти) отметил:

— О продукции вашей скажу, товарищи, одно — проверена она на фашистах. И за это горячее вам фронтовое спасибо!

Бурей аплодисментов встретили оружейники эти слова.

Руднев принял из рук Героя бархатное с золотым шитьем знамя и тут же подозвал стоявшего неподалеку одного из старейших рабочих завода — седельного старичка в очках в старинной металлической оправе — Николая Алексеевича Татынского.

— Вы, Николай Алексеевич, — живая история нашего завода, — сказал Руднев. — Вы один из тех, кто свято хранит его традиции. Вам по праву держать это почетное знамя.

И снова заводская площадь загремела аплодисментами.

— Воюйте, сынки, по-русски, крепко бейте врага, — бережно прижимая к груди знамя, сказал, обращаясь к летчикам, Та-

тынский, — а мы вот все, — он обвел рукой всю площадь, — без оружия вас не оставим. Это обещаем вам твердо, по-рабочему. Да и сынам моим, детям и отцам многих наших заводских, кто на фронте, дадим в достатке...

Пятьдесят один год проработал на заводе к тому времени Николай Алексеевич. Здесь трудились его отец и дед, да и сыновья — Николай и Алексей, пока не ушли на фронт. Теперь и внуки пришли на завод. Не мог старый рабочий в такую грозную пору уйти на отдых. И каждый день его можно было увидеть у станков с молодыми.

Кадровые рабочие составляли костяк завода. Рядом со старым слесарем Александром Петровичем Пушкиным работали четыре его сына — Геннадий, Юрий, Олимп и Леонард. 56 лет отдал оружейному делу Александр Александрович Московский, полвека — Владимир Иванович Сундуков, 48 лет — Михаил Васильевич Крапивницын. К ним, старой гвардии, с особым уважением относились руководители завода, советовались с ними, знали их семьи, поддерживали, помогали чем могли.

Но еще больше было на заводе молодежи — по сути дела, совсем еще мальчишек и девчонок. Они особенно нуждались в постоянном внимании и заботе. Вместе с парторгом ЦК ВКП(б) Алексеем Ананьевичем Леоновым и комсоргом ЦК ВЛКСМ Сергеем Левашовым Константин Николаевич Руднев много думал о том, как лучше организовать труд и быт молодых рабочих

в тяжелых условиях военного времени. Они хорошо понимали друг друга — директор, парторг и комсорг, всю войну проработали вместе.

На заводе тогда широко размахнулось соревнование молодежных бригад за право называться фронтовыми (такое звание присваивалось тем коллективам, в которых все рабочие постоянно и значительно перевыполняли сменные задания). Первой на заводе его завоевала бригада Ивана Королевского, потом Льва Чернопятова, Марии Ламсковой, Оксаны Олейниковой, Ивана Аристархова и многие другие. Всего их было 190.

Однажды Руднев пригласил к себе Сергея Левашова. Шел разговор о молодежных делах, о жизни в общежитиях, о работе клуба. И, как бы между прочим, директор сказал, что неплохо было бы попробовать присваивать самым лучшим бригадам имена прославленных героев, завязать с ними переписку...

Вскоре в одном из цехов появилась бригада имени знаменитого снайпера из 25-й Чапаевской дивизии Людмилы Павличенко. Это право завоевали ребята из бригады Льва Чернопятова, которые почти все стали трехсотниками. В письме на завод Людмила Павличенко поблагодарила молодых рабочих за оказанную ей честь и сообщила, что она открыла свой снайперский счет на имя юных медногорских оружейников и что в этом ей помогает снайперская винтовка, сделанная в Медногорске. Радости ребят не было предела.

Как-то Константин Николаевич позвонил комсоргу и спросил:

— Ты читал вчера в «Комсомолке» о Герое Советского Союза Александре Самсонове?

— Читал.

— А знаешь, что у нас на заводе работает его младший брат?

— Не знал, — чистосердечно признался Левашов.

— Надо дальше говорить?

— Не надо. Все понял, Константин Николаевич.

Спустя несколько дней Сергей, встретив в цехе директора, рассказал ему, что Алексей Самсонов вступил в комсомол, а начальник цеха по просьбе комитета доверил ему руководить бригадой, которая стала соревноваться за право носить имя Героя. *Позднее директор удовлетворенно улыбнулся*, увидев на станках таблички с надписью: «Здесь работает фронтовая бригада имени Героя Советского Союза Александра Самсонова». Начальник цеха сказал Рудневу, что в бригаде, не снижая выработки и выполняя задания на 240—250 процентов, нашли возможность высвободить два человека. И кроме того, после работы изготовили 50 молотков для строителей Кисловодска, над восстановлением которого шефствовал Медногорск. А потом пришел день» когда секретарь горкома комсомола Мария Хромова вручила бригаде Алексея Самсонова как одной из лучших в Медногорске памятный вымпел.

Весной 1944 года Руднев на заседании

парткома (он был членом партийного комитета завода, членом горкома и обкома партии) предложил построить своими силами, методом народной стройки, заводской дом отдыха. Идея тогда многим показалась фантастической, но ее поддержали. Работали всем коллективом, особенно старались комсомольцы. И вот в красивом месте за селом Блявтамак, на берегу речки Кураганки, на склоне горы вырос небольшой, всего на 50 мест, дом отдыха. Уже в первый год тут отдохнули почти полторы тысячи человек. Путевки давали всего лишь на неделю, а то и на 3—4 дня, но люди, работавшие по 12 часов, без выходных, уставшие, полуголодные, падавшие от истощения у станков, возвращались оттуда довольными. Кстати, это был один из первых принадлежащих предприятию домов отдыха в области.

В годы войны, когда легкая промышленность, в основном, выпускала продукцию для фронта, Медногорская швейная фабрика тоже работала как оборонное предприятие. Только за один квартал здесь шили 60 тысяч хлопчатобумажных гимнастеров, 45 тысяч шаровар и 40 тысяч пилокоток. Очень трудно стало с одеждой, обувью, головными уборами. Люди обносились так, что многим на улицу было не в чем выйти. На свой страх и риск Руднев подписал приказ о создании на заводе цеха ширпотреба. Заводские снабженцы всякими правдами и неправдами добывали для него сырье. Шили тут телогрейки, брюки, шапки, войлочные бурки, изготавливали валенки. В спис-

ке есть и обувь на деревянной подошве с верхом из брезента, утепленного войлочной прокладкой. Одну такую пару можно увидеть теперь в заводском музее. Так было, и, как говорится, из песни слова не выкинешь.

О тех тяжелейших днях, о самоотверженном труде тульских и медногорских оружейников оренбургский писатель Алексей Горбачев написал книгу: «Все, что имели (Новогорская хроника)». Это своеобразный памятник героям глубокого тыла, ковавшим оружие Победы.

В своих воспоминаниях «Накануне и в дни испытаний», вышедших в 1988 году в издательстве «Политическая литература». В. Н. Новиков, бывший заместитель наркома вооружения СССР (в послевоенные годы — председатель Госплана СССР, заместитель председателя Совета Министров СССР), рассказывает.

«Создание завода на новом месте проходило в исключительно тяжелых условиях. Суровая зима. Недосток рабочих, строительных материалов, автотранспорта и т. д. Пришлось проявлять немалую изобретательность, подчас идти на риск. При строительстве промышленных объектов широко применяли деревянные конструкции и перекрытия вместо бетонных и металлических. Полы выстилали кирпичом на «ребро». Заменяли бетонные фундаменты под стены также каменной кладкой. Подсыпку делали гранулированным шлаком с медно-серного завода. Металлические настилы корпусов утепляли не торфоплитами, как это было положено, а опилками.

На заводе оказалось поначалу всего две автомашины, и те неисправные, а также трактор, переданный медно-серным заводом. Часть автомобилей убыла на фронт, часть находилась еще в пути. Доставка оборудования и других грузов производили в основном вручную, да еще по неблагоустроенным и забитым снегом дорогам. И снаружи и внутри помещений температура одна — 25—30 градусов ниже нуля. Вместо радиаторов, которые тут не предусматривались прежним проектом, протянули в несколько рядов трубы, по которым шел пар от паровозов, переданных тулякам местными железнодорожниками.

Главным в то время было тепло. Первое производственное задание — установить и подключить за ночь в ремонтно-механическом цехе пятьдесят станков — оказалось невыполненным. Остановили только тридцать пять.

Приходим утром в цех:

— В чем дело?

Рабочие отвечают:

— Замерзаем, товарищ Новиков, невозможно ничего делать.

Тепла, действительно, почти нет. Даем команду выжать из двух паровозов все, что можно, но цех в восемнадцать тысяч квадратных метров нагреть этим паром нельзя. Холод грызет кожу и кости. Приходится чаще менять рабочие группы, чтобы ставить станки и подключать их к электросети. Работа идет и днем и ночью. Через две недели начался выпуск первых винтовок.

Общая радость:

— Даем винтовки на новом месте!

Производство винтовок растет, однако, в основном, за счет дневных смен. Когда приходишь в цех утром, «ночники» сидят на теплых трубах — отогреваются. За ночь из-за сильных морозов помещение совсем выстывает. В такой холод отказывают даже станки. Если днем в цехе еще бывает 10—12 градусов тепла, то ночью смазка в станках густеет или совсем замерзает. Рабочие заявляют:

— Товарищи начальники, поверните ручку хотя бы на одном станке.

. Дополнительное тепло необходимо как воздух. Правдами и неправдами достаем еще два паровоза. Это меняет дело. Теперь и по ночам крутятся станки. Выпуск винтовок Токарева нарастает.

Пробыл я в Медногорске около месяца. За это время туляки выпустили на новой базе первые семь тысяч самозарядных винтовок.

И тут звонок из Москвы:

— Товарищ Новиков, оставьте Медногорск на попечение руководства завода, а сами вылетайте в Ижевск — займитесь организацией там производства пулеметов «максим».

Прошел по цехам. Попрощался с рабочими, с кем за это время подружился.

Говорят одно:

— Передайте правительству: вытерпим все — и холод, и голод, и тесноту, все силы отдадим, лишь бы победить.

...Прощай, Медногорск! За малый срок

так много тут пережито! Видел, как самоотверженно работали полуголодные люди в холоде, а жили в тесноте, но не слышал, чтобы кто-то на что-то посетовал. Железные туляки! Вместе с ними встречал известия о продвижении фашистов к Москве, о боях за Тулу. Любое сообщение об этом вызывало обсуждение: ведь каждый что-то оставил в родном городе. У многих там были семьи, не поехавшие в Медногорск. И какой радостью в сердцах отозвалось торжественное заседание в Москве, весть о состоявшемся 7 ноября 1941 года параде войск. Это буквально встряхнуло всех. Помню, шел по цеху, а женщины, плача, сквозь слезы говорили:

— Значит, не боимся фашистов.

Рабочие-мужчины спрашивали:

— Выходит, наши дела под Москвой налаживаются? Побьем гитлеровцев, остановим, победим?

Отвечал:

— А как же, обязательно побьем и победим фашистскую нечисть. Не видать им Москвы.

Настроение у всех приподнятое. В столовой на обеде увидел за соседним столом семидесятипятилетнего дровокола при кухне — очень крепкого старика.

— Я, Владимир Николаевич, — сказал он мне, — с радости уже стаканчик самогону пропустил.

— Ладно, — ответил, — только нас без ужина не оставь.

— Будьте спокойны, не оставлю, фашистов-то бить пора.

Везде чувствовался подъем.

За работой туляков в Медногорске я продолжал следить и дальше. Случалось, приезжал к ним и видел, как коллектив все крепче становится на ноги. С начала 1942 года медногорцы получили твердый план. И он был намного сложнее, чем на старом заводе в Туле. Планом предусматривали выпуск пятидесяти тысяч самозарядных винтовок в месяц. А ведь людей было в Медногорске меньше, и условия на необжитой оренбургской земле другие.

В первую зиму, да и по весне в столовой давали одно блюдо — затируху, или болтушку, как его называли рабочие. Это была заваренная в воде мука. «Трудно? Не то слово. Проще и вернее сказать, голодали мы, — вспоминает жена механика А. И. Подъемщикова. — Весной крапива, дикая морковь, конский щавель как-то пополняли наше меню. И этих даров природы было мало».

Не хватало рабочих рук. На первых порах квалифицированные рабочие участвовали сразу в нескольких операциях, пока подростки из ремесленного училища, а также местные жители и эвакуированные не освоили свои специальности. «Как нас выручали эти 14—15-летние мальчики и девочки в то время! — рассказывал бывший заместитель начальника цеха В. А. Ильин. — Цены им нет. По мужеству и стойкости они приравнялись к оружейникам. Они работали наравне со взрослыми. Если бы не война, разве бы мы позволили им нести такую тяжесть?!»

И других трудностей было немало. Когда построили котельную, электростанцию, насосную, компрессорную, проложили водопровод, смонтировали отопительную систему, возникли иные проблемы, которые требовали решения. Например, термические и кузнечные печи работали в Медногорске на мазуте. В связи с нехваткой этого топлива завод перестал получать его. Надо переходить на твердое топливо. Начальники цехов П. Д. Александров и А. Н. Куликов и начальник энергобюро Н. И. Сорокин со своими коллективами создали и освоили новые печные установки, работавшие на угле.

Однажды на заводе вышли из строя сразу два котла. Слесари во главе с начальником котельной А. Ф. Хрустальевым не покидали котельную несколько дней и ночей до тех пор, пока не пустили котлы. Медногорцы находили выход и когда не хватало угля, электроэнергии, воды, и когда были перебои с металлом и инструментом, и когда, случалось, не приходила продукция с заводов-поставщиков.

«Пожалуй, мы не сумели бы так быстро пустить завод, — вспоминает бывший начальник планово-производственного отдела завода Евгений Иванович Гребенщиков, — если бы не та отеческая помощь, которой окружили нас медногорцы во главе с секретарем горкома партии Петром Ивановичем Балабановым. Не было ни одной просьбы, которую бы они не выполнили. Не было ни одного вопроса, которого они не решили бы положительно».

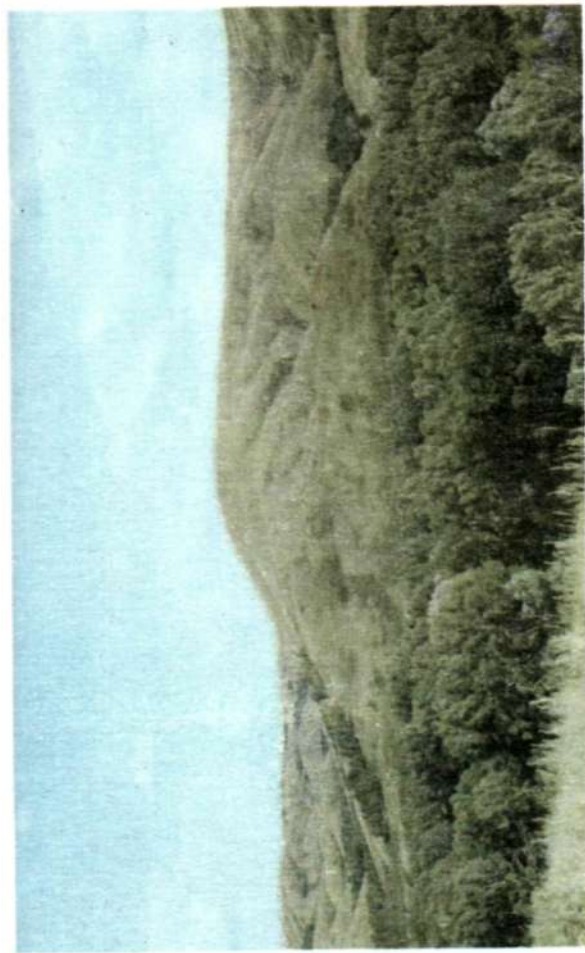
С начала 1943 года завод возглавил Константин Николаевич Руднев, имя которого уже здесь упоминалось. Он был коренным туляком, поэтому и в Медногорске делал все, чтобы не порывались связи рабочих и инженеров с родным городом. Когда в Туле снова заработал завод, многие затосковали по прежнему месту. Ведь там дом, у кого-то семья, да и нужны рабочие руки. И вот как-то в обеденный перерыв все повалили во двор, а не в столовую. «Кругом смех и тут же слезы», — пишет бывший начальник планового отдела С. Н. Потапов. — Во дворе, около цеха П. Б. Пахарькова, красуется настоящая наша зареченская голубятня, и наши зареченские белокрылые голуби делают большие круги в небе. Радости не было конца. А ведь за этими голубями ездил в Тулу специальный человек по заданию Константина Николаевича Руднева».

Маленький эпизод, но в жизни туляков, оторванных от дома, он оставил неизгладимое впечатление. У людей поднялось настроение, а на заводе выросла производительность труда.

Каким-то шестым чувством Руднев узнавал, когда начальники цехов доходили до предела. Тогда он вызывал их к себе, сажал в машину и вез в дом отдыха, где тишина, тепло, чистая постель, белые занавески.

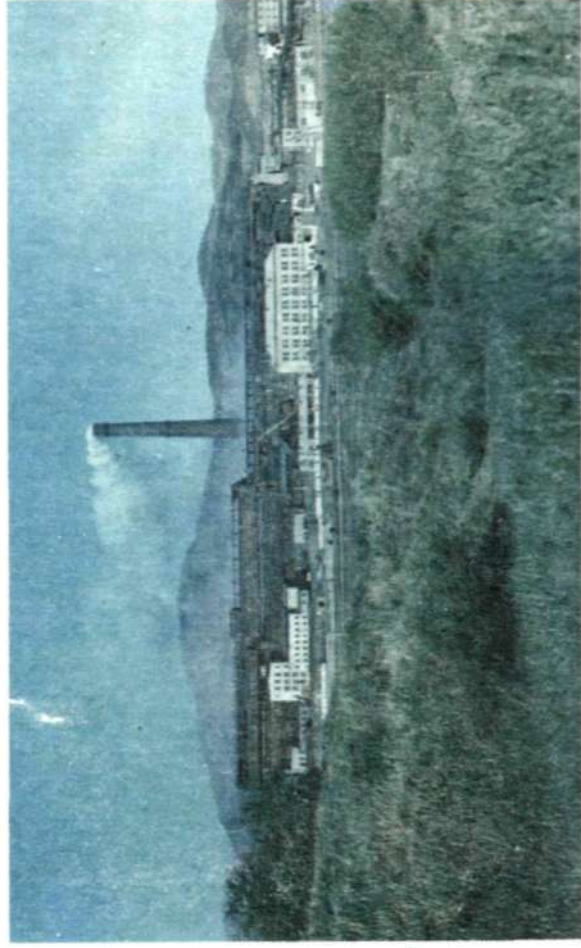
— Переночуем в раю, — вспоминает Н. Д. Беляков, — и заряд на целый месяц!

У разьезда Медный сначала возник, а

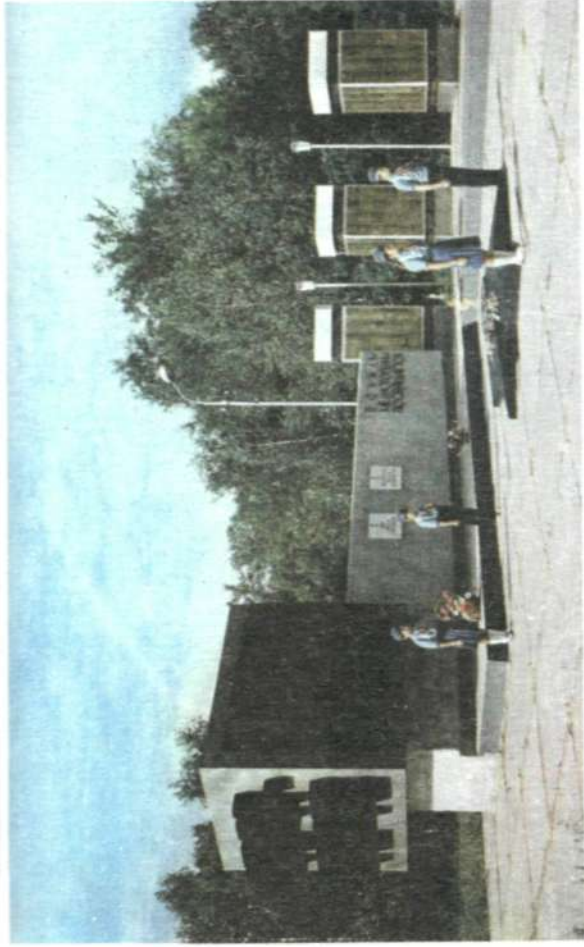
В окрестностях Медногорска. Огроги Южного Урала

Старейшее предприятие города — медно-серный комбинат

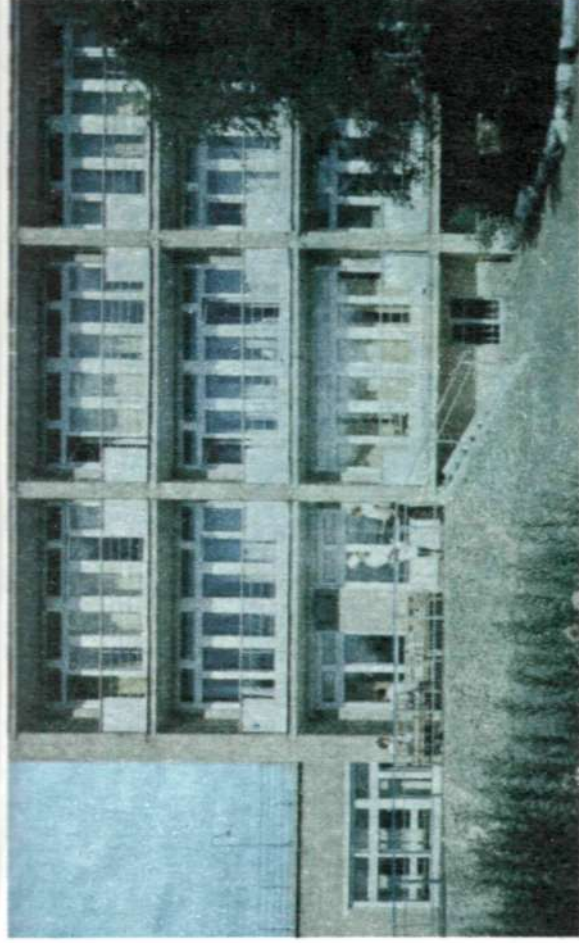
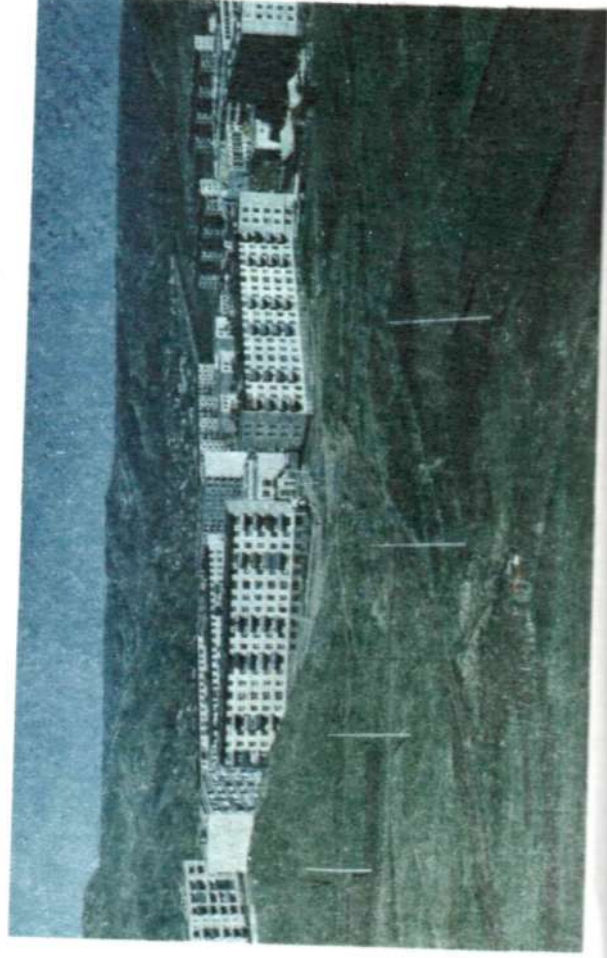
На улице Ленина — одной из самых красивых в городе

Главная улица Медногорска — Советская

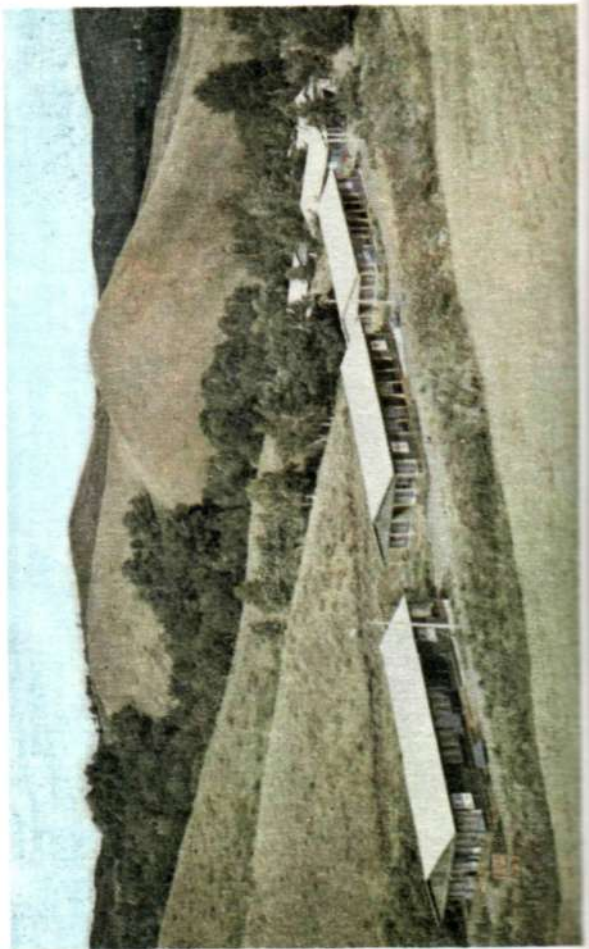
Мемориал «Воинам-медногорцам» открыт в год двадцатилетия Великой Победы

В последние годы в распадке между горами
вырос новый микрорайон — Южный

Санаторий-профилакторий медно-серного комбината

В живописном месте среди невысоких гор
раскинулись корпуса дома отдыха «Кураганка»

затем все больше набирал силу промышленный район с хорошо налаженным хозяйством. Отсюда потоком шло на фронт стрелковое, а потом и авиационное вооружение, сработанное туляками за тысячи километров от родных мест».

В августе 1944 года большая группа работников завода была награждена орденами и медалями. Слесарю Василию Степановичу Кудряшову и директору завода Константину Николаевичу Рудневу вручили высшие государственные награды — ордена Ленина. Это была уже его третья награда. Первую — медаль «За трудовую доблесть» молодой конструктор (его пригласили в ЦКБ, когда он еще только перешел на последний курс Тульского механического института, доучивался заочно) получил еще в 1939 году за работу над новым видом вооружения, вторую — орден Трудового Красного Знамени в 1942 году — здесь, в Медногорске. И вот теперь орден Ленина. Позднее, в 1946 году, в заводском клубе в поселке Никитино ему вручат еще орден Отечественной войны II степени и медали «За оборону Москвы» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

98 рабочих и специалистов получили медали «За оборону Москвы», 12 — «За оборону Сталинграда» и 3824 человека — медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Более ста человек отмечены орденами и медалями «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие».

Герои не умирают

Около девяти тысяч медногорцев сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Многие сотни жителей молодого города воевали в составе 211-й стрелковой дивизии, которая была сформирована в нашей области и прошла с боями от Москвы до Праги. В Медногорске бережно хранят память о земляках, которые прославили свой город героическими подвигами.

...24 марта 1945 года по представлению, подписанному командующим войсками Третьего Белорусского фронта генералом армии И. Д. Черняховским, звания Героя Советского Союза удостоен бывший бурильщик Блявинского рудника, стахановец, награжденный в 1939 году орденом «Знак Почета» Алексей Владимирович Вильдиманов.

Родился Алексей в 1913 году в Новосибирской области. В 1925 году семья переехала в Оренбургскую губернию. Когда началось строительство Блявинского комбината, туда прибыли три брата Вильдимановых — Алексей и два Степана — младший и старший. Алексей и Степан-младший стали бурильщиками, а Степан-старший возглавил участок. 22 февраля 1943 года Алексея проводили на фронт. Он стал артиллеристом.

Летом 1944 года Краснознаменная дивизия, в которой служил Вильдиманов, с ожесточенными боями вышла к границам Восточной Пруссии. В этих яростных сражениях на немецкой земле и отличился командир орудия Алексей Вильдиманов.

7 августа 1944 года в районе Слизновизна, отражая яростные контратаки противника, Вильдиманов огнем своего орудия подбил два танка, отбил три контратаки и уничтожил до пятидесяти гитлеровцев. 16 августа в районе Войтишки противник силой до двух батальонов при поддержке сорока танков перешел в контратаку на боевые позиции 558-го стрелкового полка. Вильдиманов встретил гитлеровцев прицельным огнем и уничтожил бронетранспортер, четыре пулемета, до пятидесяти солдат. После этого 10 танков повернули вправо и стали обходить позиции полка с тыла. Вместе со своим расчетом Вильдиманов перетащил орудие на новую позицию и вновь встретил танки огнем. Из своего орудия он уничтожил три танка, самоходное орудие, рассеял и частично уничтожил до семидесяти солдат противника. Исход боя был решен в нашу пользу, враг отступил.

18 августа на позицию орудия Вильдиманова двинулось до роты пехоты, усиленной танками и самоходками. Подпустив на близкое расстояние головной танк, Вильдиманов поджег его. Затем артиллеристы перенесли огонь по пехоте. Враг нес большие потери. Вильдиманов и все бойцы его расчета были ранены, но продолжали вести огонь по врагу. Оставив на поле боя горящий танк и около двух десятков убитых, фашисты отошли назад.

Так говорилось в наградных документах. 18 апреля 1945 года газета «Известия» в передовой статье рассказала о подвиге Алексея Вильдиманова. «Он сейчас находит-

ся на излечении в госпитале, — писала газета, — и пусть эти наши строки еще раз напомнят ему, что советские люди глубоко чтят своих героев и учатся у них беззаветному служению Родине».

Радостно встретили Героя в Медногорске. Он пользовался глубоким уважением и почетом, избирался депутатом городского Совета. Умер А. В. Вильдиманов в 1960 году в Москве.

...29 июня 1945 года звание Героя Советского Союза было присвоено посмертно артиллеристу Николаю Герасимовичу Ежову. Он родился 4 января 1922 года в Кувандыкском районе. В 1936 году семья приехала на строительство Блявинского комбината. В 1939 году Коля Ежов стал учеником электрика, работал на новостройках Новотроицка и Медногорска на монтаже различного электрооборудования, потом был дежурным электриком на Рамазанской насосной станции медно-серного комбината.

В армию Николая Ежова призвали за неделю до начала Великой Отечественной войны. От Киева через Харьков пришлось пройти по дорогам отступления до Сталинграда. На фронте стал коммунистом. Наступал через Прибалтику до Восточной Пруссии. За ратные подвиги сержант Николай Ежов был награжден орденом Красной Звезды и Славы III степени, двумя медалями «За боевые заслуги».

В конце февраля 1945 года сложилась очень трудная для наших войск обстановка на земле Восточной Пруссии. На своей территории гитлеровцы контратаковали с осо-

бым остервенением. 1 марта несмотря на мокрый снег орудия были раскалены до предела. А фашисты бросали против советских воинов полк за полком. Орудие Николая Ежова вело огонь по вражеским танкам и бронетранспортерам прямой наводкой. Но вот кончились снаряды, артиллеристы взялись за автоматы. Когда подвезли снаряды, Ежов остался у орудия один. Отважный артиллерист сумел поджечь еще два танка и тоже погиб. Герой похоронен в Польской Народной Республике, в селе Бранево Олыштынского воеводства.

...В послевоенные годы несколько лет подсобное хозяйство медно-серного комбината возглавлял Герой Советского Союза Николай Васильевич Бедренко. Он родился в селе Казанка Кувандыкского района в 1923 году. Довоенная биография такая же, как у многих его сверстников, — учеба, работа, призыв в армию.

Осенью 1944 года шли трудные бои в Карпатах. Отделение, которым командовал Бедренко, под ожесточенным огнем переправилось через Тису и захватило плацдарм на западном берегу. Гитлеровцы атаковали непрерывно, пытаясь сбросить десант в бурную горную речку. Но Николай Бедренко и его товарищи удержали плацдарм, куда успел переправиться весь полк. 28 апреля 1945 года Николаю Васильевичу Бедренко было присвоено звание Героя Советского Союза. В составе сводного полка Четвертого Украинского фронта он участвовал в Параде Победы. А потом еще воевал на Дальнем Востоке против империалисти-

ческой Японии. В 1947 году Н. В. Бедренко был избран депутатом Медногорского городского Совета.

...Уроженец Кувандыкского района, младший лейтенант Иван Михайлович Назаров (родился в 1922 году), командовал пулеметным взводом. В жестоком бою на литовской земле пулеметчики Назарова стояли насмерть. Они почти все погибли, но не ушли с рубежа. Оставшиеся в живых товарищи видели, как Иван со связкой гранат поднялся перед фашистским танком. Звание Героя Советского Союза Ивану Михайловичу Назарову было присвоено 24 марта 1945 года посмертно. На памятнике, который установлен около небольшого города Жагаре, была выбита и его фамилия. И вот только спустя семнадцать лет лауреат Ленинской премии Василий Песков написал в «Комсомольской правде», что Назаров жив. Награда нашла Героя.

После войны вернулся Иван Михайлович в родные края, стал работать слесарем в Медногорске, на заводе «Уралэлектромотор». В 1954 году, когда началось освоение целинных земель, коммунист Иван Михайлович Назаров оставил городскую квартиру и переехал в колхоз «Красное знамя» Кувандыкского района, где и трудился до выхода на пенсию.

...Весной 1952 года из Новотроицка приехал в Медногорск и поступил на работу в железнодорожный цех медно-серного комбината уроженец Кировской области старший лейтенант запаса, командир батареи противотанкового артполка Герой Со-

ветского Союза Иван Тимофеевич Устинов. Звание Героя ему было присвоено 24 декабря 1943 года за форсирование Днепра и закрепление на плацдарме на западном берегу реки. Проработал Устинов на комбинате всего двадцать три дня. 18 апреля 1952 года он трагически погиб и похоронен на старом кладбище в Медногорске.

...В Калужской области есть река Угра. Невеликая река — приток Оки, но вошла она в историю. Именно тут в конце 1480 года произошло событие, которое стало известно как «стояние на Угре». Больше месяца стояли на берегах реки русские полки Ивана III и татарского хана Ахмата. Ахмат так и не решился переходить Угру. Это «стояние» положило конец 240-летнему татарскому игу. Жестокие бои шли тут, на берегах Угры спустя почти пять столетий — в 1941 — 1942 годах.

В феврале 1959 года через семнадцать лет в газете «Известия» было опубликовано письмо с берегов Угры, письмо, которое взволновало всю страну.

Жители небольшой деревеньки нашли в старом гнилом пне обильно позеленевшую от давности патронную гильзу. В ней оказалась свернутая жгутиком записка. Не все буквы уцелели, но все же удалось прочитать это письмо из жестокого сорок второго:

«...Вот уже отбили 12 атак. Фашисты так и лезут, хотят сбросить нас в Угру. Связь прервана. Нас было 23 человека, осталось 13. Младший лейтенант Ковалев, кажется, убит. Я контужен. За мой пулемет

лег лейтенант Ежов. Отступить нам некуда. Или удержим плацдарм, или умрем коммунистами. Скажите нашим родным и знакомым, что мы честно сражались и отдали свои жизни за Родину.

Капитан Юрков Иван из Чкалова.
Роща «Сапог».
24 апреля 1942 года. 18-00.»

Чкалов — так назывался в те годы Оренбург. И оказалось, что Иван Федорович Юрков жив, что до войны он работал техническим руководителем автобазы на медно-серном комбинате в Медногорске. А тогда на Угре группа разведчиков захватила плацдарм на западном берегу широко разлившейся реки. Фашисты непрерывно атаковали. В тот тяжелый день десанникам удалось связать три бревна и солдат Мишин сумел переплыть к своим, чтобы просить о помощи. Эсэсовцы из дивизии «Викинг» добились бы, наверное, своей цели, но им помешал сильный ливень. Фашисты прекратили атаки, отложив уничтожение остатков разведгруппы до утра. Но на рассвете на плацдарм пришло подкрепление. Отсюда потом пошли в наступление, погналы «непобедимых викингов» дальше на запад.

Иван Федорович Юрков дошел с боями до Берлина, войну закончил полковником.

...В городском музее, на стенде, посвященном героическим дням Великой Отечественной войны, можно увидеть под стеклом пробитый пулей комсомольский билет № 10423224, выданный Медногорским горкомом ВЛКСМ 26 декабря 1939 года.

Это комсомольский билет заместителя политука Ивана Ильича Бражникова. В ожесточенном бою под Новоградом-Волынским он был ранен в грудь, пуля прошла комсомольский билет.

Бережно хранятся в городском архиве драгоценные документы — воспоминания медногорцев — ветеранов Великой Отечественной войны и многие другие материалы. Среди них список девушек-добровольцев. Их было 153. Против многих фамилий скорбная запись — «убита».

Первыми пришли в горвоенкомат с просьбой отправить в действующую армию выпускницы школы № 1 Зина Мешалкина, Аня Стародубова, Галя Жданова, Зоя Колдышкина, Надя Вражнова, Надя Шевченко. 21 августа 1941 года немногие оставшиеся в городе одноклассники проводили их на фронт. Девушки стали радистками, прошли через всю войну.

А в апреле 1942 года из Медногорска отправился на фронт эшелон, в котором уехали 140 девушек-добровольцев во главе со вторым секретарем городского комитета комсомола Верой Слонь (Бердниковой).

Всего же за годы войны из Медногорска ушли защищать Родину добровольно около тысячи человек. Причем многим из них пришлось находить для этого порой самые невероятные пути. В областном партийном архиве хранится несколько писем, адресованных директором завода К. Н. Рудневым секретарю обкома партии. В каждом письме списки рабочих завода, которые, будучи в областном центре в командировке,

«самовольно ушли в Красную Армию». В январе 1942 года — 15 человек, в феврале — 13, в марте — 22. И в каждом письме настоятельная просьба дать указание военным комиссариатам — не брать в армию рабочих с завода, выполняющего ответственные задания Государственного Комитета Обороны, принять меры по возвращению «самовольщиков» на завод (в самом Медногорске добровольцев с оружейного завода в армию не брали).

О другом отчаянном пути уйти на фронт рассказывает в своих воспоминаниях партторг ЦК ВКП(б) на заводе Алексей Ананьевич Леонов. Однажды обратили внимание на то, что слишком участились случаи мелких краж. На проходной в карманах молодых рабочих обнаруживали то напильник, то молоток, то кронциркуль, то микрометр. По существовавшему в то время законодательству за это наказывали строго, вплоть до лишения свободы. Но в связи с войной не стали приговаривать к заключению, а просто отправляли виновных на фронт. Первый, кого «застукали» вахтеры, — исчез. «Значит, посадили», — решили в цехе. А через два месяца получили от него письмо с обратным адресом: «Полевая почта...» Пишет — наступаем, идем на запад, награжден уже медалью «За отвагу». И раскрыл технологию — как можно попасть на фронт. Пришлось срочно принимать другие меры. Задержали на проходной — отнеси, сынок, инструмент в цех. Мелкие хищения сразу прекратились.

...Много лет прошло после окончания

Великой Отечественной войны. Но и сегодня «не стареют душой ветераны — ветераны второй мировой». В дни всенародных праздников с гордостью проходят в парадном строю поседевшие, постаревшие, но молодые душой люди с орденами и медалями на груди. Многие еще трудятся, ведут большую общественную работу. В городском совете ветеранов войны и труда с удовольствием называют имена тех, кто несмотря на возраст, на недуги остается в боевом строю. Это Герои Социалистического Труда Иван Тихонович Матвиенко и Закей Салаватович Рахмангулов, полный кавалер орденов Славы, бывший артиллерист Иван Гаврилович Мамыкин, бывшие армейские связисты Зинаида Семеновна Мешалкина и Антонина Степановна Косикова, участник Парада Победы Николай Иванович Кукин, ветеран завода «Уралэлектромотор», проработавший тут 55 лет, Александр Иосифович Петрашевский, председатель городского совета ветеранов, бывший артиллерист, кавалер многих боевых наград Петр Андреевич Семенихин, бывший командир роты разведки, кавалер шести боевых орденов Василий Лукьянович Садовенко, бывший сапер Георгий Степанович Помошников, участник войны с Японией Василий Васильевич Матюхин, ветеран войны и труда, начинавший работать на Бляве еще в 1931 году, Михаил Александрович Лылов, участник гражданской войны Федор Филиппович Цыганов и многие другие.

Когда началось освобождение захваченных врагом районов, трудящиеся Медно-

горска помогали восстанавливать разоренные города и села. В октябре 1943 года оренбуржцы отправили эшелон из 42 вагонов с братскими дарами в Ставропольский край, там были и вагоны медногорцев, шефствовавших над возрождением Кисловодска. А в марте 1945 года со станции Медногорск ушли шесть вагонов с оборудованием, строительными материалами, инструментами в Белоруссию, в многострадальную Витебскую область.

Гвардейцы тыла

...В годы войны в дорожной бригаде Григория Ивановича Салтовского не осталось мужчин — одни женщины и подростки. А кроме дорожных работ бригада выполняла особо важные задания. В 1942 году Григория Ивановича (ему тогда исполнилось уже 65 лет) повысили в должности — назначили прорабом дорожного участка. Особенно отличились воспитанники Салтовского и он сам на строительстве эвакуированного в Медногорск оборонного завода.

Надо было срочно уложить цементные полы с бетонной подготовкой в новых цехах. Площадь огромная — почти восемь тысяч квадратных метров. По тогдашним меркам на это надо было потратить чуть ли не месяц. Салтовского пригласил К. Н. Руднев, объяснил ситуацию:

— Сумеете, Григорий Иванович, сделать за две недели? Скажите своим товарищам, что это очень нужно для фронта...

— Понимаю, Константин Николаевич, сделаем все, что в наших силах...

Салтовский разделил бригаду на две группы, организовал непрерывное бетонирование в две смены. Сам двое суток не уходил из корпуса, работал вместе со своими «дорогими девчатами и ребятишками», как он называл помощников. Потом пошел домой в Ракитнику. Поспал несколько часов. И снова на двое суток. И так все десять дней, пока не выполнили задание.

А это строки из газеты «Медногорский рабочий»: «10 января 1942 года бригадир Салтовский за одну ночь в буран устроил на ЦЭС тупик для крана с грейфером. Этим он обеспечил бесперебойную подачу угля и предотвратил остановку электростанции. Ему объявлена благодарность».

В 1942 году Григорий Иванович Салтовский был награжден орденом «Знак Почета», а потом еще медалями «За трудовое отличие» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

В характеристике, подписанной начальником «Ормедьстроя» Кириллом Ивановичем Ежовым, говорилось так: «Несмотря на свой преклонный возраст, тов. Салтовский продолжает быть образцовым мастером социалистического труда, заслуженно пользуется авторитетом и влиянием среди коллектива «Ормедьстроя».

Когда после войны стали возвращаться в Медногорск фронтовики, Салтовский позаботился себе подумать об отдыхе. Ему было уже семьдесят лет, когда в 1947 году, 27 июля, в трудовой книжке появилась та-

кая запись: «Уволен по старости и собственному желанию». Но дома долго не усидел — был еще крепок, и душа требовала настоящего дела. Вернулся на комбинат, где с 1942 года работал электриком его сын, названный в честь деда Иваном, стал мастером пути на шлакоотвале, а потом до января 1956 года был начальником шлакоотвала. Окончательно ушел на пенсию в 79 лет, имея за плечами 65 лет трудового стажа.

Тогда существовало такое понятие — беспартийный большевик. Это о таких тружениках, как Григорий Иванович Салтовский, и многих других беспартийных первостроителях города.

...Осенью 1941 года в Медногорске, как и в других городах и селах области, начался сбор средств в фонд строительства танковой колонны имени Чкалова. 30 октября прошел массовый воскресник. Заработанные средства — 100 тысяч рублей и, кроме того, 31 тысяча от горняков Блявинского рудника были перечислены на танки «Металлург», «Химик», «Горняк». А всего медногорцы внесли в Фонд обороны огромную сумму — почти семь миллионов! Да еще облигаций государственных займов на 4 миллиона 122 тысячи рублей. 200 тысяч рублей для строительства танков и эскадрильи самолетов «Медногорский комсомолец» собрали учащиеся, мастера, воспитатели ремесленного училища № 7.

Как отмечалось в докладе обкома партии ЦК ВКП(б) от 9 марта 1942 года, «трудящиеся города Медногорска отгрузили

в действующую Красную Армию вагон подарков — колбасу, свиное сало, сдобные сухари, конфеты, теплые вещи».

В 1942 году в области развернулось соревнование пяти городов — Чкалова, Орска, Медногорска, Бузулука и Бугуруслана. Переходящее Красное знамя обкома ВКП(б) и облисполкома было присуждено по итогам работы в июне Медногорску.

Медно-серный завод завоевал второе место во Всесоюзном соревновании металлургов. «Ваша борьба за медь, — говорилось в телеграмме обкома партии, — прямая помощь доблестной Красной Армии в скорейшем разгроме немецких оккупантов».

26 марта 1943 года трудящиеся Чкалова и Медногорска написали письмо партизанам Белоруссии. В нем говорилось: «Направляем родным товарищам — партизанам Белоруссии наш скромный трудовой подарок: звено самолетов, автомашины, 450 винтовок, 3 передвижных механических мастерских, продуктовые посылки, аптечки, белье, обмундирование».

Уполномоченный Госплана по области сообщал в сентябре 1943 года в Москву, что «промышленность города Медногорска, составляющая около 20 процентов от всей промышленности области и представляющая производство меди и серы, увеличилась в 8 раз».

В тяжелых условиях военного времени по-геройски трудились металлурги, химики, горняки медно-серного комбината. Многократно завоевывала первые места в соревновании бригада ватержетной печи,

где работали стахановцы — горновой Александр Семенович Рыбаков, загрузчик Фрол Андреевич Астафьев. В полтора раза перекрывали они нормы при высоких качественных показателях.

Старший мастер конверторного передела Евлампий Петрович Васильев в своем письме в редакцию областной газеты сообщал о том, как работали металлурги весной 1944 года: «Мы соревнуемся со сменой мастера Артема Арсентьевича Власова, перенимаем опыт друг от друга. Это помогает нам преодолевать трудности и выполнять свои обязательства перед наступающей Красной Армией. Верим, что наша медь поможет добить врага. Мы озабочены одним — дать фронту больше качественного металла при максимальной экономии материалов и денежных средств.

Срок службы футеровки конверторов — 50—60 плавов. Наши металлурги сумели продлить этот срок вдвое — до 90—120. Рядом с опытными мастерами успешно работает молодежь. Совсем недавно пришли к нам в цех выпускники ремесленного училища Егор Богданов и Алексей Коньков. Старательные ребята уже работают самостоятельно фурмовщиками».

В те очень трудные дни продолжалось соревнование металлургов медно-серного и Южно-Уральского никелевого комбинатов. И настало время, когда соревнование металлургических коллективов переросло в настоящее боевое содружество. На комбинате «Южуралникель» давно были перекрыты проектные мощности, а оборонная промыш-

ленность и, прежде всего, танковая, требовала все больше и больше никеля. На помощь орским никельщикам пришли металлурги медно-серного комбината. Они освоили плавку никелевой руды и медно-никелевых материалов. В Медногорск поступали составы с Мончегорской рудой, а также с полуфабрикатами.

В 1942 году в Медногорске ударными военными темпами — работа шла круглосуточно — была построена установка по переработке привозной медно-никелевой руды и других материалов. Технология их переработки была освоена под руководством инженера Николая Вениаминовича Шипулина. Одновременно с выпуском меди и серы в Медногорске стали готовить полуфабрикат для Орского комбината, который доводил его до чистого никеля.

В то суровое время городская газета под рубрикой «Герои трудового фронта» рассказывала о подвигах гвардейцев тыла. Фамилия, имя, отчество и несколько строк о самоотверженных делах человека. Но за этими скупыми строками вставал коллективный подвиг тыла, ковавшего оружие для фронта. Кто же они, эти герои?

Бурильщики Георгий Артемьевич Смирнов, Иван Федорович Родин, Кирилл Филиппович Тараненко, Георгий Петрович Пугачев, горновые медно-серного завода Александр Семенович Рыбаков, Гавриил Федорович Карагодин, Александр Васильевич Акатьев, загрузчик Фрол Андреевич Астафьев, мастер смены МСЗ Евлампий Петрович Васильев, фрезеровщик оружей-

ного завода Александр Васильевич Сазонов, токарь МСЗ Анна Васильевна Лосева, выгрузчик кирпичного завода Филипп Устинович Чичельницкий, штукатур Аксинья Степановна Старостина, крепильщик Иван Федорович Калмыков, мотористка швейной фабрики Афанасия Семеновна Черных, участок прораба Дмитрия Осиповича Матлахова, мастерица артели «Швейник» Зоя Германовна Быстрова и многие, многие другие.

Бригада футеровщиков Коновалова решила не выходить из цеха, пока не закончит футеровку печи. Они отдыхали короткие часы по очереди тут же, у печи, и снова лезли внутрь агрегата. Вместо плановых семи суток огнеупорщики сдали печь на сушку к концу четвертых.

В начале 1941 года бурильщик Георгий Артемьевич Смирнов перенес тяжелую операцию, врачи запретили ему работать в шахте. Но он не мог быть в стороне от большого дела и в марте 1942 года вернулся в забой. Начинал потихоньку, но скоро стал выполнять нормы на 250—300 процентов. А 1 мая против его фамилии на доске показателей появилась цифра — 965 процентов. Он дал руды в два раза больше, чем производил за смену весь участок.

«Юного горнового Закея Рахмангулова хорошо знают металлурги нашего завода, — писал старший горновой Иван Тихонович Матвиенко 9 мая 1942 года, — он еще учится в четвертом ремесленном училище, но уже прочно завоевал авторитет передового стахановца. Он дал наименьший про-

цент содержания меди в шлаках, заняв, таким образом, первое место среди горновых по заводу. Во время сильных буранов, когда начались перебои с поступлением руды и это грозило остановкой печей, Рахмангулов умело поддерживал свою печь, не давая ей остыть».

Пройдут годы, и наставник Иван Тихонович Матвиенко и его ученик Закей Салаватович Рахмангулов станут Героями Социалистического Труда.

На оружейном заводе не хватало станочников. По примеру Марии Ламсковой началось движение за перевыполнение бригадных заданий меньшим составом. Заточницы Ламсковой впятером перевыполняли нормы за восьмерых. Так же стали работать бригады Льва Чернопятова, Алексея Самсонова, Александры Клевак, Алексея Щербакова, Николая Климова и многие другие.

Можно, не боясь преувеличения, сказать, что тогда передовая линия обороны нашей Родины проходила и через цеха медногорских заводов. Они давали металл Победы, они ковали оружие Победы.

Весной 1944 года в Медногорске стали создавать полумиллионный фонд помощи семьям военнослужащих и их детям. Всего за несколько дней горожане внесли в этот фонд более четырехсот тысяч рублей. Конечно, лишних денег тогда ни у кого не было — делились последним, отрывая у себя, у своих детей.

Коллектив оружейного завода решил отчислить в фонд помощи свой однодневный заработок. На медно-серном заводе ра-

бочие и служащие в течение всего марта ежедневно работали по два часа сверх смены в счет полумиллионного фонда. На Блявинском руднике собрали 30 тысяч рублей. В стройконторе провели платный концерт художественной самодеятельности, организовали лотерею. Весь сбор — 30 тысяч рублей — перечислили в счет фонда.

Медногорцы не остановились на этом и в конце августа 1944 года обратились ко всем трудящимся области с призывом окружить заботой и вниманием семьи фронтовиков. Они взяли на себя дополнительные обязанности по ремонту квартир, в которых жили семьи воинов, по уборке овощей и картофеля, заготовке топлива, по обеспечению детей фронтовиков одеждой и обувью. Их благородный пример поддержала вся область.

У оружейного завода был подшефный детский дом в селе, в пятидесяти километрах от Медногорска. Там жили дети, родители которых погибли в пламени войны. Питание у них, конечно, было скудное. И вот шефы стали искать выход из создавшегося положения. На выделенной заводом лошади комсомольцы ездили в села, читали лекции, давали концерты. А потом просили помочь детдомовцам питанием — дать картофеля, кто сколько может. Люди приносили — кто с килограмм, кто несколько картофеля, а кто и целое ведро.

«В одном селе, — пишет в своих воспоминаниях Алексей Ананьевич Леонов, — пожилая колхозница спросила нашего юного лектора:

— Сынок, а сам-то ты ел? А отец, мать есть у тебя?

— Отец на фронте... Мать погибла в Туле при бомбежке... Если сказать честно, то картошечки в мундире поел бы с удовольствием...

Женщина заплакала. Она тут же поставила в печь полный чугунок картошки, накормила наших ребят. И еще насыпала полведра клубней для детдома...»

Собранный картофель отвезли в детдом. Как были рады этому подарку ребятишки. И на еду немного попало, а главное — на посадку хватило. Осенью детдомовцы собрали хороший урожай.

Город работал по тяжелому режиму военного времени. После двенадцатичасового рабочего дня (с часовым перерывом) люди буквально валились с ног. А рано утром гулкие гудки медно-серного и оружейного заводов звали к новому рабочему дню.

Было очень трудно в ту пору. Городская газета тогда систематически публиковала такие советы: «Как построить саманный дом», «Как топить печи домбаровским углем» (помню, как трудно было его разжечь!), «Как заготавливать верхушки картофеля», «Как сажать картофель глазками», «Как из семян вырастить лук-репку», «Как уберечься от сыпного тифа», «...от септической ангины», «...от гриппа» и тому подобное.

Но несмотря на трудности и сложности город жил, не забывая и о культуре. Медногорцам повезло в том, что сюда был эвакуирован из украинского города Сумы

театр имени Щепкина. Артисты познакомили медногорцев с классическими произведениями украинской драматургии: «Назар Стодоля», «Запорожец за Дунаем», «Маруся Богуславка», «Мартын Боруля». Здесь» на Южном Урале, театр подготовил и показал спектакли по пьесам советских драматургов «Русские люди», «Петр Крымов», «Мой друг полковник», оперетту «Свадьба в Малиновке». Артисты выступали в госпиталях — в школе № 1 и клубе горняков, вместе с медногорцами участвовали в субботниках, сдавали деньги на строительство танков.

Активно работали и самодеятельные коллективы. Еще в 1937 году драмкружок медно-серного завода поставил на сцене клуба имени Никитина свой первый спектакль по пьесе Фридриха Шиллера «Коварство и любовь». Потом на афишах появились новые названия: «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Любовь Яровая» К. Тренева, «Проделки Скапена» Мольера, «Каменный цветок» П. Бажова. И в годы войны музы не молчали. Драмкружок ставил патриотические спектакли, выступал в госпиталях. Позднее, в 1949 году, когда понадобились средства для создания музея медно-серного комбината, поставили платный спектакль «Глубокие корни». Весь сбор пошел на оформление музейных экспонатов. (Кстати, на первых порах музей создавался в школе № 1, и самое энергичное участие в его организации вместе с А. М. Мозгуновым принимал директор школы П. П. Дурманов.)

Плодотворно работал драмколлектив и на оружейном заводе. Первым спектаклем были пушкинские «Цыганы», потом поставили «Русские люди» по пьесе К. Симонова, «Юность отцов» Б. Горбатова.

В военном 1944 году в Медногорске была открыта детская музыкальная школа. В клубах (ни одного специального кинотеатра еще не было) шли фильмы «Человек с ружьем», «Мы из Кронштадта», «Секретарь райкома», «Большая жизнь», «Аринка», «Светлый путь» и многие другие.

В газете «Медногорский рабочий» не часто, но все же появлялись литературные страницы, публиковались рассказы, стихи местных авторов.

Еще в довоенные годы в Ракитянке был смонтирован радиоузел. В квартирах горняков установили 700 радиоточек. В годы войны к ним добавились еще 800. Ввели в строй еще два радиоузла — в Никитино и в главном жилом массиве.

Свой дом отдыха за селом Рамазаново, на склонах гор, круто спадающих к реке, построили металлурги и химики. Назвали его «Сакмара». В Чураево, недалеко от Сакмары, открыли пионерский лагерь Блявинского рудника, в Рысаево — на берегу Кураганки — медно-серного завода.

Еще шла война. Но уже забрезжил рассвет выстраданной советским народом Победы. И теперь наступало время всерьез, по-настоящему подумать о жизни в новом мирном времени, о будущем городов и сел. По настоятельной просьбе Медногорского горкома партии первый секретарь обкома

ВКП(б) Г. А. Денисов обращается с письмом к секретарю Центрального Комитета партии Г. М. Маленкову, в котором рассказывается о тяжелом положении молодого города:

«За время Отечественной войны значительно изменился город Медногорск, увеличилось в нем количество предприятий союзно-республиканской и местной промышленности. Валовая продукция ее достигла 228,2 миллиона рублей — в 10,7 раза больше, по сравнению с 1941 годом.

Население города составляет сейчас 53 700 человек, в том числе свыше 12 тысяч работают в промышленности и железнодорожном транспорте.

В 3,4 раза за это время выросла сеть первичных партийных организаций, количество коммунистов с 483 человек увеличилось до 1800 человек. В комсомольской организации на 1 января 1945 года насчитывается 5063 комсомольца...»

А дальше в честном, откровенном письме речь шла о трудностях, о проблемах Медногорска, о том, что ему очень нужна помощь. И помощь эта требуется неотложно.

«Начатое в 1940 году капитальное строительство соцгорода, в 1941 году с началом войны было приостановлено. Медногорск остался в таком виде, в каком он был в период строительства Блявинского комбината — перенаселенным, неблагоустроенным, в значительной части застроенным бараками и землянками, с культурно-бытовыми предприятиями, размещенными в непри-

способленных зданиях временного типа.

...В настоящее время в Медногорске нет театра, кино, нет ни одной благоустроенной больницы, столовой, нет ни одного квадратного метра тротуаров и мощеных улиц. Норма жилой площади на 1 человека всего лишь 2,7 квадратных метра.

В связи с ростом промышленности, питающая город электростанция медно-серного завода перегружена, не обеспечивает полностью нужды промышленности и почти прекратила подачу электроэнергии на бытовые нужды города.

Снабжение населения и промышленности водой производится через одну нитку промышленного водовода. Вторая нитка из-за отсутствия труб не строится. Население и работа промышленности, в том числе заводов №314, медно-серного, Блявинского рудника, находится под постоянной угрозой остановки из-за самой незначительной аварии.

Неоднократные попытки руководителей заводов решить вопросы строительства, жилья, культурно-бытовых предприятий, электроснабжения, водоснабжения и благоустройства города через наркоматы вооружения и цветной металлургии положительного результата не дали.

Учитывая неблагоприятно сложившиеся жилищные и культурно-бытовые условия в городе и особое положение Медногорска, как нового молодого центра развивающейся промышленности на юге Урала, обком ВКП(б) считает необходимым после предварительного изучения вопроса специали-

тами на месте рассмотреть и принять по строительству и благоустройству Медногорска специальное решение».

Вот такое тревожное письмо было направлено в Центральный Комитет партии в январе 1945 года. К великому сожалению, тогда у страны просто не было возможности принимать специальное решение по Медногорску. Были разорены тысячи заводов, фабрик, шахт, колхозов и совхозов. Сотни городов лежали в горах развалин, сожжены тысячи деревень. Надо было восстанавливать мосты и дороги, разминировать поля.

Но уже в первые послевоенные пятилетки было обращено внимание и на трудное положение Медногорска, хоть и не в такой степени, как хотелось бы. Началось прерванное войной строительство капитальных, предусмотренных генеральным планом, зданий, стали приобретать законченный вид кварталы и улицы. Было выделено 700 тонн стальных труб для новой нитки водовода.

Радостное для медногорцев событие совпало с великим праздником советского народа — Днем Победы. В этот весенний день в городе открылся Дом пионеров с библиотекой и читальным залом. 12 комнат отвели для самых различных кружков. На первом этаже разместилась детская техническая станция. Тут были установлены настоящие «взрослые» станки — токарные, сверлильные, фрезерные, слесарные верстаки, приготовлены инструменты и материалы.

Мирное время — мирные заботы

Еще шла война, а на оружейном заводе начали выпускать мирную продукцию. По просьбе областного комитета партии тут освоили производство запасных частей для сельского хозяйства. Рядом с винтовками и авиационными пушками делали шестерни, пальцы поршня, сегменты и вкладыши к лобогрейкам и сенокосилкам, другие изделия — всего пятнадцать видов запчастей. Только за военные годы их изготовили на 700 с лишним тысяч рублей. Еще больше стали давать продукции для села, когда пришла долгожданная Победа. Руководители завода заблаговременно разработали программу перехода на мирные рельсы. Намечалось выпускать в год 100—150 тысяч охотничьих ружей, запчасти к сельскохозяйственным машинам на сумму до 1 миллиона рублей в год, освоить производство станочного оборудования и товаров народного потребления (мебель, скобяные изделия) на сумму соответственно до 3 и 2,5 миллиона рублей в год.

Но 22 октября 1945 года по постановлению Совета Народных Комиссаров Медногорский завод передали Наркомату электротехнической промышленности с коренной перестройкой профиля производства. Перед коллективом предприятия была поставлена ответственная задача: освоить выпуск и затем снабжать страну асинхронными электродвигателями впервые разработанной единой всесоюзной серии мощностью от 3,5 до 10 киловатт, магнитными пускателями,

кнопочными постами управления на довольно солидную сумму — до 200 миллионов рублей в год,

На заводе начали перестраиваться на выпуск новой продукции. Неожиданно возникло очень сложное препятствие: Наркомат цветной металлургии потребовал немедленно возвратить медно-серному комбинату здание брикетной фабрики.

Руднев тут же отправляется в обком партии, доказывает, что, во-первых, возвращение основного здания приведет к ликвидации крупного машиностроительного завода, во-вторых, изготовление на одной площадке электромашин и аппаратуры совершенно несовместимо с переработкой руды и известняка из-за выделения большого количества пыли и, в-третьих, для того и другого наркомата будет гораздо экономичнее построить новую брикетную фабрику.

Первый секретарь обкома партии Г. А. Денисов поддержал электромашинистов и обратился с обоснованными письмами в Центральный Комитет ВКЛ(б), наркоматы цветной металлургии и электропромышленности. Проблема была оперативно решена.

С очень многими трудностями столкнулись в те дни на заводе. Среди оружейников не было специалистов по выпуску электроаппаратуры, не доставало специального оборудования, технологической документации, материалов. Практически электротехническое производство создавалось с азов. Трудности усугублялись тем, что многие рабочие возвращались

в Тулу, возник острый дефицит кадров.

Тяжело работалось в те дни руководству предприятия, специалистам, рабочим. Выпуск военной продукции был полностью прекращен, а новую не успели освоить. На заводе изготавливали только небольшое количество охотничьих ружей да запчасти для сельхозмашин. Сроки выпуска электрооборудования пришлось отодвинуть. Банк то и дело прекращал финансирование. Бюро обкома партии объявило К. Н. Рудневу выговор, строго предупредило А. А. Леонова.

И все же электромашинисты сумели преодолеть отставание. Наиболее компетентными при освоении выпуска новой продукции были работники электроцеха и отдела главного энергетика, который возглавлял инженер Михаил Петрович Булат. Эти службы прежде всего занялись разработкой проектов и схем реконструкции цехов и отделов завода. В результате этой работы одни цеха упразднили, другие объединили, а третьи создали заново. С помощью родственных предприятий провели переквалификацию рабочих, мастеров, начальников цехов и участков.

В 1946 году завод приступил к серийному выпуску кнопок управления, потом начал изготавливать магнитные пускатели разных модификаций и, наконец, электродвигатели. В первый год выпустили 2322 электромотора. И на их фирменных табличках значился мало еще кому известный город Медногорск. Тогда же, еще в конце 1946 года, началась подготовка к выпуску

одного из первых отечественных пылесосов.

В те дни с Константином Николаевичем Рудневым не раз встречался старейшин ответственный работник плановых органов области, участник подготовки всех пятилетних планов Оренбуржья, человек, прекрасно знающий и любящий наш край и к тому же обладающий незаурядной памятью, Вячеслав Петрович Крючков. Когда я попросил его рассказать о Рудневе, он отозвался о нем как о настоящем инженере, талантливом организаторе производства.

— Это был очень спокойный, рассудительный, уверенный в себе человек... Роста выше среднего, чуть удлинённый овал лица, темные внимательные глаза, гладко зачесанные назад волосы... В сорок шестом ему было всего лишь тридцать пять лет, а виски уже были седыми... — вспоминает Вячеслав Петрович. — Он старался не повышать голос, не позволяя себе кричать на подчиненных. Распоряжения Константин Николаевич отдавал ровным, спокойным тоном, но так обоснованно, что они не встречали возражений, воспринимались как приказ, который, как известно, обжалованию не подлежит. Рабочие уважали своего директора. В трудное военное время, в пору жестких норм карточной системы, он всячески старался улучшить жизнь людей, хотя при довольно скромных, даже, пожалуй, точнее будет сказать, мизерных возможностях тех лет это было непросто. Для коллектива завода строилось жилье (за военные годы сдали 30 тысяч квадратных метров), был свой клуб, неплохим под-

спорьем для заводской столовой стало собственное хозяйство в селе Краснощеково.

В январе 1947 года по решению Центрального Комитета партии Константин Николаевич Руднев был отозван из Медногорска. Он возглавил крупный научно-исследовательский институт. На «Урал-электромотор» пришел новый директор — Анатолий Николаевич Штырин. Он приехал в Медногорск на десять дней из наркомата в командировку, а остался тут на десять лет до перевода на работу в Оренбургский совнархоз.

Когда Руднев прощался с заводом, с людьми, с которыми пройдены тяжелые годы, старые рабочие-оружейники сделали для него удивительной красоты охотничье ружье с художественной гравировкой, с насечкой. Константин Николаевич был очень рад подарку, полюбовался им, повосхищался и... передал в музей.

— Пусть знают люди, какие прекрасные есть у нас мастера — потомки тульского Левши, знают, что не оскудела творческая жилка у наших оружейников...

Потом десять лет — с 1948 по 1958 год — Константин Николаевич был на руководящей работе в оборонной промышленности, в 1958—1961 годах возглавлял Государственный Комитет Совета Министров СССР по оборонной технике, много сделал по созданию стратегических баллистических ракет, освоению космической программы, имел прямое отношение к полету первого космонавта планеты.

Тот лучезарный весенний день у многих

современников останется в памяти навсегда. И хоть очень немногие были рано утром 12 апреля 1961 года на затерянном в степи, дотоле безвестном Байконуре, о том расвете, о том дне, сразу ставшем звездной вехой в истории человечества, об улыбочивом русском парне, первым из земных людей преодолевшем барьеры земного притяжения, мы знаем очень много по экстренным выпускам телевидения и радио, по взволнованным, на одном дыхании написанным репортажам, по книгам и кинофильмам: вначале документальным, а потом — и художественным.

...Последнее, очень короткое заседание Государственной комиссии. Технический руководитель полета — главный конструктор докладывает о том, что подготовка полностью завершена, ракетная система, все службы космодрома и космонавт готовы к полету. Председатель Государственной комиссии первым ставит свою подпись под полетным заданием космонавту Юрию Алексеевичу Гагарину. За ним расписывается главный конструктор и командир отряда космонавтов, Герой Советского Союза Николай Петрович Каманин, пожалуй, единственный тут человек, чье имя не было засекречено.

Стартовая площадка. Автобус привез сюда Юрия Гагарина и его дублера Германа Титова. Они оба в одинаковых оранжевых скафандрах вышли из автобуса. Гагарин один ушел вперед, к стоящим небольшой группой членам Государственной комиссии. Чуть впереди стоял высокий ху-

дошавый человек, как потом напишет в своей книге Юрий Гагарин: «один из хорошо известных в стране руководителей промышленности».

— Товарищ председатель Государственной комиссии, — четко начал рапорт первый космонавт. — Летчик старший лейтенант Гагарин к полету на космическом корабле «Восток» готов!

— Счастливого пути! Желаем успеха! — ответил председатель и крепко пожал Гагарину руку.

Позднее Гагарин вспомнит: «Голос у него был не сильный, но веселый и теплый, похожий на голос моего отца».

А потом в 9 часов 7 минут словно страшной силы гром прогрохотал над приаральской степью. Это разом включились двигатели, можно сказать, фантастической для того времени мощности. Столбы пламени с огромной силой ударили в бетонную яму стартовой площадки, как бы отталкивая от нее ракету. Из клубов огня и дыма вырвалась гигантская стальная стрела и, все убыстряя ход, стала уходить в бездонную синеву неба.

Невероятное напряжение охватило в эти секунды членов Государственной комиссии — если космонавт вдавливалась в кресло сила огромных перегрузок, то здесь, в подземном бункере, людей, замерших у перископов, словно прижимала к земле величайшая ответственность, свалившаяся на их плечи.

Прошло всего 108 вроде бы коротких, но таких томительных минут. И вот сообще-

ние из Саратова: в 10 часов 55 минут Гагарин приземлился недалеко от деревни Смеловка, в нескольких километрах от реки Волги.

Скоро в эфире зазвучали заставляющие замереть сердце позывные Москвы, взволнованный голос Левитана:

— Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза!

Вспоминаю, какое всеобщее волнение и ликование охватило в те часы советских людей. Всюду, в том числе и у нас, в Оренбуржье, возникали стихийные митинги и демонстрации. Мы — журналисты — первым делом кинулись в Оренбургское военно-авиационное училище, к тем, кто помнил курсанта Гагарина, кто поднимал его на крыло. Потом начались журналистские «набеги» на семью Горячевых — расспрашивали о Вале и ее муже, чье имя сразу стало известно всему миру.

На другой день в Куйбышеве, куда прилетели члены Государственной комиссии, ученые, будущие космонавты, отдохнувший после полета майор Гагарин докладывал о первом рывке в глубины Вселенной. Три часа продолжалось это послеполетное заседание. Вопросов было множество — Гагарин первым проник в неведомый мир, первым увидел со стороны из бескрайних глубин космоса нашу голубую планету.

Когда официальное заседание закончилось, Гагарина окружили плотным кольцом.

— Помните, Чкалов мечтал облететь без посадки вокруг «шарика». Вам первому

удалось претворить в жизнь чкаловскую мечту, — сказал главный конструктор. — Вы ведь с Чкаловым из одного училища поднимались в небо...

По-отечески обнимает сияющего Гагарина председатель Государственной комиссии.

— А мы с вами, Юрий Алексеевич, можно сказать, земляки. Вы учились в Оренбурге, я работал на заводе в Медногорске.

Время сняло запреты с имен тех, кто стоял у истоков советской космонавтики. Теперь мы знаем, что Главным конструктором ракетных и космических систем был академик Сергей Павлович Королев, а председателем Государственной комиссии — бывший директор Медногорского завода «Уралэлектромотор», председатель Государственного Комитета Совета Министров СССР по оборонной технике Константин Николаевич Руднев.

...После успешного полета Юрия Гагарина К. Н. Рудневу было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Тогда же, в 1961 году, он был избран членом Центрального Комитета партии. Был заместителем Председателя Совета Министров СССР, министром приборостроения, средств автоматизации и систем управления. Четыре созыва подряд избирался депутатом Верховного Совета СССР.

Родина щедро отметила его большую производственную и государственную деятельность, заслуги в создании оборонной техники. Константин Николаевич Руднев был награжден шестью орденами Ленина,

орденом Октябрьской Революции, Отечественной войны II степени, двумя орденами Трудового Красного Знамени, многими медалями.

Много лет прошло, многое изменилось и на заводе «Уралэлектромотор», и в Медногорске, но и поныне ветераны благодарно вспоминают Константина Николаевича Руднева, работавшего здесь директором в военные и первые не менее трудные послевоенные годы.

...В 1945 году Медногорский медно-серный комбинат отгружал серу в сотни адресов: в Москву, Иркутск, Ставрополь, Челябинск, Архангельск, Соликамск, Новороссийск, Ереван, Ташкент, Горький, Херсон и многие другие. Потребность в сере возрастала с каждым годом. 13 августа 1945 года Государственный Комитет Обороны принял постановление «Об увеличении производства элементарной серы». Наркоматам цветной металлургии, строительства и электростанций поручалось полностью закончить строительство завода (на две секции), расширить электростанцию, ввести в эксплуатацию 3 тысячи квадратных метров жилплощади. В 1945—1946 годах предстояло освоить 34,7 миллиона рублей. Довести добычу руды до 600 тысяч тонн и годовое производство серы до 200 тысяч тонн.

Строителям Ормедьстроя пришлось поднатужиться. Они возводили цех дробления флюсов, склады, расширяли здание электростанции, где предстояло смонтировать котел и турбогенератор, прокладывали

трассу второго Сакмарского водовода, поднимали главный корпус второй секции завода. Тогда же развернулось строительство новых жилых домов.

В тяжелые военные годы оборудование работало с самой полной нагрузкой и изрядно изнашивалось. Полноценных материалов для ремонта не было. В технологическом процессе пришлось широко применять разного рода заменители, отходы. Это привело не только к износу агрегатов, но и к резкому ухудшению технико-экономических показателей. Так, например, в 1946 году, по сравнению с тем же периодом 1941-го, производство меди сократилось до 65 процентов.

Поэтому руководители предприятия обратились в Министерство цветной металлургии с предложением параллельно со строительством второй секции провести капитальный ремонт оборудования. Просьбу поддержал областной комитет партии. Министр П. Ф. Ломако подписал приказ об остановке медно-серного завода на капитальный ремонт в третьем квартале 1946 года.

К 1950 году намечалось закончить строительство предприятия. Оно должно иметь законченный технологический цикл производства. Здесь предполагалось полностью освоить впервые примененный в Советском Союзе процесс брикетирования сульфидной мелочи и в результате совершенствования технологического процесса на 18—19 процентов увеличить извлечение серы.

К 1950 году намечалось построить в го-

роде 60 тысяч квадратных метров жилья, завершить, в основном, выполнение генерального плана развития Медногорска.

В 1947 году началась скоростная проходка штрека. От шахты № 2 предстояло пройти около 200 метров до руды и 400 метров по руде. Эта ответственная работа была поручена скоростной горнопроходческой бригаде Дениса Ивановича Татаренко, которая по итогам 1946 года получила вторую Всесоюзную премию ВЦСПС и Минцветмета. Сам Татаренко, его товарищи — бурильщики Барабашев, Силкин, Обухов, скреперисты Агупов, Ирназаров и другие члены бригады выполняли ежедневно по две с половиной-три нормы. Штрек был проложен раньше, чем намечалось.

А на промышленных объектах уложиться в установленные сроки строителям не удалось. Только в 1950 году вступила в строй брикетная фабрика № 1. А в следующем году введена в эксплуатацию вторая секция металлургического и химического цехов.

С ростом производства в Медногорске все острее ощущалась потребность в специальном учебном заведении, которое готовило бы техникумов для главных местных предприятий. С 1946 года при заводе «Урал-электромотор» действовал филиал Свердловского электромеханического техникума. В 1951 году был открыт учебно-консультационный пункт заочного отделения Свердловского горно-металлургического техникума имени И. Ползунова. Через год он был преобразован в филиал Орского индустри-

ального техникума. Но и это было половинчатое решение, оно не могло решить проблему подготовки кадров. Директор медносерного комбината Константин Иванович Ушаков неоднократно обращался в Министерство цветной металлургии с настоятельной просьбой решить эту проблему. И вот 1 декабря 1959 года оба филиала были объединены в Медногорский индустриальный техникум. Долгие годы учебное заведение испытывало огромные трудности — не было своего помещения, слабо развивалась учебно-материальная база. Только спустя десять лет в самом центре города, на площади Ленина, построили четырехэтажное здание.

Забегая вперед, отмечу, что за тридцать лет работы в техникуме подготовили более четырех тысяч специалистов со средним техническим образованием. Здесь учатся будущие металлурги, механики, технологи, химики-технологи, электрики, а также бухгалтеры по учету в торговле.

В 1949 году молодой город отмечал свой первый юбилей — десятилетие со дня основания. Как отмечалось в те дни, выпуск продукции за эти годы увеличился в четырнадцать раз, построено 55 тысяч квадратных метров жилья.

На торжественном заседании, посвященном юбилею, с воспоминаниями выступили начальник брикетной фабрики Федор Емельянович Якубович, старший мастер вагетракетного передела Федор Родионович Чекопасов, прораб монтажно-ремонтного цеха Николай Иванович Лапушкин. И тогда

впервые прозвучали стихи оренбургского поэта Петра Строкова. Вот несколько строк из них:

Город меди! Как нам не гордиться
Юностью и доблестью твоей!
Весь твой путь — чудесная страница
В летописи Родины моей.

Вырос медно-серный. В Ракитянке
Выдается на-гора руда,
На глухом когда-то полустанке
С грузами грохочут поезда.

Второе дыхание

В послевоенные годы, когда на нескольких горизонтах рудное тело прошли вдоль и поперек, когда стало ясно, что добыча начинает падать и скоро не может обеспечивать потребности комбината, было принято решение начать открытую разработку Блявинского месторождения.

В начале 1951 года мощный взрыв потряс окрестности. Как только осела земля и ветер развеял пыль, на штурм пошли экскаваторы и самосвалы. На первых порах на вскрышных работах действовали всего лишь два однокубовых экскаватора Воронежского завода и около десятка семитонных ярославских самосвалов. Потом тут появились трехкубовые экскаваторы с Уралмаша. Позднее руднику были выделены мощные 10- и 25-тонные дизельные самосвалы. С приходом новой карьерной техники вскрышные работы, а затем и добычу руды стали вести интенсивнее.

За площадкой карьера поднимались могучие рукотворные горы отвалов. Здесь, в Медногорске, впервые в системе цветной металлургии Советского Союза в 1955 году началась регулярная добыча руды открытым способом.

Полтора десятилетия карьер бесперебойно давал сырье для ватержетных печей. Перевод рудника с подземной на открытую добычу дал огромный экономический эффект. Производительность труда выросла в три раза, себестоимость одной тонны руды снизилась вдвое. Годовая экономия составила два с половиной миллиона рублей.

На месте возвышенного плато Куян образовался гигантский котлован. Когда с верхней точки смотришь на его изрезанные серпантином дорог крутые берега, на мерцающее на двухсотдвадцатиметровой глубине сине-зеленое купоросное озеро, дух захватывает от фантастичности картины. Кажется, что это лунный кратер.

Знойным июльским днем открытый рудник закончил свою большую трудовую биографию. В памяти людской остался этот момент навсегда. Знатный горняк, кавалер ордена Ленина Владимир Максимович Сотов на предельной глубине 220 метров зачерпнул и высыпал в кузов самосвала последний ковш. И с этого времени на медно-серный пошла руда Гая и других месторождений.

Но и на этом Блява не закончила свою работу. Начался третий этап освоения месторождения. В его недрах осталось еще

немало меди. И как только в Медногорске узнали, что в Свердловской области, на Дегтярском руднике, с помощью ученых успешно применили гидрометаллургию, туда направилась группа инженеров из Медногорска. И вот спустя год после прекращения добычи руды в карьере заработала опытно-промышленная установка по выщелачиванию законтурных руд.

Еще двести с лишним лет назад великий русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов обосновал возможность применения гидрометаллургии для извлечения металлов из руд. Но в практику горного дела гидрометаллургия пришла лишь в начале XX века. Помог случай. Когда шахты, в которых добывали медь в американском штате Юта, выработались полностью, владельцы затопили их водой. Прошли годы. Случайно обнаружили, что вода в шахтах превратилась в раствор, насыщенный медью. Воду откачали, и из нее добыли еще немало тысяч тонн меди. Потом такие неожиданности повторились на медных рудниках в Чили, Мексике и других странах.

Как установили ученые, добывать медь помогли бактерии, которым полюбили медные руды из-за того, что в них есть сера. Окисляя сульфиды меди, эти микроскопические существа превращают их в растворимые соединения, извлечь медь из которых сравнительно несложно. Процесс, получивший название бактериального выщелачивания, стал применяться все шире для получения меди из остатков руды, добыча которой стала нерентабельной, или вообще

невозможной, а также из бедных руд и даже из отвалов.

Первыми в нашей стране процесс биометаллургии освоили в Дегтярске. Потом этот самый дешевый способ получения металла стали применять в Медногорске.

Здесь, на Блявинском руднике, пробурили более пятидесяти скважин в пласты, содержащие остатки медных руд. В них закачивается насыщенная микроорганизмами вода. Потом по лоткам старой штольни она стекает на станцию цементации. Тут в обогащенный медью раствор добавляют железные отходы. В результате химической реакции медь выпадает в осадок. Дальше из раствора извлекается железо. После осветления вода снова готова к употреблению.

Осадок больше чем наполовину состоит из меди — это отличное сырье для металлургов. Причем на Блявинском руднике каждый литр «рассола» приносил из недр в полтора раза больше меди, чем намечалось. Поэтому свою проектную мощность установка перекрыла уже в первый месяц. Работу опытно-промышленной установки возглавил инженер Евгений Александрович Дикалов. Старый рудник стал обретать уже третью молодость.

В послевоенные годы, в ходе капитального ремонта на медно-серном комбинате в широких масштабах проводились механизация и автоматизация трудоемких процессов, улучшались условия труда металлургов и химиков. Больших трудовых затрат требовала загрузка шихты в ватержетные печи. В дни реконструкции ее полностью

механизировали. В химическом цехе холодильники перевели на автоматическое централизованное питание, внедрили систему пневмотранспорта горячей пыли, содержащей серу.

Самоотверженный труд металлургов, химиков, горняков был оценен по достоинству. В 1947—1955 годах 347 рабочих и специалистов награждены орденами и медалями СССР. Высшие награды Родины — ордена Ленина — вручены старшему мастеру металлургического цеха Федору Родионову Чекопасову, мастеру металлургического цеха Артему Арсентьевичу Власову, начальнику смены Блявинского рудника Дорофею Григорьевичу Мантуле, бурильщикам Михаилу Васильевичу Ралдугину и Ивану Федоровичу Родину, забойщику Игнату Федоровичу Марухненко, крепильщику Ивану Ивановичу Кузьмину.

Медно-серный комбинат был единственным предприятием с такой технологией в стране. Многие тут использовались впервые. И во многом тогда выручала творческая мысль рационализаторов, смело решавших сложные проблемы.

Когда вышел из строя второй холодильник, который был сильно запылен, закупорен серой, и его пришлось остановить, аппаратчик Василий Иванович Шуваев предложил сделать боковой люк. Это был выход из трудного положения, позволивший улучшить эксплуатацию агрегата.

Инженер Всеволод Александрович Бурцев разработал проект ремонта газохода без остановки производства. Это дало более

60 тысяч рублей экономии.

От рядового печника до мастера футеровочных работ высокого класса прошел путь М. Милешин. Шахты печей прогорали уже через пять-шесть месяцев работы, улетучивался серный газ, резко увеличивалась загазованность. На ремонт уходило два-три месяца. Милешин предложил установить в шахтах печей броневые плиты — по бокам над каждым колоколом. Новатора горячо поддержал технолог металлургического цеха Николай Вениаминович Шипулин. После введения предложенного новшества для ремонта печи стало хватать всего лишь 8—10 дней.

Под руководством и при личном участии инженера Александра Адольфовича Бурбы, который прошел путь от рядового специалиста до директора комбината, разработанная технология и построен цех переработки металлургической пыли с целью извлечения редких металлов. Этот сравнительно небольшой цех стал давать ежегодно более миллиона рублей прибыли.

С каждым годом набирал силу завод электротехнического оборудования. Буквально с первых партий продукция с нового Медногорского завода стала завоевывать все большую популярность. И от месяца к месяцу тут наращивались мощности, увеличивался выпуск высококачественного оборудования и аппаратуры.

6 февраля 1947 года успешно прошла первая плавка в новом литейном цехе, который был построен своими силами. Цех начал массовый выпуск чугунного литья,

необходимого для изготовления электромоторов.

Тогда же, в 1947 году, освоили выпуск тепловых реле для защиты двигателей от перегрузок. Первые сотни этих аппаратов отправили на комбинат «Запорожсталь».

В музее, созданном энтузиастами во главе с работником бюро технической информации завода, страстным краеведом Михаилом Максимовичем Ильиным, хранится любопытный экспонат — номер газеты «Московский большевик» на Метрострое» от 4 мая 1949 года. Над заголовком напечатано: «Специальный выпуск для Медногорского электроаппаратного завода». В письме, опубликованном на первой странице, метростроевцы просили изготовить в срок 254 магнитных пускателя с нагревательными элементами и кнопками управления для установки в электроустройствах на готовящейся к сдаче линии Московского метро от Курского вокзала до Крымской площади. Это была нелегкая просьба, и предстояло поднатужиться, чтобы выполнить ее.

Письмо обсуждалось во всех цехах, но выход нашли. Медногорцы не подвели — отправили пускатели для важнейшей стройки досрочно.

Оборудование с Медногорского завода «Уралэлектромотор» надежно работает на буровых станках в шахтах, на трелевочных тракторах, железнодорожных рефрижераторах, судах морского и речного флота, на тысячах предприятий и строек во всех концах Советского Союза и во многих

зарубежных государствах — продукция УЭМ идет в 38 стран. Освоен ее выпуск с учетом специфических условий — в сельскохозяйственном, морском, тропическом исполнении.

Надежным, можно сказать, заводским подразделением стало созданное еще в военные годы ремесленное училище № 7, преобразованное потом в среднее профессионально-техническое училище № 6. Начинало оно свою жизнь в бараках, а теперь для него выстроен целый городок — комплекс типовых зданий между поселками Никитине и Ракитянка. Здесь отличная материальная база, в том числе прекрасный оборудованный класс информатики и вычислительной техники, хорошо оснащенные мастерские. Училище уже подготовило более 11 тысяч рабочих высокой квалификации самых нужных заводу профессий. Среди его выпускников депутаты Верховного Совета РСФСР шлифовщица Зинаида Федоровна Щур и штамповщица Вера Васильевна Ильясова, Герой Социалистического Труда электрообмотчица Мария Алексеевна Бокастова, доцент Орского филиала Всесоюзного заочного политехнического института Генрих Петрович Пеннер, нынешний директор завода Абдульбар Абзалович Туальбаев и многие другие, известные не только в городе люди.

Сотни работников завода награждены орденами и медалями СССР. Среди тех, кто удостоен высшей награды Родины — ордена Ленина — формовщик Газизьян Салихьянович Бабамухаметов, слесарь-

сборщик Константин Иванович Бодянский, старший мастер Александр Николаевич Болдырев, штамповщица Минзифа Фаттаховна Ильясова, мастер инструментального цеха Григорий Степанович Корсунов, директор завода Самуил Лазаревич Склиар, электрообмотчица Мария Дмитриевна Шилова. За разработку и внедрение в производство единой серии асинхронных двигателей Государственная премия СССР присуждена Владимиру Ивановичу Туркину.

Когда весной 1954 года в области, особенно в ее восточной, зауральной части, озвернулось освоение целинных земель, трудовые коллективы Медногорска взяли шефство над новым совхозом «Таналыкский». Здесь, на берегу степной реки Таналык, медногорцы построили столовую, пекарню, контору совхоза, жилые дома. Сюда по комсомольским путевкам уехали многие молодые рабочие медно-серного комбината и завода «Уралэлектромотор».

Медногорцы активно включились в движение за коммунистический труд. Первым в городе коллективом коммунистического труда стала молодежная бригада Василия Ивановича Дули. Это звание ей присвоено в январе 1959 года. В бригаде было пять молодых рабочих: сам бригадир — ученик известного мастера Ивана Тихоновича Матвиенко — горновой Василий Дуля, Василий Воронков, Николай Корольков, Владимир Михайлов и Михаил Першин, все выпускники ремесленного училища. Дуля к этому времени уже десять лет стоял у горна, его товарищи — немногим меньше. Эти мастера своего дела владели смежны-

ми профессиями слесаря и электросварщика и учились в школе рабочей молодежи.

Вслед за коллективом Василия Дули (позднее он будет награжден орденом Ленина) звание коммунистической завоевала бригада укладчиков во главе с прессовщиком, коммунистом Владимиром Сидоровым. В нее входили комсомолки Нина Калиникова, Ирма Кислухина, Мария Севастьянова, Мавия Кужахметова.

Потом ряды коммунистических бригад стали пополняться.

Когда надо было послать советских металлургов на помощь плавильщикам народного предприятия имени Эрнста Тельмана из ГДР, выбор пал на бригаду Дули. В немецкой газете за 7 ноября 1959 года первая полоса открывалась шапкой: «Друзья из Советского Союза делятся опытом». Тут же портреты парней из Медногорска, с медно-серного комбината. Как отмечали немецкие металлурги, бригада с честью справилась с поручением.

Тогда же специалисты медно-серного комбината по просьбе польских металлургов отправились на новый медеплавильный завод в город Легница. Полгода работали плечом к плечу с польскими товарищами технолог металлургического цеха Павел Иванович Бельченко, технолог брикетной фабрики № 1 Семен Михайлович Маруня, старший механик брикетной фабрики № 1 Сергей Иванович Веневцев, электрик химического цеха Михаил Павлович Самойлов и старший механик металлургического цеха Алексей Андреевич Куличкин. Они помогли металлургам братской страны в

наладке оборудования и пуске завода и уехали домой, в Медногорск, лишь тогда, когда убедились, что их польские коллеги овладели процессом плавки меди. «Братская помощь друзьям» — так называлась большая статья в газете «Легницкие ведомости».

Писать об этом сегодня особенно приятно, потому что летом 1987 года Оренбургская область и Легницкое воеводство подписали договор о содружестве, стали побратимами.

Помогали медногорцы создавать новое производство и в Монгольской Народной Республике. Вместе с другими рабочими и специалистами из нашей страны участвовали в освоении медно-молибденового горно-обогатительного комбината в городе Эрдэнэтэ мастер участка «Уралцветметмонтаж» Валерий Павлович Славный и его жена — лаборант центральной лаборатории медно-серного комбината Людмила Ивановна.

Летом 1959 года в металлургическом цехе строители и монтажники завершили сооружение участков сократительной плавки и конвертирования. Это был новый крупный шаг в развитии комбината. В печах сократительной плавки бедные медью штейны переплавляются в богатые. А затем уже из обогащенного штейна в конверторах варят черновую медь. В канун 42-й годовщины Великого Октября — 5 ноября 1959 года — выдал черновую медь мощный сократонный конвертор. С этого времени комбинат прекратил отгрузку в Карабаш малоценной продукции — штейна. Спустя

два года была введена в строй первая очередь цеха серной кислоты, а в 1962 году — вторая. На выработку новой продукции — серной кислоты трех сортов — пошел газ, полученный при сократительной плавке и конвертировании.

Если в первые годы комбинат выпускал только один вид готовой продукции — серу, то со временем ассортимент расширился все больше и больше. Кроме серы стали отгружать потребителям черновую медь с золотом и серебром, серную кислоту, черновой свинец, редкие металлы, всего восемь видов продукции.

Мгновения роста

Годы послевоенных пятилеток стали временем технического перевооружения промышленности, внедрения в производство новейших достижений науки и техники, передовых технологий.

На заводе «Уралэлектромотор» начали осваивать новые образцы продукции. Здесь значительно уменьшили вес и габариты двигателей и пускателей, улучшили их эксплуатационные качества. Рабочие и специалисты перешли с использования дорогостоящих материалов на более дешевые. Они первыми в стране заменили в электромоторах медную обмотку на алюминиевую. Все это дало возможность сбересть многие тысячи тонн конструкционной и электротехнической стали, медного проката, обмоточной меди, тысячи килограммов чистого серебра.

Медногорцы освоили выпуск новых серий двигателей и аппаратуры, обладающих особыми свойствами. Они способны работать в знойных тропиках, в студеных местах Арктики и Антарктики и в районах с повышенной сейсмичностью.

В заводском музее можно увидеть дипломы международных выставок, которыми отмечена продукция медногорских электромашиностроителей «за высокий научно-технический уровень».

С ростом производства узким местом на заводе «Уралэлектромотор» стало изготовление станин для двигателей. Их производство велось старым способом, и темпы сильно отставали от требований технологического процесса. В результате сдерживалась сборка двигателей.

Поэтому было принято решение автоматизировать изготовление станин. Автоматические линии такого типа изготавливали в Венгерской Народной Республике, на знаменитом Чепельском станкостроительном заводе. И вот через внешнеторговые организации такая линия была заказана, и коллеги из братской страны не заставили себя долго ждать. В Медногорск прибыл комплект оборудования из восемнадцати соединенных в одну линию станков. А вслед за ними сюда приехали инженеры и наладчики. Вместе с заводскими специалистами они приступили к работе. Несколько недель в цехе звучала венгерская речь. Монтаж вели под руководством инженера-конструктора Чепельского станкостроительного завода Якоба Миклоша и бригадира

механомонтажников Дюлы Феледьхаза. Эта бригада работала настолько четко и слаженно, что дело двигалось буквально у всех на глазах.

И вот автоматическая линия по обработке станин — первая в Советском Союзе — отлажена, готова к работе. Шеф-монтажник нажал кнопку. Заработали агрегаты. Через 41 секунду первая станина была готова. Контролеры дали ей высокую оценку — никакой дополнительной обработки не требуется. Станина полностью готова к использованию для сборки электромотора.

В смену линию обслуживали всего три человека — оператор, механик и электрик. Автоматическая линия помогла решить сложную проблему и заметно повысила производительность труда. Со временем мощность автоматических линий возросла до выпуска трех тысяч станин в смену.

Как рассказывал ветеран завода Владимир Ильич Мосин, проработавший семь лет главным инженером и девять лет директором «Уралэлектромотора», после первой автоматической линии на предприятии стали шире внедрять средства механизации и автоматизации производственных процессов. Были смонтированы венгерские вакуум-пропиточные установки. Позднее здесь стали использовать современное высокопроизводительное оборудование из Германской Демократической Республики, Польской Народной Республики и других стран, первоклассные отечественные агрегаты. Так, были смонтированы и успешно работали агрегатные станки-автоматы и автомати-

ческие линии по обработке чугунных и алюминиевых корпусов двигателей из ГДР, многооперационные прессы из Польши. Немало оборудования изготовили своими силами.

Обновление шло широким фронтом. Вступил в строй цех литья под давлением. Была проведена большая работа по замене металлических деталей пластмассовыми. Заводские конструкторы спроектировали конвейерные линии для сборочных участков. Они были смонтированы и внедрены в производство. Ввели в строй пропиточно-сушильные и автоматические линии по обработке валов для электродвигателей. Так завод словно рождался заново. Особенно это стало заметно, когда ввели в строй современные аппаратный и инженерный корпуса.

Реконструкция позволила заметно увеличить выпуск продукции. Если в 1956 году на заводе изготовили 278 тысяч двигателей и около 13 тысяч пылесосов, то спустя двадцать лет — уже 600 и 160 соответственно.

3 сентября 1976 года заводская многотиражная газета «Ударник» вышла под шапкой «Есть 10-миллионный!» Еще в начале года по предложению токаря электромоторного цеха А. Суровцева развернулось соревнование за право выпустить электромотор с номером 10 миллионов. Газета подробно рассказывала о ходе соревнования. И вот пришел этот осенний день, когда начал свой путь по конвейеру электродвигатель-десятимиллионник.

Теперь общий счет изготовленных на

заводе электромоторов достиг 17 миллионов единиц. Нетрудно подсчитать: если средняя мощность двигателя три с половиной киловатта, то, значит, общая суммарная мощность выпущенных в Медногорске электромашин составляет 61 миллион киловатт. Представим, что все они должны заработать одновременно. Для того, чтобы привести их в движение, понадобилось бы 15 таких крупных гидроэлектростанций, как Братская.

С 1953 года, когда на заводе был выпущен один из первых отечественных пылесосов, вот уже 35 лет «Уралэлектромотор» выпускает удобные и надежные в работе бытовые приборы. Теперь каждые сутки завод дает более 700 пылесосов. А к концу двенадцатой пятилетки электромашиностроители рассчитывают выпустить четырехмиллионный пылесос.

Заметного роста производства добились и работники медно-серного комбината. Но трудностей они испытали немало. В годы, которые принято называть застойными, стала ухудшаться сырьевая база и сократился выход серы. Руду пришлось возить с Гайского, Учалинского (оно в Башкирии) и других месторождений, порой за тысячи километров. Перевозка подорожала. Возросла себестоимость серы, она стала убыточной. Уникальный химический процесс ее производства, который продолжался почти полвека, был в 1986 году прекращен. Свою роль сыграли в этом и проблемы, связанные с охраной природы. Ведь за долгие годы эксплуатации оборудование изнаси-

лось, устарели многие процессы. Ремонтные работы проводились в спешке, нередко без остановки оборудования и зачастую не улучшали, а ухудшали его. Заметно ухудшились условия труда, возросли загазованность и пылевывнос, которые стали отрицательно сказываться на экологической обстановке в городе и его окрестностях.

О том, какая ведется борьба за чистоту атмосферы, рассказывает директор комбината Михаил Ефимович Хилько:

— Сделано уже немало. Полностью прекращено производство серы. Осваивается процесс автогенной шахтной плавки. Построен довольно мощный цех технологического кислорода. В воздухе 21 процент кислорода, мы даем 26—27. Этого достаточно, чтобы процесс плавки шел нормально. На применении дутья, обогащенного кислородом, основана новая технология переработки сырья. Это дало возможность повысить производительность труда, заметно расширить круг перерабатываемого сырья, улучшить качество черновой меди, изменить к лучшему состояние воздушного бассейна в Медногорске и соседних районах.

К этому можно добавить, что на предприятии ведется работа по перепрофилированию технологического процесса на переработку медных концентратов в печах сократительной плавки, осуществляется реконструкция брикетной фабрики, где осваивается выпуск окатышей из концентратов с последующим упрочнением их в автоклавах.

Интенсивно реализуется довольно об-

ширная программа социальных и экологических мероприятий. Вместо устаревших фильтров будут смонтированы современные, строится установка очистки хвостовых газов серно-кислотного цеха.

Но все это только начало большой реконструкции всего хозяйства комбината, рассчитанной до 2000 года. Дальнейшее развитие получают работы по подземному выщелачиванию руд на Блявинском руднике. Тут пробивается новый шахтный ствол.

Инженеры комбината, можно сказать, с первых лет его существования в тесном содружестве с учеными внедряют в производство новые технологии. Особенно энергично используются достижения научно-технического прогресса в последние десятилетия. Интересные разработки, дающие огромный экономический эффект, вошли в металлургическую практику с помощью специалистов института «Гинцветмет», который возглавляет лауреат Государственной премии СССР, доктор технических наук профессор Константин Иванович Ушаков. Не понаслышке знает он о сложной судьбе Медногорского комбината. В трудную пору — с 1947 по 1954 год — он был директором медно-серного, хорошо представляет себе особенности работы предприятия.

По способу, разработанному научно-исследовательским институтом «Гинцветмет», в годы одиннадцатой пятилетки на комбинате внедрили в производство переработку отвальных клинкеров — спекшейся массы, полученной при переработке цинковых руд на заводах Алмадыка, Челябин-

ска, Орджоникидзе. Своими силами создали участок по обжигу и брикетированию этой массы. Теперь ее перерабатывают три печи. В итоге за пять лет комбинат получил более десяти миллионов рублей прибыли.

Реконструкция предприятия идет параллельно с социальным развитием города. Сюда входит строительство жилья, спортивного комплекса, плавательного бассейна и других объектов, очень нужных коллективу.

Строители и горняки первыми в Медногорске отметили полувековой юбилей. Ведь Блявинский рудник начал действовать в 1934 году. И в память об этом неподалеку от портала действующей и поныне штольни на постаменте установлена глыба руды. К ней прикреплена памятная доска из нержавеющей стали с надписью: «Блявинскому руднику — 50 лет. 1984».

Богатые в геологическом отношении окрестности Медногорска еще не сказали последнего слова. 21 апреля 1981 года «Правда» опубликовала статью ученых Государственного центра «Природа» В. Архипова и В. Стрельцова «В объективах — планета» Речь в ней шла о том, как космические исследования на «Салюте-6» (в которых участвовал и наш земляк летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза Юрий Викторович Романенко) помогают решать сложные земные проблемы. И вот что, в частности, там говорилось:

«Со станции «Салют-6» собран обшир-

ный материал и о так называемых кольцевых структурах. С ними часто связаны месторождения полезных ископаемых, поэтому выявление и последующее изучение кольцевых структур представляет значительный практический интерес. Так на космических снимках очень рельефно выступает одна из таких структур в районе г. Медногорска (Южный Урал). Здесь находится крупное месторождение меди. Поблизости видны подобные, хотя и менее четко выраженные кольцевые структуры. Это необходимо учитывать при планировании поисковых работ с целью обнаружения глубинных рудных тел».

В тот день в киосках «Союзпечати» свежий номер «Правды» раскупили мгновенно.

— Наша руда из космоса видна! — гордились медногорцы.

О залежах руды было известно и до космических исследований. Еще до Великой Отечественной войны на геологические карты занесли месторождение Яман-Касы, потом Разумовское. Тогда, практически в самой Херсонке, буквально «под ногами у геологов» нащупали еще одно месторождение. Его детально обследовали в послевоенную пору и назвали Комсомольским. Доразведка этого месторождения, подтвержденного космонавтами, производится и поныне. Видимо, есть еще и не открытые богатства в здешних местах.

Разработка сравнительно небольшого месторождения Яман-Касы уже началась. На очереди Комсомольское. Но тут дело

обстоит сложнее. На языке горняков его называют «слепым». Руда залегает здесь на большой глубине, то есть возможен только подземный способ добычи. Есть и еще одно обстоятельство, усложняющее освоение этих месторождений, — высокое содержание цинка. Поэтому руда будет отправляться на Гайский горно-обоганительный комбинат. Там из нее получают цинковый и медный концентраты, и последний потом пойдет в печи медно-серного комбината.

Но это в будущем. А сейчас земные богатства окрестностей молодого города служат и развитию геологической науки. Весной 1985 года исполком Оренбургского областного Совета народных депутатов принял решение отвести в Кувандыкском районе, в окрестностях Медногорска, довольно обширную территорию для базы практических занятий старейшего в стране, основанного еще в 1773 году, Ленинградского горного института имени Плеханова. И основания для этого есть немалые. Не часто найдешь такое сочетание природных факторов. В округе самые разнообразные горные породы, гигантские карьеры Блявы и Гая, позволяющие увидеть землю «в разрезе» до глубины чуть ли не в четверть километра, штольня, шахты, установка выщелачивания руд, неподалеку разработки железных руд в Новокиевке, самые разнообразные месторождения полезных ископаемых на сравнительно небольшой территории от Медногорска до Орска, в том числе знаменитое, известное всему миру месторождение пестроцветной яшмы на

горе Полковник. В районе Херсонки была основана база геологов, открывших Блявинское и другие месторождения, где и сегодня продолжается разведка. И к тому же тут очень живописные места.

Сюда приезжают теперь на летнюю практику студенты горного института. Живут они в знаменитой, к сожалению, малочисленной теперь Херсонке, ходят путями первооткрывателей, собирают коллекции минералов, учатся работать в полевых условиях, знакомятся с практикой ведения горных работ. Не в учебном кабинете, а в деле познают тонкости геофизических исследований, осваивают оборудование и аппаратуру, ведут всю необходимую документацию, готовят подробные отчеты по геологической практике.

В институте рядом с советскими студентами учатся юноши и девушки из многих социалистических и развивающихся стран. И теперь на медногорских улицах можно встретить молодых людей из Никарагуа и Кубы, из Уганды и Мадагаскара, из других государств, с разных концов света. Они быстро находят общий язык с медногорцами, вместе отдыхают, встречаются с молодежью, с ребятами из пионерских лагерей.

В городском музее есть уголок, в котором экспонируются разные океанские диковины: кораллы, морская звезда, раковины жемчужницы, китовый ус, зуб кашалота, крабы и другие экзотические для отдаленного от морей города вещи. Это подарок моряков теплохода «Медногорск».

Тезка у города появился 30 января

1962 года. В этот день состав Черноморского морского пароходства пополнил приписанный к Одессе теплоход, которому дали имя южно-уральского города. Тогда же на «Медногорске» был поднят государственный флаг СССР. Знаменательно, что свой первый рейс теплоход совершил к берегам героической Кубы. А потом куда только не доносил корабль имя Медногорска — в порты Франции и Индии, Вьетнама и Бирмы, Польши и Кувейта, Австралии и Японии, десятков других стран. В один из рейсов в Индию команда «Медногорска» доставила для Бхилайского завода оборудование, изготовленное Орским Южурал-машем.

В первом письме в Медногорск капитан дальнего плавания Валентин Дмитриевич Ободовский рассказал о команде, о корабле.

С тех пор между моряками и медногорцами завязалась крепкая дружба. Они переписываются, сообщают друг другу о трудовых успехах. Когда теплоход был награжден орденом Трудового Красного Знамени, одна из первых поздравительных телеграмм пришла из Медногорска — от горкома КПСС и горисполкома.

Позднее появились еще два корабля с именем «Медногорск» — рыболовный траулер, ведущий промысел в Баренцевом море, и речной грузовой теплоход, плавающий по Волге.

Весной 1979 года Медногорск отмечал свое сорокалетие. К этому времени кроме основных предприятий — промышленных великанов — медно-серного комбината и за-

вода «Уралэлектромотор» вступили в строй завод железобетонных изделий, карьероуправление, молочный завод, хлебозавод, пассажирское и грузовое автопредприятия. Промышленность города выпускала тогда продукцию на сумму почти 130 миллионов рублей в год.

Богат был новостройками 1973 год. На заводе «Уралэлектромотор» вступил в строй аппаратный корпус. В живописном месте, неподалеку от больничного городка возвели четырехэтажное здание санатория-профилактория медно-серного комбината. Построена полуторакилометровая асфальтированная дорога на магистраль Оренбург — Орск. Газифицирована первая тысяча квартир.

Осенью 1974 года в седловине между горами, сравнительно полого спускающейся к реке Бляве, началось строительство первых пятиэтажных домов в новом Южном микрорайоне. Жилая площадь государственного сектора достигла 350 тысяч квадратных метров.

В городе действовали 8 средних школ. В них работали 259 учителей, учились 4655 школьников. В трех профессионально-технических училищах готовились к работе на предприятиях почти полторы тысячи учащихся.

Действовали две больницы на 520 коек, 6 поликлиник, 4 аптеки. Медногорцев обслуживали 193 врача и 450 средних медицинских работников.

В горисполкоме в массивной деревянной с инкрустацией обложке-шкатулке хранится

книга, в которую занесены имена людей, отличившихся «в ратном деле и в труде», внесших большой личный вклад в развитие города, в его благоустройство, в дело коммунистического воспитания.

Из коллективного альбома

21 сентября 1977 года сессия городского Совета народных депутатов приняла решение: учредить звание «Почетный гражданин Медногорска». Тогда же в торжественной обстановке были названы первые почетные граждане города. Потом список этот стал пополняться. Заслуги этих людей, их трудовой подвиг запечатлен и в фотопортретах, и в предельно коротких, даже, пожалуй, излишне скупых биографических справках. Вот они:

Матвиенко Иван Тихонович. Родился в 1913 году в Актюбинской области. В марте 1938 года начал осваивать профессию горнового на опытном заводе «Ормедь». Как освоил, можно судить по тому, что уже в следующем году назначен старшим горновым в металлургический цех основного завода. В военном, 1942, году он — сменный мастер, а с 1951-го до ухода на пенсию в 1963 году — старший мастер, воспитавший не один десяток отличных горновых. 9 июня 1961 года Ивану Тихоновичу Матвиенко присвоено звание Героя Социалистического Труда. Член КПСС, с 1965 года — бессменный депутат городского Совета. Несколько лет возглавлял город-

ской штаб ветеранов. Персональный пенсионер союзного значения.

Корсунов Григорий Степанович. На Тульском оружейном заводе начал работать токарем еще в 1929 году. В 1933—1935 годах служил в Красной Армии. Вернулся на родной завод, работал токарем, потом мастером в инструментальном цехе. Глубокой осенью 1941 года вместе с заводом приехал в Медногорск. Член КПСС с 1943 года. Был в своем цехе на заводе «Уралэлектромотор» мастером, а затем старшим мастером до 1971 года, до ухода на пенсию. Подготовил много отличных инструментальщиков. Награжден орденом Ленина, медалями.

Смиренский Василий Николаевич. Ровесник Октября — родился в 1917 году. После окончания Тульского механического института 1 июня 1941 года молодой инженер Василий Смиренский стал работать на оружейном заводе. В 1941-м приехал в Медногорск, в 1947-м назначен начальником цеха. С 1953 года — главный технолог завода. Спустя десять лет стал главным инженером. 15 декабря 1970 года приказом министра Василий Николаевич Смиренский назначен директором завода «Уралэлектромотор». Возглавлял коллектив крупнейшего в городе предприятия до 9 февраля 1978 года — до ухода на пенсию. Много сделал для развития завода и города.

Загорнова Нина Ивановна. Выпускница Бузулукского педагогического училища стала работать в 1939 году сельской учительницей. В 1946-м переехала в Медногорск

и учительствовала здесь, в средней школе № 1 четверть века — до 1971 года. В 1956-м утверждена заведующей учебной частью. Заочно окончила учительский, а затем и педагогический институт. Нина Ивановна с 1952 года член КПСС, избиралась членом горкома партии. В 1965—1980 годах — депутат городского Совета. 23 ноября 1964 года Нине Ивановне Загорновой присвоено звание «Заслуженный учитель школы РСФСР».

Рахмангулов Закей Салаватович. Родился в 1923 году в Кувандыкском районе. В 1940-м поступил в Медногорское ремесленное училище № 7. После окончания работал горновым на медно-серном заводе. В 1942-м ушел на фронт. Вернулся в 1948-м и снова нес вахту у печей — горновым и старшим горновым участка сократительной плавки. С 1965 года бессменный депутат городского Совета народных депутатов. Закей Салаватович Рахмангулов — Герой Социалистического Труда. Член КПСС с 1967 года. Наставник. Несколько лет возглавлял городской штаб ветеранов.

Бокастова Мария Алексеевна. Родилась в 1930 году в Саракташском районе. После окончания ремесленного училища в 1948 году стала работать электрообмотчицей на заводе «Уралэлектромотор». В 1951-м коммунисты завода приняли молодую работницу в члены КПСС. Как лучшую производственницу в 1953 году Марию Алексеевну Бокастову направили в ремесленное училище мастером производственного обучения. В 1959 году вернулась на

завод. 10 марта 1976 года ей присвоено звание Героя Социалистического Труда. Награждена двумя орденами Ленина, медалями. Избиралась членом обкома и Медногорского горкома партии, делегатом XXV съезда КПСС. Возглавляет совет наставников.

Бурба Александр Адольфович. Пришел на медно-серный завод молодым инженером-технологом в 1941-м. Начинал старшим инженером исследовательской лаборатории. Затем стал начальником химического цеха, начальником ПТО. Потом с 1954 по 1969 год был директором комбината. Решительно боролся за технический прогресс. Это помогло вывести комбинат из убыточных в рентабельное предприятие. Внес большой вклад в развитие комбината и города. Член КПСС. Награжден орденом Ленина. В 1969 году Александр Адольфович Бурба был назначен ректором Оренбургского политехнического института. Избирался членом горкома партии, членом ревизионной комиссии областной партийной организации, делегатом XXIII съезда КПСС, депутатом Медногорского городского Совета.

Дуля Василий Иванович. Родился в 1930 году. После окончания ремесленного училища № 4 в 1949 году стал работать горновым, с 1955-го — старшим плавильщиком, с 1979-го — мастером основного производства металлургического цеха медно-серного комбината. В 1958 году Василий Дуля возглавил комсомольско-молодежную бригаду, которая стала первым

в городе коллективом коммунистического труда. В 1960-м ему присвоено звание «Почетный металлург». С 1963 года Василий Иванович Дуля член КПСС. Награжден орденами Ленина и Октябрьской Революции.

Зотов Иван Васильевич. Родился в 1931 году. В 1955-м стал работать каменщиком в строительном управлении №4 треста «Южуралтяжстрой», в 1958-м назначен бригадиром, возглавил бригаду каменщиков, которая перевыполняет задания из пятилетки в пятилетку. Иван Васильевич — один из тех, кто своими руками построил город. Дома, которые возводила бригада Зотова, стоят на многих улицах Медногорска. Иван Васильевич — опытный наставник, он обучил более пятидесяти молодых строителей. Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Сушкова Анна Ивановна. В годы Великой Отечественной войны совсем юной девчушкой Анна Сушкова работала в эвакуационном госпитале № 5888. Многие солдаты и офицеры с благодарностью вспоминают «медсестру дорогую Анюту». С 1947-го Анна Сушкова стала работать фельдшером в медпункте медно-серного комбината. Здесь в 1948-м ее приняли в ряды КПСС. С 1953 года она на самом Ооевом посту — фельдшер «Скорой помощи», а затем — до 1985 года — в городской больнице. Награждена медалью «Ветеран труда». Можно без преувеличения сказать, что Анну Ивановну — внимательного, чуткого медицинского работника в Медногорске помнят и любят все, кто обращался к ней за долгие

годы работы за медицинской помощью.

Булат Михаил Петрович. В 1936 году после окончания института молодой инженер Михаил Булат пришел на Тульский оружейный завод. Потом стал начальником цеха, заместителем главного энергетика, главным энергетиком на эвакуированном в Медногорск заводе. В 1947-м назначен главным инженером, а спустя десять лет стал директором завода «Уралэлектромотор». При его активном участии были внедрены в производство первые автоматические и агрегатные линии. За годы руководства заводом (1957—1963) выпуск продукции здесь увеличен в два раза. Избирался членом горкома партии, депутатом городского Совета.

Сентюрин Михаил Иванович. Родился в 1933 году. В 1950-м поступил на медно-серный комбинат сигнальником. После службы в Советской Армии с 1956 года стал работать в Медногорском пассажирском автопредприятии, с 1960-го — водитель автобуса. Работал и учился заочно в автодорожном техникуме, после окончания которого выдвинут на должность инженера по безопасности движения. В 1961 году Михаил Иванович Сентюрин принят в члены КПСС. С 1976-го — водитель такси. Постоянно перевыполняет задания, работает четко, пользуется уважением в коллективе.

Мамыкин Иван Гаврилович. В довоенные годы работал помощником машиниста в железнодорожном цехе медно-серного комбината. На фронте артиллерист Мамыкин подбил семь вражеских танков, не раз

отличался в боях за Родину. Стал полным кавалером орденов Славы. Три солдатских ордена — это три подвига. И не случайно те, кто награжден тремя орденами Славы, приравниваются к Героям Советского Союза. После возвращения из действующей армии Иван Гаврилович Мамыкин работает на боевом посту — в пожарной команде медно-серного комбината.

После семилетки пришел в школу ФЗО Тульского оружейного завода Саша Шишин. Потом в Туле и Медногорске, куда был эвакуирован завод, прошел путь от рабочего до начальника цеха и секретаря парткома завода. Почти сорок лет проработал Александр Васильевич на оружейном заводе и на «Уралэлектромоторе». В зрелом возрасте окончил он вечерний индустриальный техникум. На заводе его знали все. Знали и любили. Он стал одним из опытных партийных работников Медногорска. Несколько раз избирался депутатом городского Совета. В день 50-летия города Александру Васильевичу Шишину присвоено звание «Почетный гражданин Медногорска». Персональный пенсионер.

Почетные граждане Медногорска. Его цвет и гордость. Люди разных профессий — горновой и учительница, строитель и директор комбината, мастер и обмотчица, фельдшер и водитель. Но есть у них и общие черты, всех их объединяет честный труд, постоянное стремление сделать что-то для того, чтобы краше становился город. В книге почетных граждан еще немало чистых страниц. Их заполняют имена самых до-

стойных. Жизнь продолжается. Город, отметивший пятидесятилетие, устремлен в будущее.

Свой пятидесятилетний юбилей отметила и городская партийная организация, выросшая из маленькой в шесть человек ячейки, созданной на стройке еще 1 июля 1933 года. В год рождения Медногорска в городской партийной организации было 418 коммунистов. Теперь первичные организации города, а их 51, объединяют 2860 членов и кандидатов в члены КПСС. Это передовой отряд рабочего класса города, это те, кто идет в первых шеренгах борцов за перестройку всех сфер жизни, за ускорение развития всех отраслей народного хозяйства, кто ведет большую воспитательную работу в своих трудовых коллективах, показывает личный пример в труде, в общественных делах. В рядах городской партийной организации прошли хорошую школу воспитания, выросли опытные руководители и организаторы.

Еще в 1937 году пришел на строительство Блявинского комбината из Кувандыкского района Георгий Крапивин. Отсюда осенью 1939 года ушел на действительную службу в Красную Армию. В 1942-м на фронте стал коммунистом. Вернулся в Медногорск только в 1947 году и сразу пошел слесарем на медно-серный. С 1950 года Георгий Григорьевич Крапивин на партийной работе. Сначала был инструктором горкома, заведующим отделом горкома КПСС, заместителем секретаря парткома и затем долгие годы — секретарем парт-

кома комбината. Георгий Григорьевич сумел стать душой рабочего коллектива, увлекал личным примером трудолюбия и целеустремленности. Крапивину уже пошел пятый десяток, когда он поступил в вечерний индустриальный техникум и успешно окончил его. Он не раз избирался членом городского комитета партии, депутатом городского Совета народных депутатов.

Сходная биография и у Георгия Ивановича Рождествина. Школа ФЗО, которую окончил в военном 1942 году, рабочая закладка в коллективе оружейников. Стал мастером, заместителем начальника цеха. Потом, в 1958 году, коммунисты завода «Урал-электромотор» избрали его заместителем секретаря парткома. С тех пор он на партийной и советской работе. Был заведующим промышленно-транспортным отделом, секретарем, вторым секретарем горкома КПСС, избирался председателем исполкома Медногорского городского Совета народных депутатов. Много сил и энергии отдавал Георгий Иванович строительству жилья, благоустройству города, улучшению условий жизни медногорцев. Авторитет у него был непререкаемый. В городе знали, что Рождествин слов на ветер не бросает, если сказал — сделает.

В 1948 году в Медногорское ремесленное училище № 7 поступил паренек из Александровского района Федор Шуйский. Он столь прилежно овладевал профессией, что его оставили работать в училище слесарем, а затем — мастером. После службы в Советской Армии поступил в Са-

ратовский индустриальный техникум, учился там вместе с улыбчивым парнем, который спустя полтора десятилетия стал известен всему миру как первый космонавт планеты.

Окончив техникум с отличием, вернулся в свое училище, стал мастером производственного обучения. Вскоре он был выдвинут на партийную работу — инструктором горкома КПСС. Спустя два с лишним года Федор Иванович Шуйский утвержден заведующим отделом, затем избран вторым, а в 1965 году первым секретарем городского комитета партии. Работая, продолжал учиться, окончил Всесоюзный заочный политехнический институт. В 1973 году обком КПСС направил Федора Ивановича на очень ответственную работу начальником областного управления торговли.

Таких руководителей, имеющих хорошие деловые качества, добросовестных, порядочных, принципиальных, умеющих по партийному решать непростые вопросы, пользующихся заслуженным авторитетом не только в городе, но и в области, немало выросло за полвека в Медногорске.

На всех этапах жизни молодого города партийная организация порой в очень трудных условиях решала непростые проблемы руководства народным хозяйством, социальные вопросы. Коммунисты Медногорска принимали и принимают самое активное участие в работе областной партийной организации, в жизни родного города.

Еще в 1939 году делегатом XVIII съезда партии был избран Александр Матвеевич

Пуговкин — первый секретарь Кувандыкского райкома ВКЛ(б), который тогда находился в Медногорске. В работе XXI съезда партии участвовала инженер медно-серного комбината Екатерина Емельяновна Урубко. Делегатами XXII съезда КПСС были старший мастер завода «Уралэлектромотор» Борис Павлович Коротеев и старший фурмовщик медно-серного комбината Иван Гаврилович Рябинин. Коммунистов Медногорска на XXIII съезде КПСС представляли электрообмотчица завода «Уралэлектромотор» Мария Дмитриевна Шилова и директор медно-серного комбината Александр Адольфович Бурба. На областной партийной конференции делегатом XXIV съезда КПСС избрана шлифовщица завода «Уралэлектромотор» Зинаида Федоровна Щур. В работе XXV съезда партии принимала участие электрообмотчица завода «Уралэлектромотор» Мария Алексеевна Бокастова. Делегатом на XXVI съезд КПСС была избрана намотчица цеха контакторов «Уралэлектромотора» Надежда Ивановна Щербатова, а на XXVII съезд — слесарь-инструментальщик этого же завода Анатолий Федорович Шишкин. В работе XIX Всесоюзной партийной конференции вместе с другими делегатами участвовала штамповщица Надежда Михайловна Адушева.

Делегаты партийных форумов — это не только передовики производства, но и люди, самым активным образом участвующие в общественной жизни. Анатолий Федорович Шишкин, например, взял высокое

обязательство: выполнить план первых двух лет пятилетки к 70-летию Великого Октября — и справился с ним досрочно. Он активно участвует в общественной жизни завода и городской партийной организации. А не так давно Анатолий Федорович через газету «Южный Урал» обратился ко всем рабочим области с призывом найти новые резервы повышения производственных показателей. Каждый на своем месте мог бы работать лучше, качественнее. Конечно, многое зависит от смежников. Изделия низкого качества присылает, к примеру, в Медногорск Оренбургский завод резиновых технических изделий. Но и в своем коллективе не всегда цеха выдают доброкачественную продукцию. С этим ведется настойчивая борьба. В 1987 году, например, потери от брака сократились на заводе на десять с лишним тысяч рублей. И все же они еще велики. Вот Анатолий Федорович и предлагает всем сообща взяться за дело. И прежде всего показывает пример высококачественной работы сам.

Энергично, стремясь решать проблемы по-ленински, работают в городской партийной организации плавильщик металлургического цеха медно-серного комбината, кавалер ордена Ленина Александр Григорьевич Евтушенко, слесарь-инструментальщик завода «Уралэлектромотор» Евгений Петрович Карпов, маляр электроаппаратного цеха Любовь Тимофеевна Тарасова, столяр строительного управления, член горкома КПСС Марсель Лутфрахманович Хасанов, председатель исполкома Медногорского го-

родского Совета народных депутатов Николай Васильевич Козупица, токарь завода «Уралэлектромотор», член горкома КПСС Михаил Иванович Жуков, бригадир водителей автоколонны 1592 Николай Васильевич Шерехода, заведующая отделением центральной городской больницы, отличник здравоохранения Валентина Михайловна Рябченко, закройщица горбытуправления Зинира Ахметовна Тляумбетова и многие другие коммунисты.

Деятельность партийной организации зависит от позиции коммуниста. Он в ответе за ее дела, а она отвечает за каждого. С новой силой звучит сейчас эта ленинская формула. В городской партийной организации немало коммунистов, которые выросли в настоящих политических борцов. Членом бюро горкома КПСС избран бригадир пассажирского автопредприятия Павел Алексеевич Фомин. Он очень уважаемый человек и в своем трудовом коллективе, и в городской партийной организации. Павел Алексеевич — отличный водитель, душевный товарищ, умелый наставник молодежи. К его голосу всегда прислушиваются — выступает ли он на бюро или беседует с товарищами по работе, с соседями. К нему идут за советом.

Таких людей с высоким чувством долга, с повышенной ответственностью, любящих свой город и старающихся сделать все возможное, чтобы он становился с каждым годом краше, благоустроеннее, много в Медногорске и среди коммунистов, и среди беспартийных. Их глубоко волнуют судьба

города, перспективы его развития, они болеют душой за деятельность своих предприятий.

С апреля 1985 года, с известного Пленума Центрального Комитета партии, вся жизнь нашей страны идет под флагом перестройки. Задачи, поставленные перед партией, перед советским народом, очень трудны и сложны. Мы сильно отстали в годы застоя. И теперь в короткие сроки надо не только вернуть утраченные позиции, но и сделать значительный шаг вперед, причем не только в промышленном производстве, но и во всех отраслях народного хозяйства, во всех сферах общественной жизни, в сознании людей. Это не просто, Очень живучи оказались силы инерции, негативные явления — безответственность, очковтирательство, несоответствие слова и дела и тому подобное.

Перестройка — сложный и длительный процесс. К сожалению, она идет медленнее, чем хотелось бы. Преодолеть эти трудности страна сумеет. Ведь именно с перестройкой связывают люди свои планы и надежды. Особая ответственность за ход обновления лежит на партийных комитетах, на первичных парторганизациях, на советских, профсоюзных, комсомольских органах. В ответе за перестройку каждый коммунист, каждый труженик. Перестройка — это очень трудный экзамен и для партийных органов, и для трудовых коллективов. И медногорцы стремятся использовать все, даже малейшие возможности, чтобы прибавить в работе, выдержать этот экзамен.

Будущее — своими руками

О нем, о будущем, о проблемах и перспективах развития Медногорска наш разговор с Семеном Васильевичем Панасенко — ветераном городской партийной организации, начинавшим свой трудовой путь в 1955 году после окончания Харьковского химико-технологического института на брикетной фабрике медно-серного комбината. В 1965 году Семен Васильевич был избран вторым секретарем, а затем пятнадцать лет работал первым секретарем горкома КПСС.

— Прошло полвека с того дня, когда на Южном Урале, среди невысоких гор, родился наш город Медногорск. У него большая трудовая и ратная слава... Когда в начале тридцатых годов сюда пришли первые строители, они увидели пустынные, заросшие кустарником горы и одноколейную железнодорожную линию, по которой время от времени проходили поезда к Орску и Оренбургу. Все, что сегодня есть в нашем городе, — дело рук советских людей, построивших в довоенные годы новый город и медно-серный комбинат — один из самых крупных в стране.

В 1956 году в журнале «Огонек» был опубликован очерк Анатолия Софронова «В оренбургских степях». Есть там такая глава «Почему остаются в Медногорске». «С начала строительства на заводе Николай Иванович Лапушкин, — пишет автор. — В 1936 году пришел на завод малограмотным слесарем, сейчас — механик

химического цеха, учится в техникуме.

Семеро детей рождены в Медногорске. Ирина работает в конструкторском отделе и учится в техникуме. Тамара — в химической лаборатории. Остальные — малыцы, но все уже учатся.

— Нравится вам Медногорск?

— Как же не нравиться?

— Чем?

— Вы проживите двадцать лет на одном месте. Все своими руками постройте, через лишения пройдите. Семеро детей вырастите. Уважение людей заработайте... Есть, конечно, и бродяги, летающие с места на место. Им того не понять... А тут все словно твое... Прирос я к этому месту...»

Так могут сказать многие сотни ветеранов, первостроителей нашего города, целые трудовые семьи, или, как сейчас говорят, династии, которые, построив город, «приросли к этому месту». И сейчас немало случаев, когда люди, по разным причинам менявшие Медногорск на другие, на их взгляд, более привлекательные места, возвращаются сюда, в может быть и не такие броские, но все же родные края...

Кстати, Николай Иванович Лапушкин проработал на комбинате тридцать семь лет. Указом Президиума Верховного Совета Российской Федерации ему было присвоено звание «Заслуженный рационализатор РСФСР». Вслед за старшими сестрами на комбинат пришел сын Н. И. Лапушкина Николай — слесарь химического цеха. Три сына — Борис, Владимир, Александр стали инженерами, Лидия ²⁰⁷ учительница. Дело

Николая Ивановича Лапушкина и его жены Нины Павловны продолжают внуки.

Шестнадцатилетним подростком в военном, 1942, году начал свой трудовой путь ремонтным рабочим на станции Медногорск Петр Алексеев. Он стал одним из лучших мастеров пути Южно-Уральской железной дороги. Без отрыва от производства окончил школу, а затем и железнодорожный техникум. 4 августа 1966 года старшему мастеру путей станции Медногорск Петру Дмитриевичу Алексееву были вручены орден Ленина и золотая медаль «Серп и Молот».

Благодарно вспоминают в городе первостроителей, первых рабочих и специалистов Блявинского рудника, медно-серного комбината... На смену им пришли молодые медногорцы, достойно продолжающие традиции отцов и дедов.

А старшее поколение дает молодежи пример неустойчивости, ответственности за судьбу общего дела. Когда на медно-серном комбинате сложилась тяжелая ситуация, требующая неотложных решений, которые оказались не под силу одним медногорцам, ветераны и передовые рабочие — Герои Социалистического Труда Иван Тихонович Матвиенко и Закей Салаватович Рахмангулов, плавильщики Александр Григорьевич Евтушенко и Иван Егорович Харитонов, мастер Иван Кузьмич Улесов — обратились непосредственно к министру цветной металлургии Владимиру Александровичу Дурасову. Они просили его срочно разобраться и незамедлительно

принять меры, поскольку неоднократные обращения руководителей комбината и городского комитета партии в министерство и Главмедь так и не дали ощутимых результатов.

Министр ответил рабочим. Он сообщил, что приказом от 20 февраля 1987 года утверждены первоочередные меры, предусматривающие утилизацию всех металлургических газов, включая газы конверторов. Осуществление этих мероприятий позволит в 1987—1988 годах на 30 процентов уменьшить вредные выбросы от плавильных агрегатов. «23 июля 1987 года министерство рассмотрело ход выполнения этих мероприятий и наметило дополнительные меры по их реализации. Коренная реконструкция и расширение Медногорского медно-серного комбината на основе новой технологии автогенной шахтной плавки окатанных медных концентратов на дутье, обогащенном кислородом, будут осуществляться в соответствии с программой технического перевооружения и реконструкции комбината».

«Одновременно, — как написал министр, — будут решаться вопросы жилищного строительства и социального развития комбината».

Вот такое обнадеживающее письмо. Но предстоит еще много и очень много сделать, чтобы эта программа была осуществлена.

С 1 января 1988 года и медно-серный комбинат, и завод «Уралэлектромотор», и другие предприятия перешли на полный хозрасчет и самофинансирование. Для

старых предприятий — это дело сложное, особенно для комбината, где оборудование устарело и морально, и физически, где трудно решается проблема обеспечения сырьем, что не раз уже приводило к срывам в работе. Коллектив «Уралэлектромотора» во многом зависит от материально-технического снабжения, от поставок по кооперации. Разве можно считать нормальным, когда, чтобы не сорвать программу выпуска электрооборудования, заводчане вынуждены гонять за тысячи километров, например, в Вологду, грузовики за подшипниками и другими комплектующими деталями?

Но с переходом на новую систему хозяйствования и другие предприятия будут кровно заинтересованы в строгом соблюдении договорных поставок, должно улучшиться положение и с материально-техническим снабжением. Что касается коллективов медногорских предприятий, то они способны решать самые напряженные задачи.

Годы двенадцатой и тринадцатой пятилеток станут годами большой работы по реконструкции и расширению металлургического цеха. Параллельно придется вести обновление серно-кислотного производства — этого неизбежно потребует увеличение выпуска черновой меди. Реконструкция металлургического и серно-кислотного цехов будет проводиться с учетом новейших достижений науки и техники, со строгим соблюдением санитарно-экологических требований.

На заводе «Уралэлектромотор» наме-

чается создать новые и довольно крупные мощности по выпуску товаров народного потребления. Страна испытывает острую нужду в электроприводах для бытовой техники. Для того, чтобы резко уменьшить дефицит, решено построить новый крупный корпус, оснащенный современным оборудованием. Площадка для этого солидного здания отведена.

Предстоит обновление городского молочного завода. Старый уже не удовлетворяет потребности горожан. Тут малы мощности, устарели оборудование и технология. Будут построены новые цеха, в них смонтируют оборудование, отвечающее требованиям времени.

В окрестностях города огромные запасы щебеночного камня. Интенсивное его извлечение позволит довести добычу до одного миллиона кубических метров в год.

Сейчас просто невозможно представить себе строительство или реконструкцию предприятия без решения социальных проблем. В городе есть примеры настоящей заботы об условиях труда и быта производственных коллективов. За последние годы заметно преобразилось пассажирское автопредприятие. Здесь созданы и с каждым годом улучшаются условия жизни трудящихся. Тут современная производственная база, обеспеченные всем необходимым учебные классы. Есть хорошая столовая, оборудованы душевые. Заботясь о пассажирах, коллектив автомобилистов, можно сказать, своими силами построил рядом с железнодорожным вокзалом просторный и

удобный автовокзал на сто пассажиров.

Осенью 1974 года были заложены первые дома в Южном микрорайоне. В 1976 году в них отпраздновали первые новоселья. Теперь здесь два десятка пятиэтажных жилых домов, торговый центр, два детских сада, зал торжеств, почта, сберкасса, учреждения бытового обслуживания, аптека, магазин «Оптика», кафе, домовая кухня. Надо построить еще школу на 1176 мест и еще один детский сад. И, конечно, предстоит провести большую работу по благоустройству и озеленению микрорайона.

В одиннадцатой пятилетке в городе построено 13 жилых домов. 800 семей вселились в новые квартиры. В двенадцатой пятилетке жилой фонд Медногорска возрастет еще на 44 тысячи квадратных метров. В центральной части предстоит реконструировать одну из старейших — улицу Горького, новые дома намечено построить на улице Чернышевского. Украсит центр новое здание городского узла связи. Долго из плана в план переносилось сооружение путепровода через железнодорожные пути станции Медногорск. Пора уже решить, наконец, эту сильно затянувшуюся проблему.

По генеральному плану предлагалось осваивать свободные территории в районе Ракитянки. Но такой вариант усилил бы разбросанность города. Дальше Медногорск будет развиваться в южном направлении. За невысокой горой, за Южным микрорайоном, есть еще один «амфитеатр», подобный

уже освоенным. Будем застраивать эту площадку — тут фронт работы, вполне обеспечивающий жилищную программу до 2000 года. К этому сроку, как известно, партия поставила задачу огромной важности — обеспечить отдельной квартирой каждую семью.

Семен Васильевич Панасенко убежден, что надо энергично продолжать работу по озеленению Медногорска.

— Особенно широко развернулась посадка деревьев, кустарников, цветов еще весной 1951 года, — рассказывает он, — когда жильцы дома № 5 по улице Советской обратились ко всем медногорцам с призывом сделать свой город зеленым, привлекательным. Тогда Федор Иванович и Мария Михайловна Берниковы, Алексей Семенович Переведенцев и их соседи по дому № 5 посадили около ста деревьев, много кустарников, цветов. Пример энтузиастов подхватил весь город, и был заложен сквер у строящегося кинотеатра. Весной следующего года горожане посадили уже около 11 тысяч деревьев.

Сейчас прежде всего надо озеленить районы нового строительства. Построен комплекс зданий СПТУ № 6. Хороший, внушительный комплекс. Но без зелени смотрится он неуютно. Нужно хорошо поработать и, в первую очередь, самим жильцам, чтобы изменить облик, улучшить зеленый наряд Южного микрорайона. И еще одно очень важное обстоятельство. Тогда, в послевоенные годы, сажали тополя, клены, карагачи. Теперь есть возможность «утон-

чать» озеленение, высаживать деревья благородных пород — липы, березы, яблони и другие. Больше должно быть в городе цветов.

Каждый год приносит городу что-то новое, делает жизнь горожан интереснее. На берегу Блявы выросло красивое здание санатория-профилактория «Бодрость» — хорошую базу отдыха и здоровья получил коллектив «Уралэлектромотора». В самом центре города создана аллея воинов-интернационалистов с памятником павшим героям. Открыт монумент в честь тех, кто ковал оружие Победы — «Тыл — фронту».

Торжественно отметили медногорцы полувек юбилей своего города. В те дни тут собрались те, кто стоял у истоков Медногорска, кто строил первые дома, пробивался к руде, давал стране медь, серу, боевое оружие, электромашину. Город чествовал ветеранов, подводил итоги своей жизни за пять десятилетий.

На берегах Урала, в районе совхоза «Кувандыкский», создали свои базы отдыха медно-серный комбинат и завод «Уралэлектромотор». Далековато от города — километров за тридцать, но места тут живописные, есть лодочные станции, можно порыбачить, покататься. На отдых медногорцы выезжают сюда целыми сменами и целыми семьями.

Предстоит еще многое, — заключает С. В. Панасенко, — чтобы наш город, отметивший свое 50-летие, оставался молодым, чтобы людям в нем жилось удобно, чтобы они любили его. Мы все вместе к

этому стремимся еще и потому, что Медногорск — первый город Оренбуржья, построенный в годы Советской власти, город, ставший своеобразным памятником социалистической индустриализации. Этапы жизни Медногорска — это ступени роста нашей страны, частица ее славной истории.

Справочный отдел

На 1 января 1989 года в Медногорске было 38 380 жителей. В поселке Никитине — 9160 человек, в Ракитянке — 356 жителей. Город занимает площадь 7338 гектаров.

Основная часть застройки Медногорска расположена на круто спадающей площадке, на надпойменной террасе реки Блява, на высоте 350 метров над уровнем моря.

На широте Медногорска находятся города: на восток — Целиноград, Кызыл, Благовещенск, Комсомольск-на-Амуре, Северо-Курильск; на запад — Уральск, Саратов, Белгород, Киев, Ровно, Вроцлав, Дрезден, Бонн, Брюссель, Плимут, канадский город Калгари — столица зимних Олимпийских игр 1988 года.

Расстояние от Медногорска до Оренбурга — 223 километра, до Москвы — 1741, до Орска — 109, до Челябинска — 647, до Свердловска — 918, до Актубинска — 448 километров.

Жилой фонд города на 1 января 1989 года составил 597 тысяч квартирных метров полезной площади. Это 13 285 квартир.

В Медногорске 8 промышленных пред-

приятти, две строительных организации.

В городе два средних специальных учебных заведения: индустриальный техникум и медицинское училище, три средних профессионально-технических училища — металлургов, электромашиностроителей и строителей, 8 средних и восьмилетних школ, 20 детских и яслей, музыкальная школа.

В Медногорске три Дома культуры — металлургов, электромашиностроителей — «Юбилейный» и горняков, кинотеатр «Урал», Дом пионеров, краеведческий музей, 13 библиотек с книжным фондом — 760 тысяч экземпляров, парк, скверы, общая площадь зеленых насаждений — 186 гектаров.

На страже здоровья медногорцев две больницы, четыре поликлиники, два санатория-профилактория.

Трудящихся Медногорска и гостей города обслуживают 62 кафе и столовых, 52 продовольственных и промтоварных магазина.

В Медногорске 14 автобусных маршрутов. Их общая протяженность 150 километров. В городе 119 автобусов и 10 легковых такси. Автобусом из Медногорска можно доехать до Оренбурга, Орска, Новотроицка, Энергетика, Гая, Сибая, Зилаира.

Медногорск расположен в зоне резко континентального климата — с холодной суровой зимой и жарким сухим летом. По данным Кувандыкской метеостанции:

Среднегодовая температура воздуха +3,4°.

Абсолютный максимум температуры воздуха летом +41,4°.

Абсолютный минимум температуры зимой — 36°.

Средняя дата образования устойчивого снежного покрова — 15 ноября.

Средняя дата схода устойчивого снежного покрова — 8 апреля.

Самый ранний мороз был зарегистрирован 19 августа.

Самые поздние заморозки отмечались 6 июня.

Средний безморозный период 128 дней. Среднегодовое количество осадков 456 миллиметров.

Среднее число дней с осадками 137, в том числе в теплый период года (апрель-октябрь) — 72. Деловые адреса

Горком КПСС — Дом Советов,		
ул. Советская, 37		тел. 2-05-75
Горисполком	»	» 2-08-39
Горком ВЛКСМ	»	» 2-00-62
Редакция газеты «Медногорский рабочий»,		
ул. Кирова, 19		» 2-13-40

Комбинаты, заводы, стройки

Медно-серный комбинат,		
ул. Заводская, 1		» 2-11-06
Завод «Уралэлектромотор»,		
ул. Моторная		» 2-13-20
Карьероуправление,		
ул. Комсомольская, 2		» 2-08-30

Городской молокозавод, ул. Комсомольская, 61	тел. 2-12-00
Хлебокомбинат, ул. Комсомольская, 31	> 2-11-79
Пуховязальное производство, пер. Советский, 4	> 2-11-34
Городское производственное управление бытового обслуживания населения, ул. Свердлова, 1а	> 2-15-19
Строительное управленне № 4 треста «Южуралтяжстрой», ул. Кирова, 2	> 2-11-62
Управление «Спецстрой-1», ул. Комсомольская, 1	> 2-15-07
Цех сборного железобетона треста «Южуралтяжстрой», ул. Кирова, 2	> 2-08-40
Трест «Медногорскмежрайгаз», ул. Кирова, 10	> 2-13-07

Транспорт и связь

Станция Медногорск — железнодорожный вокзал, начальник вокзала	> 2-05-70
Автовокзал — диспетчер	> 2-17-48
Автовокзал — касса	> 2-00-61
Автоколонна 1592, ул. Гайдара, 1	> 2-16-60
Пассажирское автопредприятие, ул. Сортировочная, 1	> 2-17-05
Городской узел связи, ул. Ежова, 1	> 2-11-66

Учреждения культуры и спорта

Дом культуры металлургов, ул. Советская, 33	> 2-00-76
> «Юбилейный», ул. Тульская	> 2-45-89

Дом культуры горняков (пос. Ракитянка)	тел. 2-14-02
Библиотека горкома КПСС, ул. Советская, 37	> 2-01-59
> центральная городская, ул. Советская, 33	> 2-16-75
> детская, ул. Советская, 8	> 2-16-20
> филиал № 1, ул. Комсомольская, 22	> 2-18-65
> филиал № 2, ул. Машиностроителей, 2	> 2-04-61
Дом пионеров и школьников, ул. Советская, 16	> 2-17-64
Кинотеатр «Урал», ул. Советская, 13	> 2-01-72
Городской краеведческий музей, ул. Советская, 33	> 2-01-75
Городской архив, ул. Советская, 37	> 2-08-60
Магазин книготорга, ул. Советская, 18	> 2-11-65
Спортивный клуб ДОСААФ, ул. Советская, 24	> 2-12-80
Стадион «Труд», ул. Комсомольская	

Техникумы и училища

Индустриальный техникум, ул. Советская, 23	> 2-11-77
Медяницкое училище, ул. Молодежная, 6	> 2-12-01
Музыкальная школа, пер. Коммунальный, 5	> 2-13-68
СПТУ № 6, ул. Моторная, 11	> 2-45-36
> № 9, ул. Заводская, 3	> 2-86-75
> № 36, ул. Моторная, 52	> 2-45-36
Учебно-производственный комбинат, ул. Тульская, 13	> 2-45-54

Гостиницы

Гостиница медно-серного комбината ул. Советская, 17	тел. 2-08-18
» завода «Уралэлектромотор», ул. Металлургов, 31	» 2-03-83
» строительного управления № 4, ул. Советская, 22	» 2-20-66

Кафе, магазины

Кафе «Огонек», ул. Советская, 17	» 2-05-80
» «Аленка», ул. Комсомольская, 21	» 2-15-29
Универмаг, ул. Советская, 39	» 2-08-35
Магазин № 8 — «Культтовары», ул. Советская, 39	» 2-08-51
» № 33 — «Уралец», ул. Комсомольская, 21	» 2-11-22
» № 20 — «Заря», ул. Советская, 30	» 2-11-69
» № 9 — «Одежда», ул. Гайдара, 35	» 2-08-37
» № 26 — «Обувь», ул. Советская, 20	» 2-08-52

Содержание

Истоки	8
Путь к руде	33
Первостроители	40
Трудные годы	63
Первая сера, первая медь	80
И пришел сорок первый...	102
Герои не умирают	130
Гвардейцы тыла	140
Мирное время — мирные заботы	155
Второе дыхание	168
Мгновения роста	179
Из коллективного альбома	192
Будущее — своими руками	206
Справочный отдел	215
Деловые адреса	217

Владимир Григорьевич Альтов

МЕДНОГОРСК

Редактор

В. И. Дубровкина

Художник

О. В. Конюхова

Фотографии

В. И. Верстукова

Художественный редактор

В. Г. Витлиф

Технический редактор

О. Я. Понятовская

Корректор

С. М. Кадошников

ИБ № 1825

Научно-популярное издание

Сдано в набор 16.12.88 г. Подписано к печати 31.07.89. ФВ 00132. Формат 70X90/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,19+вкл. 0,29. Усл. кр.-отг. 9,73. Уч.-изд. Л. 8,05+вкл. 0,29. Тираж 5000 экз. Заказ № 3198. Цена 40 к.

Южно-Уральское книжное издательство, 454113, г. Челябинск, пл. Революции, 2. Оренбургское отделение. Полиграфическое объединение «Книга» Челяб. обл. управления издательств, полиграфии и книжной торговли, 454000, г. Челябинск, ул. Постышева, 2

А 58 **Альтов В. Г.**
Медногорск.— Челябинск: Юж.-
Урал. кн. изд-во, 1989.— 224 с,
4 л. ил.
ISBN 5—7688—0246—0

В 1989 году Медногорску исполнилось
50 лет.

Автор книги — оренбургский журналист,
действительный член Географического об-
щества СССР В. Г. Альтов рассказывает о
полувековой истории города, его настоящем
и будущем, знатных гражданах. В справоч-
ном отделе — краткие сведения о природе
этих мест, адреса и телефоны городских ор-
ганизаций, предприятий, учреждений куль-
туры и быта.

А 1805080000--055
М162(03)--89 62—89

ББК 63.3(2Р36)